

***К СВОИМ СОВПАДАЮЩИМ ЮБИЛЕЯМ:
ЛИТЕРАТУРНОМУ, НАУЧНОМУ
И ЖИЗНЕННОМУ***

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЕКСЕЙ ЯШИН

ВОЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Повесть

Санкт-Петербург
Издательство «Астерион»
2023

ББК 84 Р7 (Рос. – Рус.)

УДК 882

Я 96

Алексей Яшин. Военная цивилизация: Повесть (очередная книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы. – Санкт-Петербург: «Астерион», 2023. – ... с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-00188-297-8

В очередной книге Алексея Яшина, написанной в излюбленном им жанре ретроспективного повествования, мы вновь встречаемся с незабвенным рассказчиком Николаем Андреяновичем, матерым оружейником, ныне доцентом кафедры ракетостроения местного университета... и опять же с его детством – отрочеством – юностью, которые волею судеб ему довелось прожить в одном из самых уникальных мест нашей страны: во «владениях» Северного флота СССР, в его историческом центре – городе Полярном и окрестных его островных и береговых маяках на выходе из Кольского залива в Баренцево море. Такое начало жизненного пути сформировало и характер главного героя, настолько своеобразный, что сам бог велел писать с него многотомную эпопею «рассказов Николая Андреяновича». А название же повести «такое, прямо скажем, боевое» прямо сообщает читателю: речь в книге пойдет о той существенной, преимущественно сталинской, части великого советского наследия, которая позволила в прошлом веке, в основном и сейчас, выстаивать силой оружия против вечно враждебного России западного мира. На примере столь хорошо знакомого сызмальства Николаю Андреяновичу Северного флота, самого молодого в стране, героического в Великой Отечественной войне, действующего в акватории на кромке арктических льдов.

...Сейчас только два писателя, Николай Черкашин и Алексей Яшин, литературно «шефствуют» над Северным флотом: первый служил на подлодке, базировавшейся в Полярном, а другой родился, жил и вырос в (нынешнем) Городе военной славы.

Иллюстрация на обложке Олеси Янгол (Юрмала, Латвия)

© Яшин Алексей Афанасьевич,

текст, макет книги, 2023.

ОТ АВТОРА:

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУШКЕ

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета.

Никколо Макиавелли «Государь»

Пятьсот десять лет назад – строки эти пишутся в 2023-м году – во Флоренции увидел свет трактат Макиавелли «Государь», принесший его автору неувядаемую славу, хотя бы другие его произведения, такие как «История Флоренции», «О военном искусстве», «Мандрагора», «Рассуждения», тоже по сию пору не забыты... хотя бы в литературоведческих кругах, в трудах историков Европы соответствующего периода. Некогда проклинаямая, даже внесенная Римским папой в индикт запрещенных книг и сожженная на ритуальном костре, в советской школе полагавшаяся аморальной, хотя бы и была издана в середине тридцатых годов, нынешнему читателю она не привнесет никаких эмоций. Нас отделяют от Макиавелли не только трудно представимые полтысячи лет, но и равные по своей антицивилизаторской деятельности почти всей эпохе человеческой последние десятилетия – почти что счетные годы взлета глобализации с ее расчеловечиванием. На таком малорадостном фоне наставления флорентийского мудреца суть образцы высшей морали!

Времена Макиавелли, тем более в тогдашней Италии с ее обилием вечно враждующих государственных образований, иначе и не представишь как перманентную, гибридную по современной терминологии, нескончаемую войну. Поэтому «Государь» и близкие к нему по теме «О военном искусстве» есть по существу трактаты о войне, как *modus vivendi* и *modus operandi* (образа жизни и образа

действия, лат.) тогдашнего итальянского, вообще европейского человека в его социуме.

За все прошедшие пятьсот лет – до наступления Молоха глобализации уже на недавней нашей памяти, – плюс еще где-то пять тысячелетий, что остались в памятниках письменности, человечество тесно сочетало свои успехи в цивилизации и культуре с войнами. Какой-то досужий историк, скорее всего из дотошных немцев (известный наш ученый Н.В. Тимофеев-Ресовский как-то заметил, мол, не следует заниматься тем, что все равно сделают немцы...), подсчитал: за всю ретроспективно зримую историю человечество провело без войны что-то с пару десятков лет!

Отбрасывая большей частью лицемерный, сюсюкающий пацифизм, скажем, что сочетание мира с его цивилизационно-культурным прогрессом и войны (сразу вспомним эпопею Толстого) есть не человеческая дурость, не произвол и пр., но рабочий метод социальной эволюции. По нашей терминологии* война – системный вирусный регулятор движения эволюции (сивиред). Увы, отбрасывая заодно и политкорректность с ее толерантностью (на Западе – толерастией) и всякими общечеловеческими ценностями (долларом и евро), война – это эволюционная данность. Последние же десятилетия яростной глобализации «классические» войны перешли в разряд распределенных во времени и земном пространстве гибридных. Ну-у, это все сейчас на наших глазах происходит. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Итак, война в эпоху цивилизации по эволюционному определению есть также составляющая – как это диковато не звучит – цивилизации. Отсюда и название предваряемой этими рассуждениями нашей новой книги, очередной в цикле «северных повестей». Несомненно, сама нынешняя обстановка в мире и вокруг нашей страны по преимуществу дала толчок к ее написанию.

* Данная концепция (сивиреда) разработана в книге: А.А. Яшин. Феноменология ноосферы: Универсальная эволюционная регуляция: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 18; в 2-х кн. – СПб: Астерион; Кн. 1., 2021. – 245 с.; Кн. 2, 2022. 295 с. (см. на различных сайтах по поисковику). Эта работа была удостоена старейшей в России, престижной Макариевской премии за 2022 год в области естественных и точных наук. – Прим. авт.

В определенном смысле автор вырос во «владениях» такой уникальной военной цивилизации как Северный флот, в городе Полярном и окрестных его местах, а это исторический центр самого молодого в стране флота и... самого активно действовавшего в Великую Отечественную войну. В послевоенные же годы, особенно в семидесятые-восемидесятые, – и самого мощного, современного флота СССР. Уникальность этой военной цивилизации еще и в том, что, в отличие от других советских флотов, так или иначе перемешанных в своей инфраструктуре с обычной гражданской жизнью в обжитых местах, во многом исторических, с ровным климатом, Северный флот изначально создавался, в буквальном смысле, на голых гранитных арктических скалах. Да и дальше развивался, воевал, крепчал как самостность, в отъединении от гражданского социума.

И в таком специфическом мирке под военно-морским флагом СССР автор был не случайным, временным жителем, но родился там, провел детство, отрочество и начало совершеннолетней юности. То есть редкая для тех мест категория: коренной житель на фоне подавляющего большинства людей временных, по долгу службы там пребывающих: военных моряков, служилых людей береговых частей в составе флота, членов семей офицеров и мичманов. Даже сугубые гражданские лица лишь на малую часть коренные, да и то в первом поколении; остальные прибывшие с Большой земли: кто за «длинным» заполярным рублем*, иные после срочной или сверхсрочной службы остаются, других судьба по иным причинам сюда заносит.

Наконец, что и вовсе делает наше повествование в высшей степени своеобразным, правдивым и занимательным, в своей заполярной жизни автор узнал и прочувствовал военно-морское бытие и бытование во всех его оттенках, тонах и полутонах – как на живописном полотне. Действительно, маячное детство на береговых и островных маяках, что в совместном ведении Северного флота и легендарного Главсевморпути, тогда возглавляемого Иваном Папаниным; одиннадцать лет учебы (первая одиннадцатилетка, привезенная Хрущевым из Америки) в зна-

* То есть для живущих и работающих за Северным полярным кругом к общей в стране ставке (по профессии) добавляются 40 % поясной надбавки и – в описываемые времена – 100 % полярной надбавки. – Прим. авт.

менитой средней школе имени М.А. Погодина города Полярного, из них первые шесть классов – проживание в интернате для детей маячников и офицеров с дальних военных «точек»; собственно пять лет жизни в Полярном, куда перебралась семья; последние два года учебы, совмещаемые с работой электриком в Доме офицеров флота Полярного – старейшего на Северном флоте; три года производственного обучения: по тогдашней школьной программе, по специальности радиотелеграфиста, сугубо военной, флотской... и много чего другого. А под окнами школы пирсы Екатерининской гавани, уставленные в три номера подлодками Четвертой орденов <таких-то> эскадры, а дома рассказы (если повезет в полностью «сухих» местах базирования флота достать матерому мореману бутылочку сорокаградусной...) отца, прослужившего на Северном флоте с призыва 1936-го года десятком с лишним лет, включая две войны: Финскую кампанию и Великую Отечественную. Чего стоили для военно-цивилизационного воспитания подростка картины обыденной жизни? Наверде виденной встречи в Кольском заливе и обмена приветственными гудками двух ледоколов: построенного адмиралом Макаровым «Ермака» и только что введенного в строй атомохода «Ленин».

Многотысячный, рассредоточенный за пределами Полярного и Североморска, перманентно меняющийся по срокам службы в лицах, но при этом такой замкнутый в обобщенно понимаемой «домашности» мир заполярной военной цивилизации! Географически отъединенный не то что от Большой земли, но даже от Мурманска, сугубо гражданского города, и его области, этот военно-морской мир в его истории, начиная с восемнадцатого века, и ведомый автору, действительно связан с самыми знаменитыми именами. Кого только не довелось увидеть автору!

Далекая во времени, но близкая автору в воспоминаниях советская, заполярная военно-морская цивилизация, конечно, к сегодняшнему дню претерпела большие изменения.

После разрушения СССР силами мирового империализма через агентов влияния в стране и возрождения индивидуалистического атавизма частнособственничества, Северному флоту, как основной противодействующей Западу военно-морской силе, был нанесен мощнейший удар. Опустим печальное, трагиче-

ское и всем хорошо известное. И нынешнее его возрождение, когда Молох империализма-глобализма поставил задачу полного уничтожения России, которая его уже ни в каком качестве не устраивает, во многом опирается на советское, сталинское в основном, наследие, которое почти что чудом удалось сохранить в зловещие девяностые – начальные двухтысячные годы. Даже сверхалчным разрушителям и грабителям сложным оказалось скоренько уничтожить советский атомный подводный флот в количестве двухсот пятидесяти единиц – больше чем во всем остальном, империалистическом мире, построенных в Северодвинске и Комсомольске-на-Амуре. И на Северном флоте ядро сохранилось. Уцелела титановая серия ударных атомных подлодок, что базируется в Видяево, равно как и стратегические подводные крейсера в Гаджиево. И надводный флот на рейде Североморска хотя и поредел, но что-то ведь и осталось? Главное, ожил северодвинский Севмаш. Дай-то бог! Увы, ликвидированное строительство атомных подлодок в Приморье уже не вернешь...

А Полярный и «его окрестности», моя малая родина, родоначальница североморской военно-морской цивилизации, сильно изменились к сегодняшнему дню: сам город с открыток и фотографий узнается только по его сопкам, горе Энгельгардта, Екатерининской гавани и острову же Екатерининскому. Впрочем, все города, как и люди, изменяются даже в короткие исторические сроки. Взять ту же близкую от нынешнего проживания Москву – и ехать-то туда страшно: заблудишься ведь! Новые названия улиц и остановок метро. И если раньше геометрически правильно расставленные сталинские высотки служили ориентирами, то нынешние «сити» с их американизированными небоскребами издали смотрятся как челюсть бомжа с осколками выщербленных зубов. Тоже мне Лонг-Айленд на просторах Срединной России. А Полярный – заново построенный многоэтажный город, но сейчас некоторые дома уже опустели, действует программа расселения: некоторые мои одноклассники, оставшиеся в Полярном, выйдя на пенсию, получили квартиры в Средней полосе России. Нет уже у пирсов дизельных подлодок, нет Четвертой эскадры. Только военные катера. Ни единого дымка и огонька на территории бывшего Судоремонтного завода Северного флота. Сгорели в «лихие

девятиностые» знаменитые на весь флот Дом офицеров и интернат при школе. И самой средней школы имени М.А. Погодина уже нет, а здание ее передано под флотское начало. Магазины, улицы заполнены частными автомобилями, которых в мое время в городе ни одного не имелось: Полярный имел только морское сообщение с остальным миром. Даже бывший стадион заставлен пресловутыми «иномарками».

Только неизменное зеркало города – Циркульный дом и здание штаба Северного флота СССР в тридцатые-сороковые годы узнаются на видах современного Полярного. Может поэтому... да, именно желая сохранить в памяти облик *своего* Полярного, с сожалением отклонял приглашения приехать на столетие города от администрации Полярного, на очередные юбилеи *своей* школы... Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

...Тем более увидеть совсем иные окрестности Полярного: упраздненные *мои* маяки Палагубский и Большой Олений, а на безлюдном Седловатом маяк работает в автоматическом режиме: уже не осталось желающих проживать на крохотном скалистом островке. Опустел и некогда многолюдный остров Кильдин; в Кольском заливе насупились нефтедобывающие платформы, а поселок Белокаменка, что отмечен в моем паспорте как место рождения, стал огромным нефтяным терминалом...

А почему «электронное письмо на деревню дедушке»? Да потому, что интернетовская *цифрофрения* напрочь вытеснила печатное слово. Число же читателей книг уверенно стремится к нулю, причем абсолютному. Как и Ванька Жуков, ныне сочиняют повести и романы для безадресной отправки. И держим в голове нетленные строки Бальмонта:

*Где я? Что я? Запою
Все по-новому о старом.
Все бы дальше, все бы к чарам,
Вею, рею, вею, вью.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЖИВАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Учреждения хорошие, но лишенные вооруженной поддержки, распадаются совершенно так же, как разрушаются постройки роскошного королевского дворца, украшенные драгоценностями и золотом, но ничем не защищенные от дождя... Кто должен больше любить мир, как не тот, кто может пострадать от войны? В ком должен быть жив страх Божий, как не в том, кто ежедневно подвергается бесчисленным опасностям и всего более нуждается в помощи Всевышнего? Благодаря этой необходимости, которую хорошо понимали законодатели империй и полководцы, жизнь солдата прославлялась другими гражданами, которые всячески старались ей следовать и подражать.

Никколо Макиавелли «О военном искусстве»

♦ В провинциальном, но недалеком от столицы областном городе проживали два старинных приятеля. Настолько давних, что помнили друг друга со времен учебы в здешнем политехе. Именно помнили визуально, тогда знакомы не были, учась на разных факультетах, корпуса которых располагались на противоположных сторонах территории института, хозяйство которого раскинулось, вперемежку с жилыми домами и целиковым кварталом одного из старейших в стране артиллерийских училищ, преимущественно вправо от главного в городе проспекта, на территории почти половины городского же района. Но ведь запомнились с тех почти исторических времен их лица друг другу? Понятно, что не в учебных корпусах виделись, скорее всего соседствовали одновременно в часы душевного отдыха в пивных заведениях, кафешках-стекляшках, что в шаговой доступности от

учебных корпусов, а в табельные дни выдачи стипендии и вовсе шиковали в «девятом корпусе», что впридачу к восьми учебным института, то есть в ресторане «Дружба». Именно с него территориально и начиналась северная окраина студгородка. Тогда и с заначенной зелененькой, трехрублевой бумажкой, можно было смело входить в это заведение, к вечеру заполнявшегося на треть политеховскими, на другую молодыми офицерами из штата артучилища, а на остальную – молодыми девушками-женщинами, ищущими знакомств. Не подумайте плохого – не проститутками! Их тогда и в заводе не имелось. Именно для знакомства, оправдывая само название заведения.

...И не просто с трояком войти, а встретить тем многих знакомых, опять же с девушками познакомиться, до закрытия погулять, а то и выйти на улицу пьяным и веселым, и нос в табаке, а в кармане (если день не стипендиальный) занятый червонец, красненькая, если появлялось желание «банкет продолжить». И тогда места такие имелись.

Словом, в учебные годы узнавали лица друг друга. Но все проходит, минули и яркие, на всю последующую жизнь, студенческие советские годы. Николай Андреевич, тогда просто Николай, учившийся на факультете военной техники, что прямо, напротив через проспект, дома с «Дружкой» на первом этаже, получил диплом инженера-ракетчика, а Игорь, что впоследствии стал именоваться Игорем Васильевичем Скородумовым, закончил радиотехнический факультет в главном корпусе, который замыкал политеховскую территорию на ее южной окраине.

Оба по распределению отправились работать в прославленное Научно-производственное объединение «Меткость», трижды орденоносное, возглавляемое знаменитым оружейником академиком Гусаковым. И хотя, согласно своим специальностям, попали они в различные подразделения, но при первой же случайной встрече на территории огромного предприятия друг друга тотчас признали и заприятельствовали. Далее и по работе каким-то боком, скорее по принадлежности к общей теме разработки, пересекались. Хотя Николай еще робко осваивал вычерчивание детализовок тактических ракет, а Игорь орудовал паяльником на макетах узлов мобильных радиолокаторов, тем не менее участвовали они в одном

проекте создания на самоходном шасси уникального зенитного ракетно-пушечного комплекса – лебединой песни академика Гусакова, что в наши времена является непременным участником военных парадов на Красной площади.

В огорчительные для отечественной промышленности, тем более военной, девяностые годы, Игорь – и уже Васильевич! – в безысходности уволился с «Меткости», правда, успев уже защитить кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Поменял радиофизику на биофизику, как сам он говорил. Стал замдиректора медико-биологического научно-исследовательского института, где набрал полный иконостас степеней, званий, наград и отличий. Когда в середине нулевых двухтысячных институт сгинул из-за отсутствия финансирования, Игорь Васильевич закрепился профессором на схожем по профилю факультете университета, то есть бывшего политеха.

Крепкой дружбы Игорь Васильевич и Николай Андреянович в эти годы росстани не теряли. Во многом следуя советам профессора Скородумова, и Николай Андреянович уже постпенсионно уволился с «Меткости», где также стал кандидатом наук, и устроился доцентом на тот же факультет, что когда-то закончил. Так многократно заслуженный профессор-биофизик Скородумов и новоиспеченный доцент-ракетчик Николай Андреянович снова оказались в одном учреждении и уже который год передают молодому поколению свой обширный корпус знаний – каждый по своей специальности.

Жизнь наших друзей текла размеренно, с пользой для отечества, а сами они, оптимисты по натуре, получали «глубокое увлечение», как выговаривал с высоких трибун «поздний» Леонид Ильич, от своих университетских занятий. Профессор Скородумов издавал том за томом описания и толкования своей теории о сущности прежней, нынешней и будущей эволюции человеческого вида. Более технически специализированный Николай Андреянович так умело строил свои лекции и практические занятия по проектированию наземных, корабельных и авиационных тактических ракет, что даже девушки-студентки и самые хронические «тройбанисты» отвлекались от напрасных мечтаний о муже-миллионере (в инвалюте) и вполне трезвых прикидов о собственной бензоколонке и с интересом

слушали красочные рассказы препода о флаттере* хвостовиков ракет и что это за собой влечет. Если же студюзусы заскучают, когда Николай Андреевич начинает покрывать аспидную доску трехэтажными формулами решений дифференциальных уравнений в частных производных, то тот, уловив этот момент невнимания и усталости неотточенных еще юных умов, уже по-преподавательски умело снимал их ступор уместно политкорректным анекдотом-быльё на военнотехнические темы...

Словом, жили не тужили, врагов не имели, поводов для злопыхательств и не переменных в вузах доносов не давали, к женским сплетням и жалобам не прислушивались, к прогрессирующей год от года тупоголовости студентов относились отечески снисходительно. Единственно кого они огорчали, также год от года, так это Пенсионный фонд.

♦ Как люди старинной интеллигентской, хотя бы и в первом поколении, закваски, более всего из материального друзья уважали и ценили книги. Надо ли при этом пояснять, что всякими интернетами и хреновинками, по экрану которых народ пальчиками водит – это как карапузы-несмышлениши свои простудные сопли с интересом по тарелкам размазывают, Николай Андреевич и Игорь Васильевич не пользовались. Первый – и посреди ночи разбуди – мог сходу нарисовать макетный разрез ракеты, которой бойцы-хэсболлисты израильские «меркавы» насквозь прошибают в очередных своих стычках, ее полную детализировку и исписать целиковую ученическую тетрадь формулами, поясняющими полет этого славного «изделия» гусаковской «Меткости». Почти сорокалетняя практика – это вам не фунт (сейчас турецкого) изюма! А *компьютерами*, как их язвительно именовал академик Гусаков, пущай внуки развлекаются, раз их с самых начальных классов приковывают каторжански к этому исчадию сатаны расчеловечивания. Это со слов Игоря Васильевича.

Сам же профессор Скородумов, как уникам, обладая абсолютной памятью (как первая скрипка в оркестре абсолютных слухом) и сложным образовательным цензом, знал из естественных и прикладных наук все, что потребно ученому его

* Дрожание, дребезг хвостовых оперений в полете, особенно на резких изгибах траектории. – Прим. авт.

рода занятий. Тем более, создаваемая им дисциплина являлась сугубо авторской, не имеющей предшественников и научных конкурентов. Так что хоть экран монитора глазами насквозь выеешь, ничего даже отдаленно близкого идефикс профессора не сыщешь. И как справочник, научную энциклопедию, Игорь Васильевич компьютер не использовал. Если что-то требовалось профессору из ранее не известного, то поступал он явно подражая великому Нильсу Бору: тот ленился рыться в книгах, отыскивая доказательство того или иного, поэтому выводил нужную формулу или решал заинтриговавшее его уравнение заново. Как говорится, изобретал велосипед для себя.

...Уважая же и ценя книги, одновременно кладези знания и предметы материальной культуры, Николай Андреянович и профессор Скородумов с давних лет своего дружества имели установившуюся традицию по личным знаковым дням своего визави дарить тому книгу, желательно чем-то раритетную и по интересу своего друга. Загодя готовились к трогательному подношению знаков внимания. Где можно найти сейчас книжный раритет? Конечно, единственный в городе букинистический магазин, что расположился с полвека назад в старинном купеческом доме в самом низу проспекта. Еще раньше, с довоенных времен, находился хранитель староизданной мудрости и вовсе в самом начале проспекта, под стенами кремля – географического центра города. Теперь на том месте и всего прежнего квартала высится здание областной администрации, а перед ним одноименная с названием проспекта площадь Ленина. С его же памятником. В семидесятые годы по финскому проекту внушительное здание под обком (*нашей* партии) возвел первый секретарь, друг Леонида Ильича по довоенной партработе в Днепропетровске и перестройщик прежде деревянного города в современный многоэтажный.

Словом, городская «Буккнига» давно уже выручала друзей. Но – нет худа без добра – в новые времена нежданно-негаданно появились еще два источника книжных раритетов. Первый из числа благоустроенных: два навесных остекленных шкафчика, закрепленных на фонарных столбах и с американским названием *Буккроссинг*, появились в центральном парке. Желающие цивилизованно изба-

виться от ставших ненужными книг сознательные, по-советски воспитанные пожилые граждане складывали их в шкафчики, а интересующиеся, обычно тоже пожилые, пополняли ими свои домашние библиотеки. Среди обычной приключенческо-детективной чепухи и массово издававшейся в девяностые годы баптистами, адвентистами, иеговистами и кришнаитами – все на американские деньги – малобогоугодной литературы иногда можно было отыскать что-то стоящее... не в смысле денег, а содержания и редкости издания. Главное, обходить эти шкафчики следовало до двух часов пополудни. Чуть позже появлялся умеренно хромоногий, ростом метр-с-кепкой, но плечистый крепкий мужичонка, который подчистую сгребал в свой бездонный туристский рюкзак содержимое «лабазов». Парковые работяги в оранжевых жилетах охотно поясняли любопытствующей публике, что-де «книголюб» отвозит добычу в единственный городской приемный пункт макулатуры где-то на глухой окраине в Ханинском переулке. «К пенсии прирабатывает, – сокрушенно говорили жилетные, – и законов, охраняющих эти кроссинги, нет. Так нам наши парковые сержанты разъяснили».

Но истинным эльдорадо еще на рубеже веков и тысячелетий стали... обычные городские помойки. Народ, особенно молодой, вступивший в положенные законом права наследования квартир, тотчас затевал евроремонт, а ставшие в те переломные времена излишними книги выносили на помойку. Что-то смутное, слышанное в детстве от родителей о книге, как источнике знаний, еще шевелилось в памяти молодых офис-менеджеров и средневозрастных охранников, водил-таксеров и заправщиков с бензоколонок. Поэтому стопки книг клали рядом с помойкой на чистые камушки.

Конечно, первопечатного «Апостола» Ивана Федорова во всех трех источниках выловить не удавалось, но худо-бедно было чем обрадовать друг друга в дни тезоименитства, перехода внука в следующий класс... словом, было бы благое намерение, а повод найдется.

Так и позавчера, отмечая в излюбленном кафе «Наливай-ка!», что чудом в наше строгое время самоорганизовалось почти-что на территории университетского студгородка, окончание «трудовой каторги» – наступление двухмесячного

преподавательского отпуска, каждый поздравил друг друга заранее припасенной книгой. Профессор Скородумов восхитился третьим томом курса математики Гурса издания середины тридцатых годов. Конечно, автор является выдающимся французским математиком, но ценность подарка более всего в том, что первые две книги трехтомника давно уже скучали по полнокомплектной подружке в книжном шкафу Игоря Васильевича.

Выпили-закусили, обмыли кладезь математической учености. Но и профессор не сплеховал. Чем еще усладить сердце и умаслить душу оружейного в свою бытность инженера, в военной же семье появившегося на свет, прямо-таки чувственно наслаждавшегося чтением староизданных книг с «ятями» и «ерами», «фитами» тож, от страниц которого так завлекающее пахнет заварным кремом? – Конечно, книгой с возрастом за сто лет и лучше всего с военно-воспитательной тематикой, учитывая нынешнее педагогическое статус-кво Николая Андреяновича. И тот долго, с чувством пожимал руку своего друга, получив алаверды за том Гурса аккуратно переплетенный томик, сочинение некоего Петра Заринского, изданное в Казани аж сто пятьдесят лет назад и содержащее сборник публичных педагогических лекций для преподавания в солдатских школах. Еще бóльшую библиофильскую ценность подарку добавляли печати на титульном листе: одна Иркутской учительской семинарии – дореволюционная, другая, уже советского времени, означала библиотеку Читинского пединститута. То ли в шутку, а может и для поднятия авторитета презентованной книги, но Игорь Васильевич тут же предположил, что она в составе библиотеки учительской семинарии была вывезена из Иркутска хозяйственными тыловиками отступающей колчаковской армии, но добралась только до Читы.

Подняли тост за заботу царя Александра Второго, двойного Освободителя (крестьян от крепостной зависимости, а балканских славян от турок), о приобщении солдатушек, бравых ребятушек, к грамотности и знанию истории отечества.

♦ Отдохнув совершенным ничегонеделанием денек от окончания учебного года и умеренного празднования этого события в заведении «Наливай-ка!», Николай Андреянович с наслаждением истинного библиофила, сравнимым лишь с во-

ждением гурмана, подносящего к губам, но и носом восхитительный аромат вдыхающего, пузатенькую рюмку грузинского коньяка «Греми» десятилетней выдержки (увы, все это отнесено к советским временам господства ГОСТ'ов), раскрыл новообетенную книгу для просвещения царевых нижних чинов.

Кстати, сотни, может и тысячи раз за жизнь встречалось ему это словосочетание: нижние чины. Редко в живой речи, а обычно в фильмах и уж, разумеется, в русской классике прочитывалось. И почему-то употреблялось это официальное наименование солдат с оттенком презрения. Особенно в голове с детских лет застряло прочитанное: «Входить в городской сад нижним чинам и с собаками запрещено». А вот сейчас подумал, что ничего обидного для носителя серой шинели, презрительного в таком звании и нет. Хотя и нижний, но ведь *чин*! Опять же в русском языке того времени слово *нижний* в такой связи было равнозначно понятию *младший*. Так ведь прапорщики, поручики и капитаны и не помышляли огорчаться, когда их полковник на смотре командовал: «Господа младшие офицеры! Соболаговолите провести свои роты церемониальным маршем!»

Господь добрый с ними, с нижними чинами, тем более, что уже давно они переименованы в рядовых, бойцов, солдат и матросов – в зависимости от обстановки и обстоятельства упоминания или обращения.

Аккуратно перелистывая нисколько не пожелтевшие более чем за полутора десятилетия страницы с четкой печатью настоящими наборными металлическими литерами, Николай Андреевич словно наяву представлял себе подпоручика Волынского, что в четвертой роте Нижегородского драгунского полка, расквартированного в Алатыре, приказом назначенного ответственным за посещение нижними чинами их роты полковой же солдатской школы. И не просто отвечать, но вести занятия. Это не немилость начальства, добродушно объяснял его ротный командир Вильегорский, просто на новичков принято сваливать всякие доки навряд ли солдатской грамотности. Тем более – недавно из юнкерского училища, всего лишь первое повышение в чине получил, значит в курсе всех новых веяний, а мы-то еще старого закала, дореформенного, приучены не с призывными нынешними, а с прежними, рекрутированными на четверть века, службу нести. И вот по означен-

ным полковой канцелярией дням, пополудни подпоручик Волынский, окончивший Казанское юнкерское училище, растолковывает новобранцам этого года содержание учебника Заринского, что сам преподавал им этот курс, будучи законоучителем училища и одновременно священником Кремлевской – в Казани – церкви военного ведомства.

«Много чудес на свете, – философически рассуждал подпоручик из мелкопоместных, неродовитых, за игрой по маленькой в штосс с сослуживцами в задней, чистой комнате трактира, – нам в училище батяня ученый поп растолковывал про обучение солдат, здесь я то же самое по его книжке разъясняю, не в рясе, а в мундире!» Штабс-капитан Вильегорский, тож из обедневшего рода, подбадривал: «Вы, Григорий Аристархович, не ропщите на судьбу. Годика два потяните эту лямку – и следующему молодому перекинете. А ему-то потруднее придется: говорят в полку, что скоро воинскую повинность на татар и башкирцев распространят^{*}; они-то вовсе небельмешат».

...Так живо себе представил эту картину Николай Андреевич, что непроизвольно вслух зачитал понравившийся ему абзац с совершенно замечательным определением: «Способность души удерживать следы внешних впечатлений называется памятью». И при этом изучающе посмотрел прямо перед собою, представив сидящих в напряженных позах на классных скамьях солдат в историческом обмундировании... даже машинально попробовал заложить правую руку за борт форменного сюртука в погонах со скромными звездами подпоручика. Смутившись сам-один, заухмылялся и выписал понравившееся определение на блокнотный листок: Игорю Васильевичу в коллекцию словесных кунштюков, а может и сам в следующем учебном году озадачит своих студюзов.

♦ Настолько вжился доцент в образ подпоручика, наставляющего солдат русской истории и грамоте, что на миг забыл о книжке в руках, а она и выпала из них, мягко стукнувшись о пол. Похожее случается, если читающий впадает в дре-

^{*} С введением всеобщей воинской повинности после реформ 1860-х годов и до 1917-го года, из мусульманского населения Российской империи призыву подлежали только татары, башкиры и чуваша-мусульмане, как давно вошедшие в состав русского государства. Кавказские и среднеазиатские мусульмане в армию не призывались, возможно как малонадежные и по-русски не знающие. – Прим. авт.

му при чтении. Даже если это завлекательный детектив. Отогнав видение полуторавековой давности, то есть несколько очумело повертев головой, Николай Андреевич согнулся, не покидая уютного креслица, поднял раритетное руководство, что при падении раскрылось на страницах введения, которое попервоначально он пропустил, не листая. Взгляд упал на выделенную красным карандашом кем-то из предыдущих читателей строку: *«Россия есть империя и государство по преимуществу военное»*. Чисто автоматически, не напрягая голову, вспомнил, что и во многом прорицатель Жириновский не раз говорил с думской трибуны: экономика России только тогда и работает, когда она милитаризована...

Опять Николай Андреевич восхитился точностью формулировки. И не удивился: ведь автор руководства для солдат в сане священника, да еще в кремлевской церкви – хотя бы и казанского кремля. А закончивший духовную семинарию, в отличие от выпускников пединститута, настолько превосходно обучен логике и семантике речи, что умеет порой самые сложно завязанные и переплетенные мысли излагать просто, кратко и предельно понятно. Ведь пастырь говорит с амвона для всех прихожан: от неграмотной старушонки-нищенки до заблудшего душой университетски образованного интеллигента. Точно также Сталин писал и говорил: не только Генералиссимус, но когда-то и семинарист.

...И прочитанная строка, в отличие от часто повторяемых в последнее время в прессе и на телерадио, оттого даже оскомину набивших, слов императора Александра Третьего про армию и флот, как единственных союзников России, не косвенно, но прямо и утвердительно, как оттиск полковой печати, лихо отшлепнутый бравым усатым писарем, гласила: много всяких дел в России, но все они в охранительной тени государства по преимуществу военного! Хотя царя Александра Александровича уважал. Ведь именно он был инициатором создания русского флота на Севере и даже крестным отцом его родного города Полярного.

А ведь действительно, опять положив раскрытую книгу на колени, отвлекся на размышления доцент-ракетчик: и правда военное – по преимуществу, исторической судьбе и, скорее всего, по велению того, кого принято в среде верующих

именовать Всевышним, а у профессора Скородумова это фундаментальный код Вселенной.

Конечно, были в истории, так сказать, абсолютные военные государства, та же Монголия Чингисхана. От «стен недвижного Китая» до Европы дошла орда. Русь три сотни лет заставляла дань выплачивать и ярлыки на княжение потомкам Рюрика выдавала... Но немыслимо давно сгинула их пассионарность (Николай Андреевич для любопытства как-то прочитал книгу Льва Гумилева про Великую степь), сама Монголия семьдесят лет на фактических правах союзной республики обреталась на окраине Советского Союза... что же здесь о Казани и Уфе, Астрахани тож, говорить?

Все преходяще: и Александр Македонский, и Древний Рим – от Британских островов до Северной Африки, – то же Германия краткосрочных времен второго и третьего рейхов. Воевали, воюют и, конечно, будут воевать, но у всех как-то по-своему. Англия со своих островов и Америка понятно откуда деловито воюют, со смыслом хапнуть, причем чужими руками. Как *англичанка*, так в прежней России владычицу морей называли, Россию все время клюет турками и поляками, шведами и французами, а в прошлом веке дважды немцами. Даже мудрейший Иосиф Виссарионович не смог предотвратить. Сейчас же *англичанка* с родственниками-америкосами бывших братьев-хохлов натравили... И вообще наступил век гибридных политики и войн: весь мир сам с собой до полного взаимоистребления столкнулся.

Но вот Россия именно военное государство – от Гостомысла и Рюриков до сего дня, то есть воюет почти постоянно, без надрывов и стенаний, как пахарь знает, что сойдет снег – очередной севооборот начнется. И если он, ныне доцент Николай Андреевич, родился и всю немалую свою жизнь торит, не слыша пальбы и взрывов – исключая ночные перестрелки братков в лихие девяностые, – то здесь спасибо Сталину, создателю русской, советской сверхдержавы. Слишком мощный задел, особенно военный, успел создать, что почти сорок лет после его ухода страна если и воевала, то по-ворошиловски: не на своей территории. И войны те велись, как и сейчас, не для хапанья, но на дальних подступах, которые

ныне, увы, становятся все более ближними... Неизменны только враги-организаторы: та же англичанка со времен Московской Руси и янки-полосаты в звездах с середины прошлого века. И без поллитры понятно: кто зачинщик в драке стенкой, а кто глуповатый, но силищи невероятной боец первой линии. Впрочем, у них все по-родственному. Хотя англичанин Редьярд Киплинг нечто иное в виду имел, но в точку попал: Западу и Востоку вместе никогда не быть!

Казалось бы, размышлял Николай Андреевич, закулив для четкости работы сознания, народ в такой военной по необходимости стране должен давно с криком «Во, попали, ребята! А ну ее, рашку эту, айда на извозчика (сейчас на аэроплан) и гнать три года, три месяца и три дня до ближайшей заграницы!» Но такой вот народ собрался, хотя и разношерстный, одних национальностей под сотню, где отчаянный правдоруб, а где вороватый и охальник матерщинный, в бога и царя не верящий, что не хочет гнать на извозчиках и аэропланах. Даже сейчас только самые знатные воры и эстрадные пересмешники, хотя бы и пел некогда Галич: «Не поедут к ним певцы и танцоры, не поедут к ним евреи-шахтеры», убыли из воюющей страны. Но и те вернутся, когда купилы закончатся.

Что ж за страна? – а она странным народом заселена. Даже Сталин, организовавший этот народ на самую великую битву и победу в ней, как-то признался, что не до конца понимает его сущность. Куда уж западникам с их сакраментальной «загадочной русской душой»?

Николай же Андреевич хлопнул себя рукой по лбу и довольно рассмеялся. Чего гадать-выдумывать, всякими психологиями с социологиями толстенные диссертации исписывать, по многу часов подряд на телеэкранах бойцовыми петухами кукарекать про народ-богоносец и прочую... творожную массу на хлеб намазывать? Все просто и понятно: если государство по преимуществу и по необходимости, не нами созданной, военное, то и народ в нем за тысячу лет с характером воина на бессрочной службе сформировался. Солдат же спит... нет, не про то. Чем только он в перерывах между боями не занимается? – всем, что отцы-командиры прикажут. А попер супостат, так бердыш, саблю, кремневку, мосинку, калаш в руки – и вперед! За веру, царя и отечество.

Именно народ наш зрит в корень, какими бы пряниками заморскими и сладкозвучными байками ему рот и уши не затыкали. Даже обычный парень-пэтэушник в девяностые годы прекрасно понимал: Америка была, есть и будет главным и вечным врагом России в любом ее обличье. Конечно, с политическим поводом англичанкой. И нечего сейчас слушать разъяснения актеров в телеэкрана, переодетых ведущими политологами и всякими там аналитиками, что «все мы поверили тогда про вечный мир с Западом», потому и разоружились перед всем миром... заодно и Россию оптом и в розницу распродали. Николай Андреянович в болезненном волнении даже раритетной книжной хлопнул по поручню кресла. Не надо с больной головы на здоровую валить! Народ-то ни на грамм тогда (особенно для трезвости ума остограммившись) не поверил Меченому и его наспех – но с большим тщанием – собранной команде о наступившем рае в подлунном мире. Тем более творцы разрушения страны из числа «лучших» американцев, немцев – далее в политочередь, и в страшном сне не могли бы представить такое, но у них был коммерческий интерес.

Сделав вывод, что торговцы родиной есть главный враг, даже существеннее америкосов и англичанки, военного государства, и вообще здесь торгашам место в маркитанских обозах, Николай Андреянович поуспокоился и даже извинился перед обиженной книгой, дружелюбно похлопав ладонью по переплету.

♦ Почти тридцать лет – только сейчас по необходимости спохватились! – все военное в стране пребывало в некоей полутени. А ведь за каждым из нас стоит в поколениях именно семейная военная родословная? Взять у него самого, так сказать усредненного русского человека. Конечно, отец, того самого эпохального семнадцатого года появления на свет, за четыре дня до свержения Николая Второго. Как призвали в тридцать шестом из-под Ленинграда, с Волховстроя на Северный флот, так и прослужил в матросском и старшинском званиях двенадцать лет, включая Финскую кампанию и Великую Отечественную. И затем еще под двадцать лет гражданским, но во флотских службах там же. Сам Николай Андреянович родился, когда последний год отец его носил фуражку-мичманку.

А дед Николая Андреяновича по отцовской линии, из калужских крестьян, староверов-поповцев*, в Империалистическую солдатом-окопником был, уцелел, но уже дома от оспы богу безгрешную душу отдал. Вся деревня переболела, малец Андреяшка тоже. На всю жизнь неглубокие, но заметные оспины на лице остались...

Дед же по матери Андрей Третьяков, из архангельских поморов, тоже не надолго пережил Первую мировую, вернее, и до окончания ее не дожил. И военная судьба с ним покуролесила. Призванный в четырнадцатом году, попозже попал в экспедиционный корпус, один из двух, которыми царь Николай живым оружием отплатил союзникам за ленд-лизовские поставки через Архангельск, затем свежестроенный Романов-на-Мурмане, ныне Мурманск, оружия металлического. Третьяков попал в самый несчастливый из корпусов, что морским путем по северным морям доставили во Францию, в самую бойню на Марне и под Верденом. Тяжело контуженного, после французского госпиталя обратным кружным путем по морям привезли в Архангельск – далее в родную деревню, где он вскоре скончался. Мать Николая Андреяновича родилась уже без отца.

Дальше дедов генеалогические знания Николая Андреяновича заканчивались. Вне всякого сомнения, служили и воевали предки во все предыдущие века. А от девятнадцатого каким-то чудом сохранились и доказательства. Иначе откуда попадались школьнику еще Николке во время летних отпускных приездов в Калугу и деревню Дворцы, где проживали родственники отца, награды тех лет? – Латунный знак Нижегородского драгунского полка; потому-то Николай Андреянович и рисовал в образах обучение солдат подпоручиком Волынским именно в этом славном полку, название которого засело в памяти с детства. В другой ветви отцовских калужских родичей узрел Николка медаль к трехсотлетию династии Романовых. И совсем удивился серебряному военному кресту, хотя бы и не Георгиевскому, но явно не за писарское усердие пожалованному.

* То есть, в отличие от северных и сибирских староверов, имели своих священников, а значит и архиерея, который их в сан возводил. Калужские староверы – с центрами в Боровске и Калуге – принадлежат к Белокриницкому толку (см. «Очерки поповщины» П.П. Мельникова-Печерского). – Прим. авт.

А вот от дедов наград не сохранилось, учитывая время, расстояния и переезды. Хотя мать вспоминала: от отца имелись в их доме в деревне Верхний Халуи солдатский Георгиевский крест, серебряный, значит четвертой степени, и красивая французская медаль. Отец Николая Андреяновича неуверенно припоминал медаль и какой-то знак. Не сохранились в деревенской простоте. Опять же повальная оспа все перекрутила, перепутала...

Но вот отцовы боевые награды хранились в ящике письменного стола Николая Андреяновича: ордена Красной Звезды и Отечественной войны, четыре медали, в числе которых «За боевые заслуги» и «За оборону Советского Заполярья». Где-то под десяток юбилейных остались у его двух младших братьев. Выпив по поводу, отец с обидой рассказывал про смутную историю, как якобы «не дошел» до него британский орден Георга, вроде как обещанный ему офицером из союзнической миссии в Полярном за обнаружение в тумане застопорившегося английского крейсера «Эдинбург», вывозившего из Мурманска пять тонн золота — в оплату по ленд-лизу. История эта сейчас всячески популяризуется на телевидении, а отец Николая Андреяновича и сам был причастен к ней. Мир тесен в истории его творения.

Со слов отца и матери, самих мало что помнивших по давности времен событий, знал Николай Андреянович, что воевали в Империалистическую братья и другие родственники его калужского и архангельского дедов. Единственный брат матери Михаил, Мишкó по архангельскому говору, участвовал в Финской, несколько охромел по ранению, поэтому всю Отечественную войну председательствовал в своем колхозе, а в сорок пятом уехал на Кольский Север начальником маяка, что во владениях Северного флота, забрав с собой сестру, будущую мать Николая Андреяновича, с двумя малолетними детьми, будущими же единоутробными старшими его братьями. Первый, довоенный муж матери, после срочной служил в охране лагерей, в самом начале Отечественной младшим лейтенантом НКВД был отправлен на фронт, но их воинский эшелон под Малой Вишерой разбомбила немецкая авиация.

У отца братьев не имелось, только старшие сестры. У младшей Настасьи муж с войны не вернулся, а у средней Полины ее Мирон, железнодорожный машинист, таковым и оставался всю войну, только военные петлицы, а в сорок третьем сержантские погоны на рабочей тужурке появились. Супруг же самой старшей Прасковьи начал службу еще в двадцатых годах артиллеристом, затем по партийному призыву в НКВД был переведен – по хозяйственной части. Всю войну являлся главноуполномоченным по заготовке фуража для конницы боевых полков этого наркомата, дослужился до полковника, но... за тюрьму, за суму, да за богадельню – не ручись, как по-архангелогородски говорила мать. Словом, военно-хозяйственная карьера Лазаря Федоровича на пике ее стремительно ухнула в пропасть: по статье «за превышение власти» сам в сибирский лагерь на одиннадцать лет угодил. Хорошо начальником лагпункта оказался его бывший адъютант... И все остальные двоюродные-троюродные калужские родственники отца прошли через войну: через одного и вернулись.

Из четырех братьев Николая Андреяновича – два довоенных, Сережка и Славка послевоенные – срочную служили самый старший Георгий береговым матросом-радистом в Севастополе и самый младший Сергей, попавший в команду обслуживания ракетно-артиллерийского полигона Капустин Яр, что на северной границе Астраханской области. «Менее старший» Анатолий и «менее младший» Славка не служили по здоровью: у первого с сердцем не в порядке, у второго с легкими. Жизнь в Заполярье не сахар, почти что через одного по организму бьет... И племянник Николая Андреяновича, сын Георгия, флотскую традицию продолжил, служил на крейсере «Киров» Северного флота. Когда подросли дети послевоенных братьев, то и они через срочную прошли – кто не получил высшего образования.

Сам Николай Андреянович полагал себя по армейскому ведомству: военная кафедра в политехническом институте с офицерским званием и специальностью командира взвода систем управления оперативно-тактическими ракетами; три с половиной десятка лет трудился в оборонной промышленности; теперь вот на военно-техническом факультете юношество научает те же ракеты конструировать.

...Но вспоминая свой жизненный путь, Николай Андреянович всегда держал в голове, что была ситуация, когда он сам мог выбрать путь военного моряка. К самому окончанию шестого класса отец огорошил Николая: «А хочешь в Нахимовское училище в Ленинграде?» Из дальнейших его слов следовало, что поступление в это славное военное заведение есть величайшая честь и удача. Попасть в него, что в игольное ушко пролезть. Но у него, у Андреяна, большая льгота: полностью выслуженный флотский стаж (военный год за три) и участие от звонка до звонка в Финской кампании и Отечественной войне. Опять же в школе Николка почти отличник. На размышление ему была дана неделя: срок указан в официальном письме Андреяну от соответствующей службы Северного флота. Почему школьник Николка отказался от перспективы иметь кортик и погоны вплоть до... здесь фантазия пределов не имела – этого и посейчас Николай Андреянович как-то не сообразился сам себе объяснить.

...И потянулась у отпускного доцента, уместившегося в простеньком, но уютном кресле, нить воспоминаний, старт которым дала староизданная книжка в простеньком бумажном переплете, заветшавшем от времени, вроде как в шутку врученная Николаю Андреяновичу его давним другом профессором Скородумовым.

♦ Эта нить Ариадны начала разматываться с веретена в те давние годы торжества военной цивилизации великой страны, а впереди мировая история отпустила этому торжеству еще щедрые четыре десятилетия.

Во взрослой жизни, с ее годами, нанизывающимися кольцами и плетущими неразрывную цепь, протянувшуюся от одного века и тысячелетия в другие, номером на единицу больше, Николай Андреянович все четче и основательнее ощущал: его детство, отрочество и юность до пробивающихся усиков прошли в знаковое время, в уникальных обстоятельствах и в местах, о которых все те люди, с которыми жизнь сталкивала его до сего дня, знают только по книгам и фильмам. Конечно, встречались и бывавшие там люди, в основном из служивших на Северном флоте – а других и не случилось, но это совершенно иное, навроде командировки не на один год. К тому же в человеческой массе и таких единицы. Но вот

родиться в тех местах и прожить почти восемнадцать лет? – О таких Николай Андреевич не то что не слышал, тем более не видел, но даже в тех же книгах и фильмах подобных персонажей не встречал. Разумеется, какое-то число знаемых им по житью на островных и береговых маяках, по школе и интернату в Полярном из неизвестных из соседнего Североморска, из городов Печенги, Заполярного и Никеля на норвежской границе, со становищ – так там называют поселки и деревни – Териберки, Харловки, Терского берега, тоже появились на свет и выросли в схожих местах, некоторые и вовсе всю жизнь там провели и сейчас проводят, но число это в своей относительности бесконечно мало. А именно по маячному детству и отрочеству на выходе из Кольского залива в Баренцево море таких по пальцам можно пересчитать...

Единственной землячкой Николая Андреевича, родившейся и выросшей в этих местах, правда, намного позже, с всероссийской к тому же известностью, была певица и автор своих песен Елена Ваенга. Когда лет пятнадцать назад Николай Андреевич случайно узнал из телевизора, что есть такая молодая певица из Питера с чудноватой фамилией, тотчас сообразил: родом она с тех северных мест, а Ваенга – это эстрадный псевдоним, поскольку только одно место так по-лопарски называется: небольшая речка, впадающая с востока в Кольский залив, а при впадении располагалось становище Нижняя Ваенга. Сейчас это город Североморск, возникший в пятидесятых годах как преемник Полярного на роли столицы Северного флота. Более всего Николаю Андреевичу претило копаться в биографиях эстрадных звезд, что без конца вертится на телеэкранах, но здесь он сделал исключение: ведь землячка? Да, таковой и оказалась, родилась в Североморске и до окончания школы проживала в поселке Вьюжный, ныне город Снежногорск. Про ее деда по матери контр-адмирала Журавеля он что-то еще в Полярном слышал. Еще больше, в течение пары лет слышал, но уже в прямом смысле – ушами, как сооружался военный судоремонтный завод в Оленьей губе, всего в паре миль от Полярного, а по воде так прямо напротив острова Большой Олений, при маяке которого семейство школьника Николки проживало до переезда в Полярный.

Уже зная азы школьной физики, Николка не удивлялся, что в ясную штилевую погоду эхо беспрестанных взрывов проносилось от этой близкой губы до Оленьего острова, над поверхностью морской воды лишь немного приглушаясь. Это в каникулы дома, на острове. В школе же, где большинство ребят из офицерских морских семей, уже все знали: в Оленьей губе строят в гранитных скалах, взрывами создавая огромные пещеры с выходом к воде, завод по обслуживанию атомных подлодок. Какому обслуживанию, ведь у них в Полярном свой судоремонтный завод, где недавно начали атомоходы починять? – Этого не мог сказать даже адмиральский сын командира эскадры подлодок, базировавшейся в Полярном.

...И только в самом начале этого века вся страна, глотая горькие слезы потери и бессильной обиды после гибели «Курска», узнала, что завод «Нерпа», в губе рядом с Полярным, занимается утилизацией выработавших ресурс атомных подводных лодок. На этом-то заводе и трудились родители тогда еще просто Лены Хрулевой. А почему сначала поселок Вьюжный, потом город Снежногорск при этом заводе получили такие названия? – это Николай Андреевич сам додумался, вспомнив из своего северного бытия топографию тех мест: губа с заводом расположена как раз по розе норд-остовских ветров, самых частых и заваливающих ее крутые берега сугробами снега, пронесенного через всю ширину Кольского залива и встретившего здесь гранитное препятствие.

Николай Андреевич не смотрел, конечно, имеется в виду телевизор, выступлений современных исполнителей. Но когда нашел недавно в программе повторение сольного концерта Ваенги в Кремлевском дворце, то компатриотски включил нужный канал. Слушая певицу, даже расчувствовался, когда после уже слышанных как-то случайно песен «Аэропорт» и «Шопен», кстати, произвольно отмеченных памятью, Ваенга спела о своем родном «городе на побережье», где рефреном повторялось «снега, снега». И поэтому именно тогда сделал свои метеотопографические выводы о названии Вьюжного-Снежногорска, что по прямой линии от западной оконечности Полярного всего-то в нескольких километрах... и в стольких же по водной глади от острова Большого Оленьего, с которого школь-

ник Николка пару лет слышал непрерывные взрывы, которыми стройбатовцы вырубали в граните пещеры под цеха будущего завода.

Когда во второй половине «нулевых» годов Николая Андреяновича – и разыскали же? – официальным письмом от администрации Полярного пригласили на семидесятилетний юбилей родной школы, то он из приложенного буклета узнал, как явно хитроумная администрация вышла из положения: вспомнить первоначальное название города – Александровск, в честь императора Александра Третьего, инициатора основания, а в то же время и от имени Полярного, города Воинской славы и главной базы Северного флота в годы войны не отказаться. Попринимали же гениально просто: объединили три города, с сохранением их названий, то есть Полярный и соседние Снежногорск и Гаджиево, город атомных подводников, в общее административное – с добавлением «закрытое» – образование город Александровск. Николай Андреянович восхитился, долго хохотал и пару рюмок принял «за новоселье». Это надо же так придумать: все целы и сыты!

На юбилей он не поехал: что прошлое ворошить? А главное, на открытках присланного комплекта «Полярный – колыбель Северного флота» он увидел совершенно другой город, заново построенный на месте снесенного прежнего, исторического Полярного. Из знакомых ему зданий сохранились, по причине солидности «сталинской» архитектуры, только знаменитый Циркульный дом, штаб Северного флота, ныне Кольской флотилии, родная школа, сейчас имени А.А. Погодина и еще паре домов, в одном из которых обосновался музей города. Все остальное немалое пространство перепланировано и застроено многоэтажками. Если убрать из окоема окрестные сопки, Екатерининский остров и корабельную гавань того же имени – стандартный район обычного среднерусского города. Что больше всего царапнуло по сердцу рассматривающего открытки Николая Андреяновича: нет бывшего центром прежнего Полярного Дома офицеров флота – сгорел в самом конце прошлого века, а соседний с ним, самый северный в мире футбольный стадион превращен в автостоянку...

И когда недавно увидел на городской афише, что около второго университетского корпуса, плакат о скором концерте Елены Ваенги, несколько задумался.

Но уже перейдя по подземному переходу на противоположную сторону проспекта – прямо к входу с дорическими колоннами, тоже сталинской архитектуры, в свой корпус военно-технического факультета, мысль пойти на концерт землячки отклонил: без самообъяснения. Впрочем, по очередной, прокатившейся во владениях Минобразования, волне мухослонопревращения (термин острого на язык профессора Скородумова) все факультеты университета переименовали в институты...

И однокашники его школьные, хотя и не маячники, но кое-кто родился в тех местах, далеко не последними людьми в жизни оказались: офицеры-подводники, заведующий кафедрой в солидном питерском (как-то не выговаривалось у Николая Андреяновича возвращенное имя Северной столицы) вузе, преподаватель в одном из военно-морских училищ страны, писатель, руководитель проекта в военной корпорации «Антей», технический руководитель информационной службы области, видный специалист «Севмаша» в Северодвинске. Кто в мурманском «Атомфлоте» трудится, другие до пенсии работали, оставшись в Полярном, на Судоремонтном заводе – ближнем соседе «Нерпы», в смысле в соседних губах.

Все дальше в прошедшие годы разворачивался у Николая Андреяновича свиток воспоминаний – как в знаменитом стихотворении Пушкина. О северном крае военной цивилизации.

♦ Истинное удовольствие не собственно в достижении чего-то, но в ожидании, приближении этого. Истина, усвоенная им еще в школьном детстве, когда семья их жила на маяках – береговом Палагубском и островных Седловатом и Большом Оленьем, а весь долгий учебный год Николка, затем в последовательности подрастания и братья Славка и Сережка, проживали в Полярном в интернате при школе – для детей маячников и военных с «точек», раскиданных по побережью северной части Кольского залива и Баренцева моря – от полуострова Рыбачьего до Териберки. Интернатская жизнь с постоянной тоской по дому, по родителям потому и делилась на временные отрезки между каникулами, когда мать приезжала в Полярный и забирала домой. Уже за месяц до каникул Николка строил планы домашнего пребывания, а на душе от этого теплело, хорошело. Всю

последнюю неделю и вовсе с шальной улыбкой на лице ходил. Но вот прибыл с обычными приключениями – шторм на море, гидроотдельский попутный катер почти час колобродил, пока сумел-таки высадить маячников на скалистый берег Седловатого, или на пути из Полярного на Большой Олений через Екатерининский остров торосами льда забило проливчик между двумя этими островами и так далее – на родной маяк и провел отведенное школьным расписанием время хотя и не скучая, но как-то обыденно...

Так и в сладостно будоражащих душу воспоминаниях о далеком прошлом: не торопиться. Вот поэтому Николай Андреянович, мысленно распрощавшись с младшей землячкой Еленой Ваенгой, попридержал нахлынувший поток образов северного своего взросления. То есть сам-один в квартире, поскольку проснулся поздно, более деловых домочадцев уже не застал, пошел на кухню, поел, чем домашние не обидели, вскипятил воду и заварил чай, до которого, в память своего отца, был гурманом и большим охотником. Вернувшись в прежнее покойное кресло, поставив фарфоровый заварной чайник и личный стакан в мельхиоровом подстаканнике с узорами «под скань» на свой письменный стол, включил телевизор на военный канал. Хотя до Дня военно-морского флота еще долгонько, три недели с лишним, но на канале этом уже загодя начали показывать старые советские фильмы на флотские темы. По утреннему времени фильма не полагалось, зато попал он на передачу о местах своего детства, отрочества и начала юности тож.

Телеведущая, одетая северной туристкой, рассказывала, несколько путаясь в небрежно накануне прочитанном материале сценария передачи, расхаживая по столь памятной Николаю Андреяновичу, плотно заросшей вереском и вороничником тундровой местности, лавируя между проржавевшими бочками из-под дизельного топлива, кучами железного хлама, а кинооператор выхватывал с дальнего плана домишки с провалившимися шиферными крышами, остовы давно уже «раскулаченных» зиловских грузовиков и что-то похожее на завалившийся набок в болотце трактор «Владимирец» – это который изготавливался без кабины, для летних сельхозработ.

Ведущая же все щебетала про экологический десант в Арктике, уже не первый год проводимый Русским географическим обществом, то есть полуобщественной организации при минобороны, как это понимал Николай Андреевич. Еще он отметил, причем не сегодня, а двумя-тремя годами ранее, определенное изменение в риторике передач такого рода. Если в девяностых, а по инерции в нулевых двухтысячных годах, говоря об экологии арктических островов и побережий, телевизионщики, особенно бабского сословия, кривя губы и изображая праведный гнев, ругмя ругали Советскую армию и флот, «напакостивших в Арктике до испуга белых медведей и засоривших первозданную северную природу железным и иным хламом», то сейчас как-то мягко обходят это самое засорение, дескать, все это необходимо, нужно было, но вот сейчас, когда военные покинули эти места, то и прибраться следует. Как-то так вывертываются, явно следуя директивам. И то хорошо. Хоть над прошлым военным величием не изгаляются.

...Но вот одетая заполярной пейзажкой телеведущая упомянула название места нынешней экологической приборки: остров Кильдин. Николай Андреевич аж подскочил на своем креслице: свои места! Кильдин, отделенный узким проливом от северной оконечности Кольского полуострова, чуть восточнее впадения Кольского залива в Баренцево море – самый крупный, относительно конечно, остров мурманского Заполярья. По прикидкам еще школьника Николки – километров пятнадцать в наибольшую длину. Одних островных маяков там было три: Кильдинский Западный, Северный и Восточный. А почему младший школяр с помощью тоже бывшего на Седловатом на зимних каникулах старшего брата Тольки, учился вычислять расстояния и размеры на географических картах, заодно постигая понятия о масштабах? – Потому, что вчера, набегавшись за день по *своему* острову, перевозбудившись, – ведь с осени не был дома! – долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок в жарко натопленной их семейной рубленой избе. Младшие братья посапывали, видя уже не первые сны. Толька с полудня ушел «на гору» в общий маячный дом к своему приятелю холостяку Матрону – вернется полночь. Чуть было задремал, но здесь пришел с полусуточной вахты на маяке отец. Мать разогревала поздний ужин. Дверь с кухни в темную спальню

приоткрыта. Невольно Николка прислушивался к разговору родителей, явно продолжению ранее начатого.

– Так что, мать, думаешь насчет Кильдина? А то Толька с Николкой в Полярном, в интернате. Этой осенью и Славку туда же отправлять, через два года и Сережку. Одни на острове куковать будем, а ребятам каково? Седалин говорит, что времени на раздумье нет. И хотя Мотовилин, начальник Кильдинского Северного, давний знакомец Седалина, но и ему резона ждать нет, штат-то неукomплектованный. Конечно, там место людное, всегда желающего можно сыскать, но Мотовилину нужны с маячным опытом, потому и Седалина просил поискать.

– Тому-то что озаботилось добряком стать?

– Да проговорился раз – дошли слухи из гидроотдела, из Мишукова: с середины этого года штаты по некоторым маякам урезают, вроде как и одного с нашего Седловатого. О своей думает. Так что молчишь: как будем с Кильдином решать?

– Ведь тоже остров, шило на мыло менять...

– Тьфу! Вот заладила: остров, остров! Федот, но совсем не тот! Да на нем не один Мурманск свободно разместится. Сыромятников, что сейчас в Полярный перебрался, с которым в войну на Торосе служили, несколько лет маячил на Кильдинском Западном, много чего рассказывал. Место там людное, как на Большой земле, вроде как, огулом всех считая, тысяч десять...

– Десять? Да в Полярном-то десять с небольшим. Откуда столько?

– Вот оттуда. Несколько береговых флотских и артиллерийских военных частей, а кроме трех маяков крупный поселок Новый Кильдин: гражданские строители, всякие хозяйственные службы при частях, рыболовецкая артель опять же. Даже научный институт* имеется крупный. По мурманскому радио часто в новостях его упоминают. Главное, школа семилетняя имеется, может со временем в десятилетку переведут.

* Всесоюзного значения Полярный институт рыболовства и океанологии (ПИНРО), научная организация с базой прикладных исследований на мурманских Траловом и Сельдяном флотах. – Прим. авт.

Дальше отец с матерью перешли на обсуждение всяких бытовых докук, связанных с возможным переездом, совершенно не интересовавших Николку. Потому и сон скоро сморил его.

Но на многолюдный и огромный – по сравнению с крохотным Седловатым – остров Кильдин так и не перебрались. Только отправили Николку с Толькой на попутном гидроотдельском катере в Полярный, как сразу после новогодних каникул налетели январские шторма, всякая связь Седловатого с обитаемым окрест миром прервалась на пару недель. Радиосвязь маячникам по регламенту не полагалась. Гидроотдельское же начальство, обосновавшееся в поселке Мишуково близ Мурманска, и управление Главсевморпути* с завидной простотой руководящей мысли полагало: раз проходящие мимо того же Седловатого военные корабли, торговые и рыболовецкие суда в сплошной туман слышат шевелящий волосы на голове низкий рев «сирены» маяка, а в кромешной тьме полярной ночи видят вращающийся луч мощного прожектора того же маяка, значит там все в порядке: люди живы-здоровы, а техника в порядке.

...Когда затяжной шторм утомился, а с корабельной рации все того же гидроотдельского катера Седалин связался через флотский пост на Кильдине с Мотовилиным, то и огорчил своего отца Николки: отбой с переездом, место занято, не дождались тебя, Андреян. Но вот к концу году на маяке Большого Оленьего Иван Трофимов с семейством с северами решил распрощаться, на пенсию в свою вологодскую деревню намылился. Так там до Полярного три версты пёхом через Екатерининский остров, хоть на каждое воскресенье ребят домой води! Знаешь ведь, у меня там маячником младший брат. Если хочешь, через него замолвлю слово перед Федоровым, начальником Большого Оленьего?

Так Николка и его семейство вместо многолюдного и таинственного Кильдина попали на Большой Олений.

♦ Уже именуясь молодыми коллегами Николаем Андреяновичем, трудясь в «полтинничном» возрасте жизненной и конструкторской зрелости все в той же

* Не знаю как сейчас, но в описываемое время маяки Кольского залива и побережья Кольского полуострова на Баренцевом море имели двойное подчинение: гидроотделу Северного флота и управлению Главсевморпути. – Прим. авт.

«Меткости», снова вспомнил он о Кильдине, И вот по какому случаю. Трижды орденоносная «фирма Гусакова» обслуживала своими стальными «изделиями» все три основные сферы советских вооруженных сил: сухопутные войска, авиацию и флот. Конструкторы, если они не главные по направлениям, то есть входящие в состав высшего начальства, не ездят на полигонные испытания, тем более на сдачу-приемку в военные части. Это не их забота, а на то есть в каждом отделении «Меткости» тематические отделы и сектора, отвечающие за все и в общем. Они и проводят в подобных командировках в сумме по несколько месяцев в году. А их сопровождают сугубо практические работники: наладчики и испытатели.

За долгие годы работы в «Меткости» у Николая Андреяновича, как человека по натуре общительного и располагающего к себе людей, среди многих знакомств и приятельств, понятно дело, имелись и такие вот разъездные по воинским частям на суше, в воздухе, в смысле на аэродромах, и на кораблях. Много чего интересного узнавал от них Николай Андреянович. И вообще-то, благодаря им, «держал руку на пульсе» – то есть понимал реальное положение дел в армии и флоте: от свойственных воинской жизни анекдотических ситуаций до общей картины, которая его, постоянно, с самого рождения связанного с подотчетными богу Марсу делами, радовала: к окончанию семидесятых годов «руководящими усилиями» и талантом государственных мужей – последнего сталинского наркома, министра обороны Устинова и бессменного, в течение трех десятков лет, командующего флотом СССР Горшкова, страна не только была надежно защищена, но и сама половину мира контролировала. Понятно, что такая опека не гастролями балета Большого театра и ансамбля песни и пляски Александрова обеспечивается, а содержимым арсеналов и их пользователей на суше, в море и в воздухе.

Как было принято в советской инженерной среде, разговоры разговаривались по принципу: «на работе о бабах, вне ее – о работе». Так было и в пятничный, уикэндовский послерабочий ранний вечер, когда Николай Андреянович зашел снять градус июльской жары в ближайшую по выезду служебных автобусов «из леса», то есть из загородного расположения «Меткости», пивную. Входя в заведение, он заранее с тоской подумал, что не менее получаса придется томиться в

плотной, спрессованной очереди к заветному пивному крану. Но тотчас и обрадовался, узрев всего лишь в полутора метрах от крана и пивной королевы Зои своего давнего знакомого и почти что приятеля Егора Зябликова, коллегу по «Меткости», из тематиков, но не из его отделения.

...Уже через десять минут они расположились за высоким круглым столиком со столешницей «под мрамор», что приняты в «стоячих пивных», уставив свой край пивными кружками с лопающейся пеной и готовясь приступить к священнодействию.

– Вот, Егор, бывают же в жизни маленькие радости: зашел и тебя во главе очереди обнаружил! Давай за встречу – такое впечатление, что с майских праздников тебя не видел. Думаю, куда это Сергеич подевался? Небось на полигон загнали?

– Не то слово, Андреяныч, две месячные командировки подряд. Сначала в Донгуз* полюбоваться цветением весенней казахской степи, а затем резко указкой по карте вверх на север – на твою историческую родину, на Северный флот, на остров Кильдин. Ты ведь на нем проживал в детстве?

– Да нет, не довелось, хотя и вполне мог там оказаться. И как Кильдин тебе показался?

– Знаешь, Андреяныч, это ведь самый край Заполярья, дальше земли до Северного полюса, как географической точки, нет ни миллиметра. Но скажу тебе: прекраснее и спокойнее середины лета я еще не видел, не чувствовал, хотя по своей беспокойной работе вроде бы по всем климатическим, так сказать, зонам страны побывал: с севера на юг и от Калининграда до Петропавловска Камчатского. Одно это румяное солнце, что повисло над горизонтом в самую полночь, чего стоит? Впрочем, что я сапожнику рассказываю, как дратву сучить...

– Пена отстоялась, давай причастимся, затем закурим, а ты про обстановку тамошнюю расскажешь. Природу можешь опустить, все же восемнадцать лет и зим в тех местах провел...

* В советское время ракетно-артиллерийский полигон на северо-западе Казахской ССР, на границе с Оренбургской областью. – Прим. авт.

За парой кружек, далее дополненных третьей – бог рекомендует троицу, из обстоятельного повествования Егора Зябликова Николай Андреевич составил полное представление о сегодняшнем Кильдине, где жизнь кипела под опекающим крылом Северного флота, самого мощного в стране. Даже по бытовавшей у моряков присказке буквы *СФ* на погонах рядового состава расшифровывались как *Современный флот*. Тихоокеанцы, черноморцы и балтийцы морщились, слыша такое. Пятнадцать тысяч обитателей Кильдина равняли его с нынешним Полярным. И от Североморска, перенявшего в пятидесятые годы от Полярного титул главбазы Северного флота, небольшим отстает. Все те же три островных маяка, ПИНРО с разросшимся хозяйством, корабельные и судовые, последние для гражданских плавсредств, причалы, а главное – многоштатные военные части. На выступе же западного берега одна из двух в стране – другая на входе в севастопольскую бухту – в высеченных в отвесной скале над морем пещерах противокорабельные ракетные установки, охраняющие вход в Кольский залив и весь район побережья Баренцева моря от полуострова Рыбачий до норвежской границы, насыщенный военными «точками» и базами атомных подлодок.

...Воспоминания о несостоявшемся переезде их семьи с крохотного Седловатого на большой и многолюдный Кильдин и рассказе коллеги по работе в «Меткости» Егора Зябликова о его командировке на Кильдин также в давние времена конца семидесятых годов пронесли в голове Николая Андреевича в единый миг, что не помешало их образности и северной пейзажности. И завершились они к окончанию репортажа с Кильдина нынешнего. А телеведущая неуместно веселым и звонким голосом пела отходную бывшему военному форпосту некогда самого мощного флота страны, ощутимо разрушенного злодейскими силами в девяностые годы: полного разоружения и капитуляции перед недремлющим врагом.

Одетая же заполярной туристкой телевизионщица завершала заданный ей урок: ныне на острове полное безлюдье, даже на единственном оставшемся маяке людей нет, не находится желающих прозябать на пустынном краю света. Маяк же работает на автоматике, беря энергию – здесь Николай Андреевич громогласно

расхохотался – от солнечных батарей. Это в полярную-то крошечную многомесячную ночь и в сплошные круглосуточные туманы, что стоят над морем с октября до мая, когда и должен маяк подавать световые и звуковые сигналы – солнечные батареи?

Понятно дело, с теледевицы спрос мал, но ведь кто-то ей текст сочинял? С дурака-то что возьмешь, ибо дураком он и родился, но телевизор-то и мыслящие люди иногда смотрят! Пару лет назад из переписки со своим школьным другом детства, что остался жить в Полярном, узнал Николай Андреянович: из маяков его северной жизни Палагубский и что на Большом Оленьем острове давно уже не существуют. Остался только на Седловатом. Поскольку же к окончанию девяностых годов появились непреодолимые сложности с поиском желающих маячить, а главное, с обеспечением их жизни на острове (ведь «лихие девяностые», не до того, Федя, не до того...), то и этот маяк на безлюдном островке перевели в разряд автоматических с питанием от двух комплектов радиоизотопных энергоустановок *РЭУ-3-2К*. Такие же «солнечные батареи» на ныне диком острове Кильдине.

Пятнадцатитысячное население, несколько военных частей «первого отражения удара», научно-исследовательский институт, обширный поселок Новый Кильдин ранга среднерусского районного городка – и все это в немногие годы исчезло, словно в большой шторм девятый вал сурового Баренцева моря слизнул все живое с пологого острова, оставив на последующие два десятилетия только ржавые артефакты некогда многолюдной и целенаправленной жизни. И еще девица с экрана добавила горечи в загрустившие мысли Николая Андреяновича: дескать, Кильдину давно пора бóльшую пользу стране приносить: по примеру соседней, на материковом берегу, Териберки следует создать крупный туристический центр в Заполярье. Словом, перековали мечи... нет, не на орала, они тоже вещь полезная, а на бесцельное шатанье-болтанье по поросшей вереском и вороничником топкой тундровой земле, нанесенной за миллионы лет на гранитный остров, скучающих молодых парней и девиц, задумчиво распевающих по вечерам нечто бессмысленное о ветрах и туманах и сожалеющих об отсутствии здесь интернета.

Еще припомнил Николай Андреянович виденное по телевизору, что аналогичную кильдинской базу противокорабельных ракет на Черном море, вырубленную в скалах, уже превратили в экскурсионный маршрут. И навсегда исчезли бывшие кильдинские лопари, которые из всех саамов России, Финляндии и Норвегии имели свой особый диалект.

♦ А вспомнил о лопарских диалектах он по той причине, что братья Седлины, один на Седловатом, другой на Большом Оленьем, как раз вели род от кильдинских лопарей, но кроме русского другого языка не ведали. Но ведь и помимо маяка Кильдинского Западного, куда семейство Николки так и не попало, других на его северной жизни хватило.

Конечно, по младенчеству он не помнил жизнь в Белокаменке, где появился на свет – в смысле в мурманском роддоме, а отец завершал начатую по призыву в тридцать шестом году флотскую службу. Как и маяк в Ретинском, что напротив, через Кольский залив, только-только начинающегося Североморска. А вот отдельные эпизоды, но как кинокадры, жизни на маяке Палагубском, что на стрелке Палой губы и губы Оленьей и прямо напротив западного входа в Екатерининскую гавань Полярного, остались в памяти.

Маяк этот, значившийся в городской черте Полярного, считался первоначально важным, поскольку на его световые и звуковые сигналы ориентированы корабельные выходы из Екатерининской гавани, губы Палой (правильно – губа Пáла), где располагался судоремонтный завод Полярного, и Оленьей губы, где через полтора десятка лет возникнет город Снежногорск – родина нынешней певицы Елены Ваенги.

Почему-то наиболее яркими кадрами из палагубской жизни в памяти Николки, а впоследствии Николая Андреяновича, остался теплый августовский день, ближе к вечеру – полярное солнце уже начинало ненадолго прятаться за горизонт. На самой оконечности берегового мыса маячник Шанежкин пристреливал мелкокалиберку, по случаю купленную во время отпуска в родной Коле; понятно, с рук на руки, у одного местного дедка: с военных лет много чего неучтенного у народа сохранилось. Стреляли на пару с Николкиным старшим братом Георгием, уже

подросткового возраста, в мишень – кусок картона с начерченными углем кругами, прибитый к палке, воткнутой в обнаженный отливом илистый намыв. Николка с Толькой и двумя другими маячными пацанами толпились рядом, тщетно упрашивая и им дать пострелять.

Не то что малолеткам, но и самим стрелкам мешали заниматься серьезным делом. Сначала спустился с мостков Михаил Третьяков, начальник маяка и брат матери, то есть дядька Николки. Он раскричался, смешно матерясь с архангельским говором, отчего грубые слова казались даже смешными и необидными, по той причине, что в нескольких метрах от мишени, тоже на самой оконечности мыса, по правилам безопасности подальше от жилых и служебных помещений, стояла большая железная бочка с соляркой. Еще несколько таких же рассредоточены вокруг маячной вышки. На солярке работал дизель электрогенератора маяка. Дядька же кричал, что попадете, лешие треклятые, в бочку, загорится, мне за вас на отсидку сухари сушить. Но здесь же и успокоился, вспомнив, что именно из этой бочки всю солярку выбрали еще месяц назад.

Не успел Третьяков уйти по своим начальничьим делам, как из-за южного, скалистого мыса Екатерининской гавани показалась подлодка. Поскольку на выходе зарядка аккумуляторов не производилась, то лодка не тарахтела на несколько миль вокруг себя, а выскользнула из гавани, доселе невидимая из-за высокого мыса, внезапно и почти бесшумно. Хотя она оказалась на траверсе Палагубского на расстоянии километров полутора, но по теплой погоде на открытой площадке верха рубки столпились на перекур офицеры и матросы, а кто-то из них отметил, явно в бинокль, отблеск от ствола мелкашки Шанежкина в лучах низко опустившегося солнца. И тотчас понесся, усиленный жестяным раструбом, такой живописный мат, которого Николка, а потом Николай Андреянович, более в своей жизни и не слышали. Но и здесь скоро закончилось. Видно бдительного наружного вахтенного шутливо поблагодарили за бдительность, а Шанежкин, еще не отошедший от отпускной беспечности и от кое-чего привезенного с родины в стеклянной таре, тоже шутейски перехватил мелкашку за конец ствола, поднял при-

кладом вверх и сделал отмашку. Николка сразу вспомнил один из немногих виденных им фильмов: так махал винтовкой сдающийся под Сталинградом фриц.

♦ Если молодого маячника Шанежкина заглаза и в глаза с тех пор на Палагубском стали звать истребителем подлодок, то через два года уже первоклассник Николка получил еще более громкое прозвище: внук маршала Булганина... На этом месте разрозненных воспоминаний Николай Андреянович усмехнулся и даже покачал головой: до чего же тесен мир! Это относилось как к маршалу, министру обороны, так и к наивному хулигану Шанежкину. Отсчитав в памяти полтора десятка лет от того пятилетнего парнишки, что наблюдал сцену условной дуэли Шанежкина с подводной лодки, увидел себя студентом-второкурсником того политеха, что сейчас в ранге «университета классического типа», где сам по сей день трудится доцентом. И увидел в тот день, когда после удачно сданного экзамена в весеннюю сессию зашел с приятелем отметить это благое дело в парковое кафе-стекляшку «Елочка». Дело ближе к вечеру, народ густо повалил с заводов и фабрик, «Елочка» плотно забила инженерным людом и работягами. Все столики облеплены. Веселый нестройный гул, как будто в стократно увеличенном масштабе слетелись пчелы в улей со сплошь стеклянными стенами и, радуясь удачному за трудовой день взятку нектара, разболтались дружески. В какой-то момент общий гомон ненадолго стих, видно одновременно, не сговариваясь, все поднесли к губам граненые стаканы. И в эту паузу студент Николай явственно услышал слова, произносимые мужиком лет сорока-сорока пяти, что сидел за соседним столиком вполоборота к нему: «...Значит, беру мелкашку наизготовку и навожу на подлодку, а оттуда команда доносится: «Торпедный аппарат товсь!»

Собутыльники рассказчика хохочут, мол, хватил лишку приятель. Николая словно искра электрическая пронзила. Мигом вспомнился маяк Палагубский и... «Шанежкин! Ты что ли? – даже не подумав, выкрикнул он в сторону рассказчика, – истребитель подлодок!» Тот также вздрогнул, обернулся, непонимающе крутя головой: одни незнакомые лица, а кто-то его по фамилии кличет.

Словом, только через четверть часа втолковываний и принесенных от буфетной сойки стаканов с портвейном, бывший маячник, а ныне труженик верти-

кально-фрезерного станка на машзаводе Тимофей Шанежкин убедился: его не разыгрывают, а земной шар совершенно круглый; если перемещаться по его поверхности, то рано или поздно на знакомое место выйдешь, тем паче – знакомое лицо встретишь.

Но вот внук маршала Булганина? – Это почище встречи с бывшим маячником Шанежкиным, женившимся на работавшей по оргнабору в Мурманске девушке Даше и перебравшимся с семейством на среднерусскую родину жены, поднакопив «длинных» северных рублей на домик с участком в пригороде. А какой же русский человек не любит приврать чуток на веселую голову: «Торпедный аппарат, товсь!»

Ведь по земной поверхности миллионы и поболее таких студентов Николаев и фрезеровщиков пятого разряда Шанежкиных шагает, а теория вероятностей довольно часто их встречу допускает. Другое дело маршал в должности министра обороны самой большой в мире страны! И хотя страна эта близко к половине охватывает земной шар, считая по долготам, все одно встреча отдельно взятого первоклассника Николки с маршалом Булганиным, вовсе единичным в своем воинском звании и должности, выходит за рамки этой математической теории. Вот если бы ученые на то люди теорию невероятности придумали?

♦ В первый класс Николка прибыл уже с острова Седловатого, на который семья переехала через пару месяцев после той самой дуэли молодого маячника Тимофея Шанежкина с подводной лодкой, выходящей из Екатерининской гавани Полярного на боевое дежурство в море. В каком – Баренцевом, Норвежском или вовсе в Атлантике близ Исландии с ее натовскими базами? То знал только командир подлодки.

Во многом, если не в основном, переезд с Палагубского маяка на Седловатый, как уловил уже созревающий головой Николка из разговоров родителей, был связан с отъездом материнного брата, начальника маяка Михаила Третьякова с женой Матреной и дочерью Светланой на свою архангельскую родину. «Хватит с меня, Андреян, здешней жизни, – запомнил Николка прощальную беседу отца с дядькой Мишей осенним вечером, за бутылкой на росстанях, на кухне общего ма-

ячного дома, – восемь лет оттрубил, денегат поднакопил, пора и честь знать. В свою деревню, в Верхний Халуй, не поеду – чего там делать? В прошлый отпуск ведь побывал у матери. Мужики звали опять в колхозе председательствовать, но нет, баста, надоело за людей отвечать: там колхозников, здесь маячников. Как уже говорил, решили мы с Матреной и Светкой осесть в Плесецке. Как-никак поселок, станция железнодорожная Москва – Архангельск. Рядом Онега-река, на рыбалку буду ездить. Уже в поссовете обговорил насчет участка под дом. А его-то за пару месяцев срублю. Подмогу найду. Насчет проживания этого времени с будущими соседями обговорил. А насчет работы, в два места уже предлагают, обе по нехлопотному руководству. Дома там большие ставят, в два этажа, так что будешь со своим семейством в отпуске к нам приезжать!»

Примерно так говорил дядька Миша, прощаясь с семьей Андреяна и с Заполярем. А уже подросшему Николке, младшему школьнику, мать поведала, что брат Мишкó уехал в сорок пятом на Север не столько денегат поднакопить, но переждать голодную послевоенную жизнь на сытом Северном флоте, а главное, побыть подальше от возможных доносов и вообще от опасной председательской должности. А во владениях флота на Крайнем Севере доносы не в чести, и «органы» представлены лишь особыми отделами частей и их интересуют только люди с погонами...

Как бы там ни было, но отъезд опекавшего сестру и ее семью Третьякова и их самих уже на Палагубском ничто не держало. Тем более, что новым начальником поставили Нифонтова, с которым у Андреяна отношения как-то на складывались. Как уже не умом, но каким-то чутьем начал понимать Николка, что все неприятности на маяках начинаются с переменой начальства.

Нет худа без добра. Оказались на островке Седловатом, где еще с двадцатых годов имелся совсем простенький световой маяк, обозначавший вход в Сайдагубу с ее рыбзаводом и указывающий якорное место для кораблей и судов у становища Захребетное на западном берегу Кольского залива... Это Николке отец рассказывал, готовясь к переезду на Седловатый. А он много чего знал об этих местах, двенадцать лет прослужив там в службе наблюдения и связи флота.

О переезде же, огорошив домашних, Андреян сообщил с порога, вернувшись на моторке из Полярного, куда его Нифонтов посылал – в обычную у маячников очередь – на почту, забрать что накопилось и отправить письма и посылки с Палагубского. А сообщил, что в городе встретил давнего, еще с военных лет, знакомого Виссариона Попова*, который только что принял под свое начальство новый маяк на Седловатом, только что построенный, самый большой и мощный на Кольском Севере. «Представь себе, – возбужденно говорил обычно молчаливый Андреян жене (отметили с Виссарионом встречу в знаменитом на весь Северный флот ресторане «Ягодка»), – здание маяка размером с заводской цех, башня железобетонная высотой под двадцать пять метров, круговой световой маяк, вращающийся прожектор с дальностью огня аж в двадцать миль! Главное, звуковая сирена до Североморска будет зимой слышна: в той башне цилиндр размером с две железнодорожные цистерны, заполненные моторным маслом, а в них поршень ходит; поднимается, масло вязкое отрывается от поршня, отсюда и рев оглашенный на много миль. Попов позвал меня, мол, два отдельных семейных дома срублены, кроме общего маячного. Один – тебе. Опять же рабочих ставок тем достаточно, не только мужикам, но и бабам хватает на всех. Ты же тракторной бригадой в войну в своем колхозе командовала? так и устроишься дизелистом. Все, перебираемся. Мы с Виссарионом все обговорили. Он с почты в гидроотдел позвонил и мое заявление тут же письмом туда отправил. Давай собираться, через неделю – Виссарион заказал – катер гидроотдельский будет».

Так Николка оказался на Седловатом – крохотном островке с самым мощным маяком в советской Арктике.

♦ И все-таки только с пятилетнего возраста прежняя «кинокадровая» память уступила место настоящей, что накапливается с годами и остается на всю жизнь. Еще раз убедился в этом Николай Андреянович, вспоминая раннее детство, толчком к чему послужила изданная полтора века назад в Казани книжка по обучению солдат начальной грамоте и благонравию. Если от проживания на Па-

* Реальное лицо; известный на Северном флоте и в Главсевморпути специалист по маячному хозяйству. Также известен в кругах филателистов страны: написал и издал уникальную книгу по почтовым маркам на северную тематику. – Прим. авт.

лагубском маяке остались в памяти проблески навроде истории с Тимофеем Шанежиным и его мелкашкой, то, прибыв на Седловатый незадолго до своего пятилетия, уже все значимое и даже мелочь всякую запоминал накрепко: и эти два года жизни на маленьком островке, на фоне последующих лет, когда совсем другие мысли вытесняют доселе казавшееся архиважным, Николка считал самыми счастливыми. Он жадно, взхлеб постигал окружающий мир, а немногих жителей острова наивно полагал средоточием доброты, ума и образца для подражания. Свой остров, полная воля и никаких тебе обязанностей! А пилить с отцом или с Толькой дрова, по своим силам колоть на поленья чурбачки, носить ведрами снег, из которого мать топила воду для всех домашних нужд, и множество других хозяйственных дел и делишек – не в счет. Это как обыденно спать, есть, слушать по батарейному радиоприемнику, когда отец его включает, непонятные слова, явно неодобрительные, про английского шпиона Лаврентия Павловича Берия...

Но на то оно и счастье безмятежных детских лет от пяти до семи, что оно так резко и внезапно сменяется рутинной школьной дисциплиной. А для маячника Николки и вовсе трагедия: расставанье с семьей до начала следующего лета. И попадешь ли на свой остров на короткие каникулы в течение этих девяти месяцев? Недельные шторма не подчиняются школьному расписанию и гидроотделу Северного флота.

Настолько ужасной была для Николки отправка в Полярный, в интернат при школе, что все связанное с последними августовскими днями дома, самой поездкой на гидроотдельском катере вместе с матерью и Толькой, завершавшим в этом году свое семилетнее школьное обучение, первыми днями в интернате, хотя бы и под опекой старшего брата, пользовавшегося непререкаемым авторитетом, даже началом учебы, не закрепилось в памяти – словно вернулись допятилетние года... Только повзрослев и поумнев, сообразил уже Николай Андреянович, что здесь сработали законы психологии: сам мозг с его памятью отверг этот неприятный эпизод жизни, защитил сам себя беспмятством...

Только на второй неделе *новой* жизни начал домашний, уютно-островной мальчик Николка приходить в себя, но этот приход ознаменовался немислимо

страшной, прямо-таки выгрызающей изнутри тоской совершенного одиночества. Тем более, что деловитый Толька постоянно где-то пропадал после школьных уроков, в интернат заявлялся к отбойному ко сну часу. У него, как понимал Николка, уже своя, полувзрослая жизнь. Во второй по счету воскресный день обещался сводить брата-первоклассника на утренний фильм в дэкаф*, но в тот день в город прибыла из Мурманска баржа с арбузами, поэтому Толька с утра надолго исчез, вернувшись однако со стадиона, куда прямо с баржи и разгрузили не одну тонну сезонного продукта, аж с двумя штуками, честно выстоянными в очереди. А сбежался весь гражданский Полярный; торговлю вели сразу с трех сторон полосатой пирамиды.

Николка же в этот свободный от школы день, теплый и тихий даже в городе, какими они и бывают в начале осени даже в Заполярье, бездумно и горестно бродил по каменистому наклонному пустырю между школой и интернатом, справа от главной в Новом Полярном улицы, спускавшейся от школьного порога до дэкафа. Вот же свойство памяти о детских годах! Прошли с тех детских лет десятилетия, уже много годов Николай Андреянович живет-то в совершенно другой стране, а с Севера и вовсе в юности уехал, но как только на календаре обозначится начало сентября с его ласковой, чуть грустящей (кончилось лето!) теплотой, тишиной природы в раздумье – а что впереди? и с вечерним запахом уставшей от жары предшествующих месяцев ночной свежести, деликатно, тонко для обоняния, перемеженной оседающей городской дневной пылью и запахом увядающей листвы... так школьнику Николке, потом Николаю в старших классах, ему же в институте и в начальной инженерной работе, затем солидному конструктору-оружейнику Николаю Андреяновичу, опять ему же доценту-ракетчику, становились не то что тоскливо – время лечит, – но как-то неопределенно задумчиво.

И первая школьная любовь, самая красивая одноклассница, внимательно в такие дни посматривала на Николку. Уже студенческая любовь скрашивала сакральные сентябрьские дни, но, выпив с однокашниками портвешку или знамени-

* От аббревиатуры ДКФ – Дом командиров флота; осталось в разговорной речи с времен, когда вместо офицеров были командиры, хотя бы с военных лет ДКФ переименован в ДОФ – Дом офицеров флота. – Прим. авт.

того «солнцедара», возвращался в отдаленное от центра города Косолучье поздним вечером в задумчивости, вдыхая те же сложные запахи, усиливающиеся на городской окраине близостью к растительной природе. То же в инженерные годы, но уже возвращаясь в *свою* семью после дружеского уикэнда в парковой «Елочке». Даже сейчас, начиная университетский учебный год, весь короткий, чуть более шести-семи минут от дома до «пентагона», как именовали во всем городе корпус военно-технического факультета, он, двухмесячно отдохнувший, вместо прилива трудовой энергии испытывал некую неопределенность настроения: как матрос, прибывший из отпуска «отличник боевой и политической», входящий по трапу на свою подлодку...

Как-то за «рюмкой чая» в традиционной «Наливай-ке!» Николай Андреянович высказался по этой теме своему другу, многомудрому профессору Скородумову, стихийному знатоку психологических наук. Тот пару-тройку минут промолчал, разлил по следующей, а выпив-закусив, признался: «Да, Андреяныч, и у меня схожее наблюдается. Когда пошел в первый класс, на второй неделе учебы у меня во дворе чужой парнишка моего возраста хотел угнать мой велосипед «Орленок», что старший брательник мне отдал. А я тому пацану морду набил. С тех пор в начале сентября у меня как-то кулаки чешутся».

...Хотя и заслуженный профессор, но такую песню души испортил!

♦ «Человек есть существо, наиболее из всей живой природы быстро привыкающее к самым различным изменениям условий жизни» — в той же беседе в заведении «Наливай-ка!» философски заметил Игорь Васильевич, а Николай Андреянович уже сейчас перенес эти слова на воспоминания о начале школьно-интернатской жизни первоклассника Николки.

...Один из принесенных со стадиона арбузов Толька вручил младшему брату, педагогически пояснив: «Жри со своей братвой в палате (так комнаты в интернате именовались); по понятиям здесь есть одному западло. И ушел по своим полувзрослым делам. Хотя и вечерело, но съеденный перед интернатским ужином арбузище кило на четыре-пять, а затем и сам ужин, отогнали тоскливые размышления Николки. Вышел на улицу и впервые обратил внимание: в городе на одного

штатского приходится два-три в военной форме, преимущественно во флотской: матросской, старшинской, офицерской.

Конечно, в эпизодах палагубской жизни, сознательной уже на Седловатом, Николка видел людей в черной военной форме. Обычно это наезжающие политотдельцы из гидроотдела флота. Но здесь, в городе, форменные, особенно ближе к вечеру, косяками шли, как треска весной или рыбка мойва ранней осенью. Опять же птицы гаги, что стреляли маячники, в ноябре-декабре. К зиме ближе и тюлени с их песьими мордами кружили вокруг островов, но их никто не стрелял: кому они нужны? Опять же жалко – здоровые звери, вреда не несут людям.

...Именно стайностью определялась в голове маячного пацана Николки вся окружающая его на острове жизнь, природная и рукотворная: стаи трески и мойвы в воде, тюлени и дружно выпрыгивающие из воды, делающие акробатические (он уже побывал в Калуге в цирке под шатром) подскоки и вновь уходящие в морскую воду касатки, опять же зимние стаи гаг в воздухе, а в ясную погоду без туманов и снежных зарядов намного выше гагачьих станиц, выверенными порядками летят на учебно-боевые задания самолеты-торпедоносцы Северного флота. Мимо же острова беспрерывно, кильватерно и вразнобой, встречно и на обгон круглые сутки, что особенно видно при незаходящем летнем солнце, с моря и на выход в море идут военные корабли, рыболовные траулеры и торговые суда под флагами всех морских стран.

Иного строя жизни он себе и не представлял: все движется стаями, а военные люди, их корабли и самолеты – высшим воплощением стаи: строем. Даже если идут или стоят не по команде «смирно». В дошкольной жизни, кроме редко наезжающих на маяк политотдельских офицеров – одного, двух, редко трех зараз, – военных в большом чине видел Николка в поезде, когда их семья в родительский отпуск ехала летом в отцову калужскую деревню. Весь долгой двухсуточный путь от Мурманска до Москвы, с раннего утра до полуночи, когда работает вагон-ресторан, мимо открытого купе, а иных вагонов кроме общих, в летнее отпускное время, когда почти все население мурманского края устремлялось в южную сторону, в поездах не имелось, где размещалось их семейство, встречным вольным

строем непрерывно шли по проходу между купейными и боковыми полками военные отпускники.

Николка скоро сообразил, в какой стороне находится заветный вагон-ресторан, поскольку в его направлении люди в форме шли поспешно и с напряженно серьезными выражениями лиц. Однако на плотно сжатых губах, особенно в выражениях глаз, явно читалось вожеление, как у измученного жаждой путника, стремящегося к роднику, а в городе Мурманске или Калуге – к квасным бочкам (а отец к бочкам пивным). В обратном же пути, из ресторанного вагона, военные шли неторопливо, с разговорами попарно, с неуставно расстегнутыми верхними пуговицами кителей, слегка пошатываясь, словно в трехбалльную корабельную качку, словесно заигрывая со встречными молодыми женщинами.

Разных званий и родов войск двигались мимо Николки служивые отпускники; в черной форме шли офицеры корабельные и морской авиации, сверхсрочники-старшины, совсем редко встречались матросы, которым выпала редкая удача летом получить краткосрочный отпуск на десять суток, не считая времени пути, как отличнику боевой и политической... Поменьше числом черномундирных двигались офицеры сухопутные: пехотные, стройбатовские отцы-командиры, различные танкисты-артиллеристы, опять же летчики, но не по ведомству флотской авиации.

С особы восхищением Николка смотрел на последних: как привыкли летать эскадрильями, так и в вагон-ресторан шли кучно, свойскими компаниями. Форменные кители цвета хаки, синие галифе, до зеркального блеска начищенные хромовые сапоги – мало чем уступали в щегольстве морским офицерам. А восхищался Николка другим. Тогда офицер высоко стоял, даже в отпускное время полагался на венной службе, поэтому личное оружие составляло необходимую часть военной формы. И в ресторан они шли, не расставаясь с ним. Понятно, морякам такового не полагалось, кроме офицерских кортиков* к парадной форме одежды. Мичманам и старшинам-сверхсрочникам даже этим не приходилось щеголять.

* Где-то в описываемые времена, а может и раньше, ввели было кортики и для летчиков – для всех, необязательно морских. Но военные моряки забастовали, как один перестали носить свои. В итоге кортики у летчиков изъяли. – Прим. авт.

Различные пехотные и прочие наземные офицеры носили свои *ТТ* в кобурах, прикрытых кителями. Но вот летчикам полагался «стечкин» в большой деревянной кобуре-прикладе, которую под фалдой кителя и наполовину не прикроешь. Так и шли они по коридору вагона, придерживая свое оружие правой рукой, чтобы не стучалось о деревянные же купейные перегородки раскачивающегося на поворотах рельсового пути вагона.

И глядя на веселых летунов с советскими маузерами на боку, Николка замечтался, вспомнив виденный прошлым летом в сельском клубе отцовской калужской деревни фильм из махновских времен. Прикрыл глаза, лежа на вагонной верхней полке, представилось: резко затормозил и остановился состав, а в окно видно, как эти самые махновцы на взмыленных конях уже к вагонам подскакали. Но не тут-то было! Как раз проходящие в сторону ресторана летчики мигом растегнули свои деревянные кобуры, вытащили и приладили к ним «стечкины», открыли меткий огонь через окна на нападающих. Открыл глаза: поезд действительно остановился. «Вот и до Петрозаводска докатились», – пояснил отец. Николка посмотрел в окно: над фасадной аркой железнодорожного вокзала большими буквами: *Петрозаводск*, а пониже и буквами поменьше: *Petroskoj*, раз Карело-Финская республика...

♦ А вот в Полярном уже не военные выделялись одиночками или группами среди многих штатских, но именно не столь частые последние бросались в глаза в сплошняке идущих во всех направлениях, по всем румбам, говоря по-флотски, где строем, вольной компанией или одиночками деловито людей в форме. Преобладающей морской: Полярный неторопливо передавал только-только отстраивающемуся Североморску права главной базы Северного флота. Но и речи не могло идти, чтобы лишился он прозвания города подводников. Они и составляли бóльшую половину заполнявших улицы города военных моряков. Скоро Николка с подсказки Тольки, интернатских и школьных, что одно и то же, сверстников начал различать моряков, офицеров, старшин и матросов, по их корабельной принадлежности. А сами корабли по строгому ранжиру густо облепили все пирсы городского берега Екатерининской гавани. Не просто у пирсов пришвартованными

стояли, но по два, три и более бортами друг к другу. По-флотски это называется стоять у пирса в один, два и более номеров, соответственно. Швартоваться же поодиночке – роскошь, длина пирсов не резиновая. А кораблей много.

Преобладали подлодки, в два-три номера, нос в корму почти встык, занимавшие пирсы от горы Энгельгардта, что у переймы, восточной оконечности города, до траверса Циркульного дома. У западной же оконечности небольшой мыс, вдающийся в Екатерининскую гавань, образовывая две бухты, в одной из которых густо кучковались сторожевые катера ОВР*, а другая плотно забита тоже катерами, но уже торпедными, и «охотниками», то есть малыми противолодочными кораблями. Или средними? – Здесь Николка еще не сообразился. А на рейде гавани всегда стояли одна-две плавбазы, приписанные к базировавшейся в Полярном эскадре подлодок. Чем-то они отличались от других кораблей: посадка угловатая, форштевень носа слишком прямой... Много чего знающий Толька все разъяснил: плавбазы эти – бывшие немецкие рейдеры крейсерского класса, доставшиеся нам по репарациям. Конечно, с несколько переделанными палубными надстройками и трюмным хозяйством.

...Различал же Николка моряков по корабельному составу и принадлежности к тем или иным внутрикорабельным боевым частям по нарукавным нашивкам у матросов и старшин. По знакам отличия так же и офицеров – в самом начале сентября приказом по гарнизону их еще не перевели с летней формы одежды на осеннюю, кители и форменки еще не скрыли под бушлатами и шинелями. Среди офицеров во вроде бы одинаковой черной форме Николка скоро начал выделять по цвету погон «линейных» корабельных офицеров и технических командиров боевых частей, штабных и политработников.

Конечно, встречались в городе военные и в защитного цвета формах одежды, причем такие офицеры имели русские лица, но вот их подчиненные, рядовые, все почти либо азиаты или похожие на русских, но между собой говорящие на иностранных языках. Все тот же брательник Толька разъяснил: это стройбатовцы; редкие русские – которые сидели, в основном шоферы, аварии учинившие; кото-

* То есть службы охраны водных рубежей. – Прим. авт.

рые из среднеазиатов, тех в стройбат отправляют за плохое знание русского языка и малограмотность. А вот «иностранцы» – это прибалты, сомнительные по благонадежности политической, их всех скопом в партизаны, как принято называть стройбатовцев, верстают. Даже входящий сейчас в известность певец «партизанил» в их городе...

Народ в Полярном относился к партизанам-стройбатовцам по-разному. Военные моряки как будто не замечали их; вежливо, но не замечали. Женщины, особенно офицерские жены, как-то опасливо поглядывали в сторону чернопогонников. Гражданские, особенно умудренные жизнью, повоевавшие, поглядывали на солдат с черными погонами сочувственно. Ведь стройбатовцы не служили, а работали, причем труд их был далеко не из легких, поскольку все строительные работы в городе на голых гранитных скалах и сопках, от возведения жилых и служебных зданий до устройства пирсов и выработки огромных искусственных пещер под хранилища корабельных боеприпасов, в основном связаны со взрывными работами в этих скалах, включая выравнивание площадок под любые строения. И хотя в городе размещалась крупная строительная часть, но на улицах чернопогонники встречались нечасто; после такого рабочего дня не разгуляешься: устало добрести до казармы, поздно поужинать и на боковую. А в глубоком сне одному снится цветущая по весне Ферганская долина, другой же видит пересыпанные янтарем песчаные дюны и празднование Янового дня: девушки и парни в венках на головах прыгают на лесной опушке через костры... Особенно в полярную ночь только в таких снах и отдыхает воин-строитель. Правда, зарплатой они не обижены.

◆ Но как же Николка с первых школьно-интернатских дней получил прозвище внука маршала Булганина? А от своего маячного дошкольного детства. Так не только сейчас вспоминающий свое северное житье-бытье, умудренный жизненным опытом седовласый доцент Николай Андреевич однозначно решил, но намного ранее студент Николай, которого от этого житья-бытья отделяло всего два-три года, некоторые черты своего характера сам себе объяснял. Значит наступила тогда пора самоосознания.

Неважно, доцент ли Николай Андреянович или студент политеха Николай истоки своего северного детства анализировал, но сути дела это не меняет. Исключая ежегодные летние отпускные поездки в отцову калужскую деревню Дворцы, что рядом с бывшим монастырским селом Тихонова пустынь, переименованным, явно по ошибке, в районное село Льва Толстого, дошкольный Николка на маяках Палагубском и Седловатом постоянно видел не более десятка людей. Да еще своя семья, но она воспринималась детским умом как единое целое, причем единое вместе с ним. А вот все остальные маячники понимались поодиночке: один, другой... девятый или десятый, он же и последний. Но и они, в общем-то, были людьми общего с Николкой места постоянной жизни, а у взрослых и работы: самой оконечности мыса Палагубский, что разделяет входы в губы Пала и Оленья, или крохотного острова Седловатого, что близко к западному берегу Кольского залива, опять-таки напротив растянутого мыса между входами все в ту же Оленью губу и губу Сайда. И только-только созревающий умом маячный пацан Николка полагал, что есть два совершенно различных мира: большой и чужой, который он как-то сбоку, из вагонного окна видел в летние отпускные поездки. И свой маячный, данный ему от появления на свет, состоящий из неизменных скал, очертаний берегов, маячных строений, своей семьи, других маячников: взрослых и детей. Такими же равноправными участниками этого единого *своего* мира, отъединенного от большого *чужого*, Николка полагал несколько овец и барана Борьку на Палагубском, а на Седловатом корову лопаря Седалина, что он завел на потеху всем мурманским маячникам. Тех же собаку и кошку в общем маячном доме и белку, что они привезли из очередной поездки в калужскую деревню. Ручная белка спала в своей клетке, а днем бегала по дому, опасаясь только кошки. Более того, Николка даже вылавливаемую удочкой с берега или наподдев со шлюпки треску и прикалываемую на отмели в отлив моря пикой – палкой с наконечником из гвоздя-сотки – камбалу, стреляных маячниками зимой птиц гаг, проплывающих рядом с берегом тюленей со смешно торчащими из воды песьими мордами и акробатически резвящихся касаток – считал принадлежностью своего

мира. Условно к нему же относил и проходящие мимо подводные лодки, другие военные корабли и гражданские суда.

И настолько он привык к семи годам жизни, особенно в последние два жителя на острове Седловатом, к *своему* миру, что полностью отъединил его от остального – малознаемого и в общем-то неинтересного для него, особо и не нужного. Где родился, там и пригодился – Николка уже улавливал потаенный смысл поговорок матери, что она во множестве знала из своей деревенской архангельской жизни.

Вот и случилось такое, что нимало осложнило жизнь Николки, потом Николка даже в студенческом возрасте, а в каких-то особенностях и по сию пору ощущается почтенным Николаем Андреевичем, а именно: гидроотдельский катер, собиравший с северной части побережья Кольского залива школьников, в считанные часы доставил Николку из своего мира в совершенно чужой для него: интернат и школа в Полярном. И даже не столько сам интернат, где его опекал старший брат Толька, имевший большой вес в этом заведении, и не школа, в которой молодая, но педагогически талантливая учительница Анфиса Алексеевна сразу взяла под опеку Николку и еще одного парнишку с маяка Великого. Главное, ошеломившее его событие – это огромное число незнакомых, а если со временем и ставшим знакомыми, все одно чужих людей из другого мира. Почти панический страх охватывал его, когда в той или иной обстановке приходилось общаться с ними. Насколько силен был и долговремен по жизни этот страх, неловкость в общении, почти биологически инстинктивный, что нынешний Николай Андреевич и сейчас мысленно краснел, вспоминая конфуз, случившийся в седьмом уже классе. Прием в комсомол был организован в школе поклассно. Поодиночке, по списку входили ребята в директорский кабинет, где на диване и стульях разместились приехавшая из Североморска, тогда уже райцентра вместо Полярного, из райкома комсомола приемная комиссия. Николке особо запомнился молодой военный летчик: в кителе с небольшой, но уже в две-три расцветки ленточек колодкой боевых наград, обутый в полярные унты (дело было зимой). Особого какого-то волнения в ожидании вызова он не испытывал, но войдя в кабинет, внезапно – и единствен-

ный раз в жизни! – потерял дар слова. В воспоминаниях Николая Андреяновича это не фигура речи, но именно потеря способности говорить, отвечать на простые вопросы. Не выходили слова и иные звуки из рта уже взрослеющего парня – и все тут! Это поняли члены комиссии, перестали задавать вопросы, секретарша зачитала положительную характеристику. Летчик в унтах поздравил Николку комсомольцем, дружески пожал ему руку, подмигнув: не робей, паря!

...Что уж здесь говорить о начале его школьно-интернатской жизни?

♦ Когда на второй неделе пребывания Николки в Полярном все вокруг говорили о скором приезде маршала и министра Булганина, то он задумался в непонятке: раз все взрослые так засуетились, то значит этот самый Булганин вместо Сталина главным начальником страны стал теперь? Хотя бы и был маршалом, а не генералиссимусом. Когда переезд с Палагубского на Седловатый совпал с обретением им, пятилетним, осознанной памяти, то портрет Сталина на обложке журнала «Огонек», который отец использовал как подкладку под заварной чайник, крепко запечатлелся в голове. Специально никого не расспрашивая, даже авторитета Тольку, он из разговоров маячников, из передач имевшегося в доме радиоприемника составил свое представление о Генералиссимусе: хозяин большой страны и военный победитель всех врагов, особенно фрицев и гансов, как их в кино называют. Сталин, грузин, похожий на политотдельского старлея Мухелишвили, которого он запомнил еще по приездам того на Палагубский, по мыслям Николки руководил советской страной со времен давнишней революции и далее будет ею управлять – даже когда сам он вырастет и отрастит окладистую бороду как у отца.

К сожалению Николки, уверовавшего было в вечность Вождя – ведь и в песнях по радио часто пели хором про «бессмертие нашего дела», – через несколько месяцев по переезду на Седловатый по радио сообщили о болезни Сталина, непонятной хвори, от названия которой на всю жизнь в его памяти остались странные слова: дыхание Чейна – Стокса. Затем Генералиссимус умер. Опять же этот день запомнился ему маячными поминками. Он знал, что на маяках строжайший закон не пить спиртное. Поэтому маячные мужики собрались в их избе –

подальше от маяка и общего маячного дома с востроглазыми бабами и детьми. Каждый принес по флакону тройного одеколона, который разлили по стаканам. Вроде как необидно посмеиваясь, но вполне серьезно, не чокаясь, выпили, запив принесенным матерью компотом.

А вот сейчас в городе ждали маршала Булганина. Может Николка и пропустил мимо ушей разговоры и пересуды об этом приезде, но оказалось, что он побывает в их интернате. Отсюда и суматоха: директорша Нина Григорьевна с подручными по два раза на дню обходит интернатские спальные и учебные комнаты, после чего школьные электрик и столяр всякими починками занимаются, педагогически негромко матерясь. Накануне приезда в Полярный маршала-министра воспитательницы с помощью девочек-старшекласниц выгладили воспитанникам, особенно младшим, рубашки и школьные формы*, велели им до зеркального блеска начистить ботинки. В день же прибытия, на завтрак, вместо обычного рисового пудинга с кисельной подливой, манной каши и на порошковом молоке какао, интернатским на покрытые крахмальными скатертями столы расставили тарелки яичницы с колбасой, творожной запеканки с хрусткой корочкой, а к стаканам настоящего кофе на сгущенном молоке прилагались пышущие жаром, прямо из печи, булочки с изюмом, обмазанные поверху шоколадной глазурью.

К окончанию обильно-вкусного завтрака вошедшая в столовую Нина Григорьевна объявила: старшие ребята, что учатся в первую смену, отправляются в школу, а младшекласники и вся вторая смена сегодня от занятий освобождены, расходятся по своим палатам и, не снимая школьной формы, по учебникам и тетрадям повторяют вчерашние домашние задания.

Поскольку Николка только осваивал чистописание отдельных букв и чтение слогов из них, то осторожно присел на заправленную особым фасоном кровать, открыл букварь и, пришептывая, составлял из слогов простенькие слова с подсказкой цветных рисунков. Вот изображен арбуз, похожий на принесенный Толь-

* В описываемое время школьники носили обязательную форму: девочки коричневые платья с белыми пелеринами, а ребята серые мундиры, как у царских времен гимназистов. – Прим. авт.

кой со стадионной продажи. А Николка читает: а-эр, ар; бэ-у-зэ, буз; ар-буз, ар-буз! Лоб припотел от умственной натуги.

Часов в одиннадцать в их младшеклассную палату влетела воспитательница Антонина Прокофьевна, велела с кроватей встать, поправить на них измятости, упрятать учебники в личные тумбочки и встать около них в вольных позах, но повернувшись лицами в сторону входной двери. «Не подведите нас, ребята, Булганин с командующим флотом и другими адмиралами уже поднимаются на второй этаж, а затем прямо по коридору на ребячью половину и в вашу палату!» – и только выговорила, как через полуотворенную двустворчатую дверь слышались громкие, уверенные, командные голоса.

♦ Николка, складывая из букв и слогов сладкое даже в мысленном представлении слово, не столько от умственно упражнения лбом вспотел, сколько от напряженного ожидания появления в комнате того, чье имя последние дни, казалось, даже интернатские стены, потолки и нехитрая мебель без конца повторяли навязчиво, вбивая в голову: Булганин, Бул-ганин, Бул-га-ниннн... И когда по команде Антонины Прокофьевны встал он около своей прикроватной тумбочки, лицо его запылало жаром, сравнимым разве что с маячной баней и именно в тот момент, когда отец только что поддал пару, открыв верхнюю чугунную дверцу печи с «камнем» и с отмашкой выполоснув туда ковшик воды с добавленным стаканом кваса, захваченного в бутылке из дома в сумке со сменным чистым бельем, полотенцами и парой березовых веников.

Время замедлилось, секунды растянулись в минуты, а со стороны уже полностью растворенной Антониной Прокофьевной, вмиг обретшей порхающую девичью легкость в движениях, двустворчатой двери неумолимо и грозно надвигалось что-то многоликое в перемеживающихся черных флотских и светло-коричневых, но галифе синие! сухопутных мундирах, расцвеченных многорядными орденскими планками... на некоторых кителях даже геройские звезды отсвечивают. И мужественные голоса одновременно и в то же время поодиночке все громче и громче врываются в кубатуру младшеклассной палаты. И все они обращены к одному человеку, вокруг которого остальные сгруппировались: «Вот сюда, това-

рищ министр!» – «Осторожно, Николай Александрович, здесь порожек!» (это голос Нины Григорьевны). – «А здесь, как понимаю, самые младшие располагаются?» – «Так точно, товарищ маршал!»

Маршал! Министр!.. Даже тезковое имя обладателя этих званий не сняло вал накатившейся на голову бедного первоклассника панику безысходности, отдававшуюся слабостью и дрожью в коленках и тянущей пустотой (это после роскошного завтрака-то!) вмиг похолодевшего живота, желудка то есть. И в тот миг, когда тесно сбитая группа контрастных по цвету мундиров, обступившая на почтительном шаговом расстоянии центральную невысокую фигуру в светлоромановом кителе и синих галифе, втекла в широкий проем двустворчатой двери, в которую упирался коридор пацанского крыла второго, жилого этажа интерната, и как-то мгновенно, в этот единый миг, почти в шахматном порядке – флотские и пехотные фигуры – заполонила все пространство между стеной с дверью и с двумя одежными шкафами обочь и двумя же рядами кроватей, Николка не выдержат охватившего его панического страха и неожиданно ловко, как их белка на Палагубском маяке, перегнулся, поджал ноги и юркнул под свою кровать. Да так ловко и бесшумно, что никто и не заметил: спальное место Николки в левом ряду, впритык к противоположной, торцовой оконной стены, все ребята выкатили глаза на вошедших, а у тех, только что вошедших из узковатого коридора в просторную светлую комнату, взгляды еще не сориентировались. Хотя бы и военные люди, у которых глаз-ватерпас. Это из отцовых присказок.

Кровати сегодня заправлены фасонисто, «конвертами», поэтому края одеяла не опущены, не маскируют. Это-то Николка сообразил, потому и подался, свернувшись клубком, к стене, в которую упиралась изголовная стойка кровати, а обе тумбочки, своя и соседская, и вовсе затенили этот подкроватьный отсек, говоря пофлотски. Полутень отъединила Николку от внешнего мира комнаты и... он почувствовал, как тепло прилило к животу, коленки согнутых ног перестали дрожать, жар отлил от щек, лба и ушей, а гнетущий панический страх сменился хотя и отстраненным, но почти ясным соображением. Даже шаловливый речитатив из

читанной матерью на Седловатом сказки промелькнул: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, серый волк, и подавно уйду».

Успокоившись, Николка уже с любопытством прислушивался ко многим голосам, несколько глуховато доносившимся до «чулана» затаившегося «колобка». Понятно дело, примерно переведя на привычный ему общепонятный язык. Нина Григорьевна и кратко порой вступавшая Антонина Прокофьевна, обе тетки добрые, здесь и вовсе распелись ласково-почтительными голосами, что-де, уважаемый Николай Александрович, командование Северного флота, его политотдел, гидроотдел и другие службы, а организационно в лице горono Полярного, всячески заботятся о детях маячников, военных «точек» и небольших рыбопромысловых поселков на побережье Кольского залива и Баренцева моря, где нет своих школ, создав вот этот интернат при школе, в котором даже начальные школьники, в палате которых мы сейчас находимся, чувствуют себя как дома...

Николка было затосковал – больно его кольнули слова добрейшей директрши о доме, но здесь вступили четко поставленные военные голоса, в основном рассуждавшие о военных заслугах «созданного великим Сталиным могучего Северного флота, которому сейчас партия и правительство во главе с верным продолжателем дела Ленина и Сталина Никитой Сергеевичем Хрущевым в лице министерства обороны, возглавляемого нашим сегодняшним почетным гостем, маршалом Николаем Александровичем Булганиным...». И другие кратко, но четко адресовались к товарищу министру-маршалу, благодаря того за неустанную заботу о Северном флоте, в том числе не оставляя без внимания образование и воспитание детей военных и гражданских, примером чего является превосходное устройство интерната в Полярном.

♦ Судя по всему, сопровождавшие маршала воинские начальники невнимательно слушали друг друга, позволяя себе междусобойные разговоры негромкими голосами. Потому Николка в своем подкроватном, межтумбочном чуланчике и озадачился, когда резко наступила пауза, а в возникшей, словно по команде, тишине прозвучало негромкое, неболезненное покашливание. Затем послышался

негромкий голос, никем не перебиваемый, не сопровождаемый ничьими разговорами, обладатель которого скоро станет председателем Совета министров...

Как истинное маячное дитя природы, поначалу Николка не вслушивался в слова говорившего в одиночку, но что-то знакомое почудилось ему в самой интонации. Именно так, с небольшой расстановкой отдельно произносимых слов, выговариваемых вроде как нарочито четко, произносимых то медленно, как бы в задумчивости, но вдруг ускорявшихся вдогонку друг за дружкой, часто разговаривал его отец Андреян во время летнего отпускного гостевания в родной его калужской деревне Дворцы на берегу реки Упы. Прибыв туда из владений Северного флота, объявленного Хрущевым зоной полного сухого закона, отец вволю расслаблялся с деревенскими родственниками в избе своей сестры Настасьи, у которой они и проживали, либо в чайной ближней деревни Новоскаково все с теми же мужиками. Николку же баловал лимонадом и шоколадкой «Сказки Пушкина». ...И уже после второго «бум здоровы» отец и переходил на такую вот речь с расстановкой тщательно выговариваемых слов. Конечно, отличие обычной речи отца, на том же маяке Седловатом, где и без запрета Хрущева из спиртного только одеколон мужиками после бритья использовался, от разговора в чайной Новоскакова Николка объяснял не разными умными словами, но интуитивно понимал такую разницу.

Может просто показалось запуганному Николке такое сходство? А между тем в наступившей общей тишине невидимый им из своего чулана человек добродушным голосом, вовсе без военной конкретности, словно в домашнем кругу, рассказывал:

— ...О вашем славном городе много наслышан. Совсем недавно довелось беседовать с Арсением Григорьевичем* в Ленинграде в одной... гм-гм, после одного совещания. Много чего рассказал он о своем шестилетнем пребывании в Полярном, когда командовал героическим Северным флотом, о своих встречах в Кремле

* Арсений Григорьевич Головкин, родом из казачьей станицы Прохладная (гребенские казаки на Северном Кавказе), всю Великую Отечественную войну командовал Северным флотом. К окончанию ее ему еще не исполнилось и сорока лет... В описываемое время вице-адмирал Головкин командовал Балтийским флотом. Далее, уже в звании адмирала флота (три звезды на погонах), являлся первым заместителем главнокомандующего ВМФ СССР адмирала флота СССР С.Г. Горшкова. — Прим. авт.

с Иосифом Виссарионовичем. И Алексей Николаевич Косыгин ваш город упоминал, рассказывая как весной сорок пятого из Мурманска на катере ездил (*ходил* — мысленно поправил Николка, уже знавший, что на кораблях не плавают или ездят, но только *ходят*) в только что освобожденную нами Печенгу инспектировать никелевые рудники...

Вот здесь-то Николка аж вздрогнул восхищенно. Как же, не раз и не два слышал он в новоскаковской чайной и в избе тетки Насти, когда собирались на дармовщину погулять с тороватым родственником-северянином деревенские мужики, знаменитую историю, как он, Андреян, обстрелял из тяжелого пулемета «кольт» адмиральский катер с Косыгиным чуть ли не в первую неделю после капитуляции Германии.

— ...Хотя войне и конец, но дисциплину военного положения у нас на флоте никто не отменял. И что прикажете мне, старшине поста СНИС'а, то есть службы наблюдения и связи, на острове Торосе, что на выходе из Кольского залива в Баренцево море, когда мчится на выход белый адмиральский катер, но без вымпела, то есть вместо адмирала какого-то чина везет, не отвечает положенно на мой запрос о цели выхода из залива. И из Полярного по телефону заранее ничего не сообщили. А катер прет полным ходом, в бинокль вижу: сукин сын, катерный старшина, ухмыляется в мою сторону. Как положено, трижды в раструб запросил безответно, а потом по инструкции из ленд-лизовского «кольта» на треноге, что на мостике стоит, дал длинную очередь поверх рубки катера. Тамошний старшина мигом поумнел, застопорил катер и даже без матерков отрапортовал что положено. А вскоре политотделец нагрянул на Торос и уже полным матом на меня, мол, катер с членом правительства обстрелял, будут тебе близкие морковкины заговоры, хорошо если разжалованием в рядовые матросы отделаешься!

— Неужто разжаловали? — интересуются мужики.

— Хрен им! Через пару дней из Полярного позвонили, похвалили за бдительность и правильное несение службы. Потом и вовсе по всему флоту байка ходила, а может и правда? что Головкин, когда ему доложили о конфузе, рассмеялся и назвал историю *битвой при Торосе*. А меня он знал еще со случая с английским

крейсером «Эдинбург», когда звонил на Торос и объяснял мне как в полном тумане контур корабля можно различить, спустившись к воде: в отрыве тумана от нее всегда зона видимости остается в полметра-метр. Опытный мореман, иначе и не скажешь. Тем се дело и завершилось. Тот же политотделец, в следующий раз побывавший на Торосе, сам со смехом вспомнил об обстреле катера с Косыгиным. В войну на флоте все просто и разумно было – главное, по уставу действуй и компот на тельняшку не проливай! А за «Эдинбург», про который вам уже рассказывал, сам Головно, когда я крейсер с золотом за ленд-лиз обнаружил, представил меня к медали «За боевые заслуги»... хотя немцы и потопили англичанина.

♦ Николка развеселился, вспомнив занимательные рассказы отца на летнем отдыхе. В обычной же маячной жизни, то есть в полной трезвости, Андреян молчал, ограничиваясь обычными домашними словами. «Старообрядец чертов, молчун, слова от него не добьешься», – ворчала порой мать, оставаясь наедине с детьми, – зато выпьет во Дворцах, так соловьем заливается!» От бывшего страха мало что осталось. А без страха и бдительность ослабла, тем более, что ноги заныли, чуть ли не к подбородку коленями подтянутые. Вот осторожно и вытянул их, думая, что за рядом кроватей никто из высоких военных гостей, столпившихся у дверной стены комнаты, подкроватного Николку не заметит.

Тем временем маршал Булганин – отошедши от страха, Николка сообразил, что только тот имеет право говорить при молчании остальных, – закончил вспоминать о военачальниках и министрах, так или иначе связанных с Полярным.

– А теперь, ребята, подсластим, так сказать, свою жизнь хотя и в превосходного устроенном интернете, но все же не дома.

Как потом рассказывали Николке ребята, воочию все наблюдавшие, маршал кивнул своему адъютанту в подполковничьем звании, хотя бы и молодому для таких погон. Тот метнулся в сторону растворенной двери, взял из чьих-то протянутых рук большущую конфетную коробку, каких никто из ребят не видел в бакалейном отделе Циркульного магазина, лихо снял с нее крышку, подложив ее под донце коробки, которую взял обеими вытянутыми руками и по стойке смирно встал обочь и на полшага позади Булганина. Тот же, жестом руки указав ребятам

оставаться около своих кроватей и тумбочек, начал обход с Николкиного ряда кроватей. Подойдя к первой, спросил Витьку-второклассника, откуда он прибыл в интернат. Услышав, что тот из Кувшинки*, из семьи пограничного офицера, похвалил, велел хорошо учиться и идти в дальнейшем по военной линии. После чего взял из коробки большую конфету в золотистой обертке и вручил ее Витьке.

Точно также он оделил в порядке своего следования Ваську из Щитовой, что в Оленьей губе, Петруху с маяка мыса Лодейного, маячного же Андрюшку с Большого Оленьего. Не обнаружив никого около последней кровати в левом ряду, маршал-министр несколько озадаченно взглянул на смутившуюся Нину Григорьевну, снова перевел взгляд на Николкину кровать, присмотрелся, усмехнулся, нагнулся и потрепал ладонью икру ноги, неосторожно выставленной потерявшим бдительность пацаном.

– Эй, на вахте! Проверяющий пришел, вылезай-ка из бункера, – весело произнес Булганин.

Николка же, услышав добрый, безо всякой командной строгости голос, вмиг сменив страх на жгучий стыд, заерзал, выбираясь из-под кровати. Как только он высвободил плечи и голову, маршал взял Николку за предплечья обеих рук и с неожиданной для явно немолодого человека силой потянул парнишку вверх и поставил того на ноги.

– Что это ты прячешься от меня? – смеющимся теплым голосом спросил Булганин, – или натворил чего, ха-ха-ха!

Сжигаемый стыдом, Николка поднял голову с пылающим красным лицом и ушами и только сейчас рассмотрел маршала: невысокого роста, в сухопутной форме, на погонах по одной здоровенной звезде, а на добром, смеющемся лице негустые усы, под нижней губой крохотная бородка, как будто приклеенный треугольник, не достигающий до окончания подбородка.

– Ис-с-пу-пугался, – натужно прошептал Николка, ибо обычный голос застрял где-то в горле.

* Правильно Кувшинская Салма, на левом берегу Кольского залива, напротив острова Торос, где в описываемое время располагалась пограничная часть и базировались сторожевые корабли. – Прим. авт.

– Ха-ха-ха! Да чего ж меня бояться-то? Тем более невоенным, гражданским, еще и в мальчиковом возрасте. Ты же мне вроде как внук, а ты – испугался! Э-эх, мальцы, мальцы; нам бы, взрослым, ваши обиды и заботы. Так откуда будешь и как звать-величать?

– Николка... Коля с Седловатого маяка, – уже не шепотом, хотя и тихим голосом ответил провинившийся.

– Во! Молодец. Маячник значит. Ты, Коля-Николка, только что от дома, от семьи оторвался, но пусть тебя это не огорчает, не страшит. На каникулах, летом будешь возвращаться на свой Седловатый, а жизнь в интернате закалит тебя, самостоятельности научит. Эт-то хорошо! А будешь жить взрослыми на Большой земле, в городах, так поверь мне, много повидавшему: во многом станешь с благодарностью вспоминать сложное свое детство и отрочество, жизнь на маленьком островке в суровом, по-своему красивом месте, среди моряков и их кораблей; даже интернатское пребывание девять месяцев в году добрым словом поминать. А чтобы конфуз твой сегодняшний загладился, возьми-ка конфеток.

И, заговорщицки подмигнув Николке, маршал, под одобрительный шумок своей свиты с большими звездами на погонах, захватил сколько вместилось в ладони конфет из коробки и вручил их пацану, мигом догадавшемуся сделать ковшиком обе свои ладони. Маршал же совсем расчувствовался, увидев радость обретения целой горсти конфет в завлекательных золотистых обертках на лице только что донельзя смущавшегося мальчугана, наклонился и ласково потрепал его по затылку стриженной «нулевкой» головы, сопроводив словами про казака, который атаманом станет.

Николка, выгоняя остаток страха и стыда, судорожно взглотнул ртом и носом воздух и... явственно ощутил исходящий от главного маршала страны легкий коньячный запах. Его Николка прекрасно знал по посещению с отцом новоскаковской чайной, соседствовавшей в одном бревенчатом доме с сельмагом. Когда Андреян своими рассказами о жизни на Севере приводил деревенских мужиков в полный восторг – кто козыряет длинным рублем, тому и песни поют! – то посылал самого младшего из них в магазинный отсек, где из имевшихся трех винных

полок две верхние заполнены запылившимися бутылками албанского коньяка «Скандербег». Начальник дружественной Албании Энвер Ходжа заставил этой замечательной выпивкой полки магазинов всей советской страны, но трудовой народ в городе и на селе полагал щегольством пить дорогой коньяк. Только в детстве, в новоскаковской чайной и обонял Николка пряный запах этого коньяка с изображением национального героя далекой страны верхом на стремительном коне. Но вскоре бутылки с такой этикеткой напрочь и навсегда исчезли: неугомонный Никита побил горшки с Энвером Ходжей... Правда, от маршала попахивало (не они одни в интернате сегодня завтракали...) другим коньяком, более терпким.

Так Николка получил устойчивое интернатское прозвище: внук маршала Булганина, а еще короче – Внук.

♦ Николай Андреевич заулыбался, что называется, самому себе: господи! до чего же сладостны воспоминания о своих детских годах! Тотчас в голове всплыли запомнившиеся ему, читанные некогда слова Льва Толстого о том, что именно память о детстве всегда греет и очищает душу. Он встал со своего креслица и подошел к балконному окну, растворил дверь и переступил порожек: наискосок, налево, через двор, в проеме между торцами своего и соседнего домов, выходящими на сквер, менее чем в ста метрах изваянный, двухэтажной высоты Лев Николаевич, засунув ладони обеих рук за поясok просторной рубахи его имени – толстовки, со строгой задумчивостью лица шел по полированным плитам постаментов прямо курсом на близкий главный проспект города, на противоположной стороне которого стоял фасонистый корпус бывшего ликерно-водочного завода. Основанный в самом начале прошлого века, он смотрелся настоящим дворцом растреллиевского архитектурного стиля. Сто лет завод баловал местный и окрестных областей народ очень качественными водкой, настойками, даже ликерами «Шартрез», «Южный Кюрасо» и «Бенедиктин», но все хорошее в отечестве нашем завершилось в девяностые – начальные двухтысячные года. И на старуху пришла проруха: ближняя подмосковная палено-водочная мафия избавилась от конкурента, разорив завод, воспользовавшись денежной жадностью его директо-

ра, хаповатого и глуповатого, из хохлов. Теперь же патриарх отечественной литературы, явно сменив на бронзе лица задумчивость на суровость ленинского зеркала русской революции, хмуро смотрел на бывший завод-дворец, фигурно выложенный фасад которого крикливо-грязно запаковостили десятки вывесок всевозможных сомнительных арендаторов: от студии флористики до магазинчика кальянов и курительных смесей...

Лицемерие памятника-соседа вызвало у расчувствовавшегося доцента-ракетчика сразу две мысли. Ведь и Лев Толстой тоже военный человек, участник обороны Севастополя? – куда ни кинь, но всё и все в России, в любые времена так или иначе связаны с войной. Оттого и военное устройство государства, как бы оно не именовалось в том или ином историческом времени... истинно военная цивилизация!

Вторая же, но более игривая мыслишка, объединила лицемерие памятника гению русской словесности и направление его хода – к бывшей «ликерке». Во-первых, хорошо бы чайку попить, а во-вторых, по каникулярному времени сам бог велел (ее же и монаси приемлют) и стопочку коньячку пригубить... до донца. Тем более, что в кухонном навесном шкафчике початая бутылка превосходного пятизвездочного молдавского, вернее приднестровского – от Тираспольского коньячного завода, что со дня основания в 1897 году традиционно марку держит – «Квинта» соскучилась по хозяину-потребителю.

...Это только западные идиоты, ныне мысленно или физиологически опидорасенные, талдычат, что с утра или с полудня пить вредно. Оно и понятно; их, сукиных детей, только деньги интересуют: выпил с утра, счет им потерял и в накладе остался... Под сладостные воспоминания о североморском своем детстве стопка настоящего коньяка самое то! И вообще немчура европейская ничему хорошему русского человека не научит. На том и порешив, сделав паузу в воспоминаниях, Николай Андреянович прошествовал на кухню, в считанные секунды решив вопрос с последовательностью действий: что вперед – коньяк или чай? Ибо в Сибири, на Крайнем Севере и в среде старообрядцев сначала пьют чай, а потом уже щи хлебают, предварив их стаканчиком горькой... или подслащенной. И в

эти три целеуказания Николай Андреянович попадал сразу дуплетом: с Севера и потомок старообрядцев. Все тот же рассудительный бог-вседержатель велел.

♦ Начав крепко заваренным чаем, добравшись до стопки верного традициям тираспольского приднестровского – с усугублением, Николай Андреянович вернулся в креслице рядом с балконной дверью снова со стаканом чая – в любимом подстаканнике. Уселся с удобством. И снова великий мастер русского литературного слова к чему-то подводил мысли ублаженным коньячком бывшего «внука маршала Булганина»... Николая Андреяновича, тезки по имени. И опять же к связанному с войной.

Ба! – хлопнул он себя по лбу: да это же история с четырехтомником «Войны и мира» из отцовской библиотечки, что он, Николка, школьником в два присеста читал. Первый том в седьмом классе, остальные три в десятом, предпоследнем: он застал окончание хрущевской одиннадцатилетки, что Никита привез из Америки... как и нынешнюю оттуда же доставили. По словам отца, эти четыре толстенькие, удобные для ношения в кармане, книжки в светло-коричневых картонных обложках издания «Дешевой библиотеки» тридцатых годов он купил тогда же в Ленинграде, приехав на выходной с Волховстроя, где трудился молотобойцем в кузнице. И на долгой войне, в перерывах между вахтами на мостике СНИС'а на Торосе, когда пост не бомбили люфтваффовцы, пролетая из Норвегии на Мурманск, он не раз и не два перечитывал в своей каюте эти томики.

Читая семиклассником – семья только что прошедшим летом завершила маячную жизнь, перебравшись в Полярный – первый том «Войны и мира», Николка не обращал внимания на частые карандашные отметки в книге – подчеркивания, знаки вопроса, надписи неразборчивые на полях, но уже солидным десятиклассником при чтении последующих толстеньких томиков в обложках из тонкого картона интересовался такими надписями. Последние делились, скорее чередовались на похвальные и неодобрительные, впрочем все они относились к характерам персонажей романа Толстого и не очень-то расходились с теми разборами великого произведения, что проводила на уроке литературы Валентина Николаевна, умнейшая из школьных учителей: по общему мнению и редкостному в те годы

званию заслуженного учителя. И это всего-то в сорокалетнем возрасте, да еще на самом северном краю страны в школе городка, название которого не на всех картах значится!

Еще взглядом старшего школьника, уже приобывшего в мелочах видеть отражение нечто более важного, отметил: некоторая неразборчивость почерка скорее всего от торопливости с интересом читающего роман и определенного неудобства положения такого читателя, например, если он все это делает лежа или сидя на стуле, держа книжку малого формата на коленях. Но само начертание букв, их связки и различные наклоны, вправо и влево, свидетельствовали: портил страницы томиков гениальной толстовской эпопеи скорее всего очень молодой, возможно юный читатель, причем учившийся грамоте «на медные гроши», как иногда к месту говорил Андреян, то есть в данном случае только-только успевший перешагнуть средние классы школы.

Даже в мыслях не держал он отнести надписи и подчеркивания руке отца. Истинный книгочей и «дважды» склонный к абсолютному порядку во всем, как потомок чистоплюйных (слова матери) старообрядцев и насквозь пронизанный строжайшей флотской дисциплины, Андреян сызмальства увещеваниями, рассудительными убеждениями, не исключая поощряющих затрещин, учил своих детей бережному отношению к книге. Главные эти каноны усвоил еще не умевший читать Николка: не перегибать вовне даже брошюрки в мягких переплетах, не загибать углы страниц читаемой книги, а закладывать их бумажным лоскутом и — упаси боже! — что-либо писать или подчеркивать даже мягким карандашом в печатном тексте.

Но кто же с карандашом в руке и в явно неудобных позах, да еще в юношеском возрасте, так тщательно прочел все четыре тома великой книги? Тем более, что не из чьих-то рук они к отцу попали, а были куплены свежееотпечатанными в ленинградском книжном магазине — самом известном из них, расположенным на середине Невского проспекта, рядом с Аничковым мостом? Опять же с малых своих лет Николка усвоил: совершенно не жадный, а в редком для тех «сухих» мест хмелю и вовсе готовый что угодно отдать собеседнику, даже почти не-

знакомому, только для книг Андреян делал непререкаемое исключение, то есть в чужие руки старался их не давать. «Книга, Николка, это маленький друг человека, — как-то пояснил он в легком подпитии сыну, — ну-у, как, например, верный пес. Его нельзя никому перепоручать — он затоскует и умрет. Так и отданная хотя бы на время книга может и не вернуться к тебе».

...Уже взрослый Николай Андреянович вспомнил эти слова, где-то прочитав схожее: книги — это наши маленькие друзья; если мы их кому-то отдаем, то они на нас обижаются и уже не возвращаются более.

♦ Поскольку Андреян в домашнем обиходе ограничивался самыми необходимыми в быту словами, а на отвлеченные темы разговаривал, преимущественно с Николкой, лишь в те редкие дни, когда судьба, не всегда подчиняющаяся сухому закону мест базирования Северного флота, одаривала его бутылкой «злодейки с зеленой наклейкой», то тот и полагал неуместным интересоваться автором памяток на толстовских томиках. Но когда уже дочитывал «Войну и мир», перемеживая это подготовкой к экзаменам за десятый класс, приехал навестить родителей и братьев Георгий, старший из них. Отслужив в Севастополе срочную, он совсем недавно обосновался в Оленегорске, что в самом центре Кольского полуострова, женился на доармейской еще подруге, работал на горно-обогатительном комбинате и заочно учился в ленинградском институте.

...В другие места страны гости везут разные по фактуре и назначению подарки, но в северные безалкогольные города и веси только в одной упаковке — стеклянной *0,5 литра*. Георгий расстарался на славу, так что только на второй день гостевания старшего брата Николка, улучив момент, задал отцу вопрос о книжном хулигане. Андреян, взявший в честь приезда сына день-другой отгулов в дэкафе, где работал старшим электриком, поморщился. Выпил внеочередную стопку, подобрел — кто старое помянет!.. — и словоохотливо все разъяснил, сняв с Николки томление любопытства и налета тайны. Из рассказа отца следовало, что ближе к окончанию войны, когда все действия с встречей на дальних рубежах очередных союзнических лендлизовских караванов, следующих в Мурманск, были отработаны до флотской четкости, случилось следующее.

Из числа кораблей, неторопливо следовавших с растянутыми интервалами из Полярного навстречу каравану, чтобы перенять его от британского охранения на траверсе острова Медвежьего и Шпицбергена, напротив Тороса один из них, то ли эсминец, а может и минный тральщик – здесь Андреян признался, что запомнил, – взял от курса несколько кабельтов влево, уменьшил ход почти до нуля, а в сторону поста СНИС'а передал флажковый сигнал: «Принять шлюпку». Вскоро и таковая с тральщика подтабанила к островному естественному пирсу – скальному выступу с деревянными мостками наверх, к посту.

Андреян, на правах старшины поста, сбежал по ним на пирс, а назад вернулся уже в компании пацана лет пятнадцати во флотской форме, значит, юнги с корабля. Парень сопел и заходил в кашле. Андреян же пояснил сослуживцам: в Полярном не доглядели, что юнга сильно «сифонит». Вроде как гриппозный. Чтобы весь экипаж не заразил, решили оставить на Торосе – последнем обитаемом, без сухопутных военных действий, месте на выходе в Баренцево море. А заберут на обратном пути, встретив лендлизовские транспорты, то есть не более чем через неделю.

Гриппа на посту острова опасались, поскольку не имелось основного лекарства-противоядия, то есть спирта, поэтому хворого юнгу определили в единственную одноместную каюту, то есть жилище Андреяна, старшины поста. Сам же он определился к команде в общую, где недавно освободилась койка: старшего матроса Степана Федосьева отправили в госпиталь Полярного: черкнуло по плечу осколком бомбы, что немецкий бомбардировщик по установившейся у них традиции сбросил на Торос по «дороге» на Мурманск... Юнге же велели лежать в койке, из каюты выходить только по естественной надобности, а едово будут, как барину какому, приносить. Кок Жора Асатурьян, по совместительству условный фельдшер, с утра выдавал страждущему имевшиеся на посту таблетки, но более налегал на горячее питье: чай, компот из сухофруктов. Еще он заваривал в кипятке американскую сгущенку с какао. А из каюты команды союзных матросиков, несших параллельную вахту при проходе караванов, болящему приносили бруски шоколада с вафельными простенками и банки с апельсиновым и диковинным

манговым соками. Раз в сутки заглядывал на минуту-другую проведать своего нового подопечного и Андреян. Вопросов не задавал, уходил довольный: больной шел на поправку и особо не скучал, найдя себе занятие: читал книги хозяина каюты, которые брал с надкроватной полочки. Отметил про себя: Толстого читает.

В последние два дня пребывания на посту Тороса совершенно излечившийся – юность не дружит долго с хворями! – юнга большую часть времени проводил на камбузе, сдружившись с Жорой Асатурьяном и помогая тому готовить на обе команды: свою и союзническую.

♦ Но вот в горло Кольского залива начали заворачивать с норд-вестового курса лендлизовские транспорты. Долго шли, с большими интервалами, как то предписывает установленный порядок. Со стороны моря их полукругом прикрывают наши корабли охранения, потому и показались на траверсе Тороса последними. Давешний эсминец или минный тральщик тем же маневром, когда высаживал юнгу, забрал его восвояси. За заботу и излечение командир корабля передал Андреяну через шлюпочного матроса ценный подарок: бутылку виски – явно из числа презентованных от благодарного за охранение капитана американского судна, серийного сухогруза типа «либерти», что во время войны серийно спускали со стапелей Филадельфии.

...И только пару лет спустя, уже после окончания войны, служа на снисовском посту Белокаменки, что на полпути от Тороса до Мурманска, Андреян пришел в ярость, взяв в руки томик «Войны и мира», а затем пролистав остальные три и обнаружив многочисленные карандашные отметки. Поскольку со времен истории с пребыванием на посту Тороса гриппозного юнга с минного тральщика никто эти книги не читал, то виновник определен однозначно.

Сейчас же, вспоминая в душевном расслаблении дела давних лет, Андреян даже похвалил любознательного юнгу: «Ведь смотри, Николка, казалось бы война, да еще на северном краю земли, про который даже присказка бытует, что от Колы до ада три версты, парнишка еще; на маленькой посудине, что сопровождает караваны, фрицы бессчетно сыпят бомбы, ихние же подлодки стаяй кружат вокруг... а у него выпала свободная неделя, так он «Войну и мир» не то что прочи-

тал целиком, так и вдумчивое мнение свое высказал... хотя чужие книги, впрочем и собственные, мараť вовсе не след!»

Давно живет бывший Николка, уже инженер Николай, успевший отметить середину четвертого десятка лет своей жизни, в среднерусском областном городе, не так далеко от столицы. Только было по прошествии лет забыл Андреян, ныне пенсионер в своем доме на косолученской окраине города, страдную пору популярного сухого закона, что ввел Никита Кукурузник во владения Северного флота, как словно обухом по голове: новый генсек с иудиной отметиной на лбу уже по всей стране объявил борьбу с пьянством, что народ метко перекрестил в борьбу с трезвостью, – вынужденным повальным самогоноварением. А кто не умеет – тому «от партии и правительства» талон в руки: две бутылки в месяц с километровыми очередями на морозе к заветному входу в «специализированный продуктовый магазин». От подлеца подлость расползается...

И как некогда в «сухом» Полярном Андреян радостно встречал приехавшего в гости старшего сына Георгия со стеклянно побрякивающими в сумке гостинцами, так и сейчас, в середине восьмидесятых годов, он приветствует сына Николая, давно живущего своей семьей в другой части города, что раз в пару-тройку недель по выходным или праздничным дням навещает родителей. Как истинный любящий сын, обязательно захватит с собой большой медовый пряник, коими славится их город – для матери, и бутылочку «талонной», которую они с отцом и разопьют, неторопливо вечеряя.

В один из таких приездов привез он Андреяну прошлогодний номер роман-газеты с «Реквием каравану PQ-17». Надо сказать, что доселе Николай ничего из книг вошедшего в популярность Пикуля не читал. Не потому что не любил исторических романов, манкировал ими, но просто в руки не попадались: в стране книжный ажиотаж, в магазинах на прилавках только тома и брошюры «Политиздата», а в библиотеках запись в очередь на знаковых авторов. И этот выпуск роман-газеты каким-то чудом оказался на выкладке в единственном в городе букинистическом магазине, словно дожидаясь Николая... Да еще новая приемщица, не успевшая пока затвердить в головке с кудряшками «спросовые фамилии», уцени-

ла номер на двадцать копеек. Так что Николай, усмехнувшись, легко расстался с рублевином – юбилейной монетой с профилем Владимира Ильича.

♦ За пару вечеров прочитал и восхитился как добротным слогом автора, но особенно тем, что действие романа – «документальной трагедии» в подзаголовке к названию – происходило в родных его северных местах. А то, что автор, как следовало из биографических данных, воевал юнгой, служил рулевым на эсминце «Грозный», который базировался в Екатерининской гавани Полярного (о нем упоминает в своей книге «Вместе с флотом» адмирал Головкин, командовавший Северным флотом в войну, а ее Николай недавно прочел, купив в том же букмаре), и вовсе заставило тотчас вспомнить давний рассказ отца о юном читателе, исчеркавшем томики «Войны и мира». Поэтому в ближайшую поездку к родителям в Косолучье и захватил с собой номер роман-газеты.

...С детективными повадками не сразу показал его отцу, но дождавшись, пока после второй стопки тот в охотку разговорился, ан – и выложил журнал перед ним на кухонный стол, сославшись якобы на забывчивость: вот, мол, тебе занятую книжку захватил, да запомнил сразу из сумки вынуть... вместе с пряником для матери и бутылкой «Столичной», которой намеревался порадовать иссохший от вожделения трудовой народ «сто пятидесятый специализированный» на Лентяевке. О завозе туда целиковой фуры с редкостной маркой водки разведчики из окрестных домов позвонили друзьям и родственникам на все четыре предприятия ближней окраины города. Так что отоваривал свои талоны Николай в полутысячной очереди с преобладанием своих коллег по «Меткости».

– А как звали того юнгу, что у *тебя* на Торосе побывал? – поинтересовался Николай, пока Андреян просматривал журнал.

– Да никак. Юнга – так и звали юнгой. Правда, принимал я его на пост, а затем сдавал шлюпочному матросу с росписью в документе, что-то навряд ли актировочной ведомости, фамилия там обязательна, но я и внимания оба раза на нее не обратил. На войне без того дел достаточно. А-а, вот вспомнил: Жора Асатурьян, с которым юнга тот закорешковал на камбузе, как-то посмеялся, мол, парень этот

напомнил^{*} ему те замечательные предвоенные времена, когда он обучался кулинарному мастерству в ленинградской «Астории» – это вам не фунт изюму! – у знаменитого тамошнего шеф-повара Трофима Лонгинова. Но чем именно напомнил и в какой части, про то Жора не успел досказать – вахтенный на мостике поста врубил сирену: немцы по расписанию летели на Мурманск.

– А фото на обложке журнала не напоминает?

– Гм-м, да здесь мужик под шестьдесят лет, хотя бы и тельняшка в вороте рубахи. Тот же лет пятнадцати был; опять же за сорок лет разве в памяти удержишь?

– В биографии значится эсминец «Грозный», а ты говорил: то ли эсминец, а может и тральщик минный?

– Эх, Никол, поживи с мое да две войны пройди, пару раз в госпитале побывай... чего, конечно, никому не пожелаю – это про войну и госпиталь; словом, на память не жалуюсь, но слишком много чего в нее напихано, многое повиданное, но всего в мелочах не упомнишь. Рааз-ли-вай!

...После того разговора с отцом Николай выпросил у знакомого по прежней совместной работе в ЦКБ^{**} агрегатостроения Валерки Овцовского, библиофила, то есть старавшегося не давать никому книг для прочтения, пяток романов Пикуля – конечно, поочередно, каждый на неделю. Два мотива им двигало: интерес к творчеству исторического писателя и внимательное прочтение биографии автора, что наличествовали в каждой книге различных издательств: а вдруг найдется хоть строка, хоть пара слов о Торосе? Увы, не нашлось. Зато обнаружил в этих биографиях, написанных различными литературоведами, или как там они именуются? разночтения о месте службы юнга Валентина Пикуля: в одних предисловиях назывался эсминец, в других как раз минный тральщик!

^{*} Если Жора Асатурьян имел в виду фамилию Пикуль (?), то, как знаток французской кухни, скорее всего проассоциировал ее с блюдом пикули (только во мн. числе употребляется): салат из овощей и ягод, залитый уксусным отваром с пряностями. Но в этой славной кухне сотни названий блюд – и множество отдаленно созвучных фамилий? Наконец, Жора мог сравнить юнгу на камбузе с собой, поваренком в «Астории»? Кстати, пикулем называют торговый вес (~ 60 кг) в Восточной Азии... – Прим. авт.

^{**} ЦКБ – Центральное конструкторское бюро; таковое в своем министерстве или главке полагалось ведущим в конкретной отрасли. – Прим. авт.

Вершиной его расследования стало письмо в издательство «Художественная литература» с просьбой сообщить рижский адрес Валентина Саввича, поскольку он родом с мест, где воевал писатель, и хочет нечто уточнить. Ответ он получил, такие вежливо-обязательные времена были, но без адреса: дескать, это не в нашей компетенции, рекомендуем обратиться в правление Союза писателей СССР. Но Николай адреса этой организации не знал. Когда рассказал об этом Валерке Овцовскому, тот рассмеялся: ишь, мол, чего захотел! Да у Пикуля врагов немеренно из числа писателей, историков, литературоведов, поэтому издательства, печатающие его книги, оберегают своего автора, адресов его не дают...

Отец же на все попытки сына доискаться до истинности отвечал философски (после второй стопки), что-де все может быть: мир – он только кажется необозримым, а на деле-то часто случается тесным, особенно на *нашем* с тобой, Никола, Севере, тем более в войну, когда лишнего народа там не было, а через одного-второго-третьего все вроде бы знаемы. Может и юнга тот писателем стал, так что из того? Ведь все известные люди не рождались такими, но до поры до времени и голоштанниками по двору бегали, и в школе не одни лишь пятерки получали, за девок дрались, во флоте служили... некоторые и в пехоте, само собой. Поди-ка разгляди в нем будущую знаменитость? А *наш* Север, Никол, помни. Не у всякого такое детство и в таких местах. Где много моря и скал, но мало людей, там по неписанным законам самых разных людей можно встретить. Рааз-ли-вай!

...Николай Андреевич, вспомнив давнюю беседу с отцом за бутылочкой хотя и талонной, но высококачественной советской водки, чуть взгрустнул памяти о былом, так и не разрешившим вопроса об авторстве надписей на страницах «Войны и мира». А затем и усмехнулся продолжению этой истории с непоняткой. Когда несколько лет назад по какому-то поводу он поведал о ней профессору Скородумову в компании их нового приятеля Бурцева, писателя и издателя, в смысле главного редактора местного литературного журнала «Срединная Россия», то обычно невозмутимый Андрей Матвеевич аж на стуле подскочил: «А если это действительно, что очень похоже на правду, наш выдающийся исторический писатель юнгой у отца твоего от гриппа отлеживался на посту? Так эти то-

мики «Войны и мира» с пометами карандашными – подлинный литературный раритет с большой литературоведческой ценностью! Разреши взять их на недельку: в руках такой раритет подержать, в надписи вчитаться, а?»

Николай Андреянович – вспомнил и повод к тогдашнему рассказу о юнге – прекрасно понял горячность собеседника, которую сам и спровоцировал незлобиво: Андрей Матвеевич на той встрече в излюбленном заведении «Наливай-ка!» (с подачей и закуской) похвалился, что намерен за свой исторический роман о малоизвестных событиях русско-японской войны, в которой унтер-офицером участвовал его дед по материнской линии, он стал лауреатом премии имени Пикуля. Премия хотя и имеет статус международной, но, увы, безденежная. Потому и дали ее провинциальному литератору. Денежные же премии не выходят за пределы *МКАД*'а и являются «звонково-рекомендательными». Распахнув полы плаща – дело было дождливой осенью, – продемонстрировал премиальную медаль с профилем Валентина Саввича на правом* лацкане пиджака.

Но Николай Андреянович несказанно огорчил взалкавшего своими глазами посмотреть на автографы своего знаменитого коллеги по писательскому цеху Андрея Матвеевича. Увы, некогда большая и дружная семья по мере взросления братьев, ухода из жизни их родителей распадалась, разъезжалась по разным частям города. И сам родительский дом в Косолучье интригами и деревенским алчным хамством бывшей жены среднего из трех братьев перешел совсем к посторонним людям... Где уж тут сохраниться четверем потрепанным временем томикам в неприязнительных картонных обложках? Прав был советский классик, что книги нетленны. Но прав ровно наполовину: экземпляры их просто теряются во времени и в жизненном пространстве... Снова воспоминания из ареала военной цивилизации.

♦ Как человек с инженерным образованием, Николай Андреянович был уверен, что более двух совпадений – это истина. Так и в авторстве карандашных пометок и подчеркиваний на страницах «Войны и мира» довоенного издания в

* Из всех медалей только премиальные носят справа – вспомните, кто постарше, портрет Леонида Ильича в последние годы его жизни: слева пять геройских звезд в два ряда, а справа три (или четыре?) лауреатские медали, в том числе одна по литературе. – Прим. авт.

серии «Дешевая библиотека» он не сомневался. Но если прославленного исторического писателя он лицо-в-лицо не видел ни юнгой, как его отец, ни во взрослом возрасте литературной славы (а вот Андрей Матвеевич Бурцев с Пикулем даже ручкался на некой писательской конференции, что проходила в толстовской Ясной Поляне), то со знаменитым поэтом Андреем Вознесенским, что на пару с Евгением Евтушенко в шестидесятые-семидесятые годы занимали сам-двое поэтический Олимп страны, Николай – тогда еще не Андреянович – познакомился в самых интересных обстоятельствах. Опять-таки, как все во владениях Северного флота в те годы, обстоятельства сводились к сухому закону. Наделал же Никита делов, оставшись в народной памяти таким вредительным самодуром – волюнтаристом и пробебелистом, как пропечатали в передовице «Правды», посвященной отстранению Хрущева от власти.

Ну да господь всепрощающий с ним. Даже доброе дело за ним числится: «кузькиной матерью» в тридцать пять мегатонн, взорванной на Новой Земле, опять же в зоне ответственности Северного флота, очень серьезно напугал америкосов: от этого взрыва растут и ноги всех последующих наших с ними умиротворяющих договоров и соглашений.

...Отпив пару-тройку глотков чая, Николай Андреянович закурил и настроил механизм своих воспоминаний на начало учебного года в предпоследнем, десятом классе.

Как и на старте сегодняшнего «часа воспоминаний», Николай Андреянович скрупулезно, по инженерной привычке, отметил: все было уникальным в первые восемнадцать лет его жизни – под сенью славного Северного флота, в ареале военно-морской цивилизации, в том числе и последние два года жизни в Полярном; соответственно, завершающие школьную учебу. Он уже и не стал оговариваться про себя, что всему виной Никита Сергеевич. Истинно по пословице: хорошо бьет ружье – с полки упало, семи горшком побило.

А уникальность биографии Николая Андреяновича в соотнесении со школьной учебой и генсеком Хрущевым состояла в том, что он последние школьные годы, то есть учась в десятом и одиннадцатом классах, причем в обычном

дневном обучении, ни в каком-то вечернем или заочном! одновременно имел трудовую книжку и занятость по полной рабочей ставке. В воспоминаниях зрелых лет, особенно в веселой компании приятелей и сослуживцев, Николай Андреянович похвалялся этим; дескать, если я не единственный в советской стране тех золотых годов такое совмещение имел, то во всяком случае – из числа совсем немногих уникалов. И действительно, будучи человеком общительным, сколько он не интересовался у многочисленных собеседников, как не пытался, будучи с детских лет отменным книголюбом, что-либо подобное в печатных текстах хоть намеками обнаружить, но ничего подобного не слышал и не прочитывал. Один так один! – с тихой гордостью за такую избранность судьбы отмечал Николай Андреянович утвердительно сам для себя.

И Никита Сергеевич здесь при всем при том. Уже в окончании девятого класса все ученики, готовящиеся перейти в разряд десятиклассников, впервые в безмятежной жизни задумались: через два года свертывается хрущевский эксперимент с одиннадцатилетним обучением, который он вместе с кукурузой, сосисками-пальчиками и многочисленными автоматами – от газированной воды на улицах до одеколонных брызгалок в промтоварных магазинах – привез из поездки в Америку. А для свертывания и перехода к прежней десятилетке, как тут не крутись, требовался болезненный удвоенный выпуск прежних одиннадцатых классов и «подтянутых» по программе десятых. Именно в такой разряд и попадал по расчетам Николка, сын Андреянов, причем именно в статусе выпускника-одиннадцатиклассника.

Но если сами кандидаты на сдвоенный выпуск по юношескому оптимизму особо-то не огорчились, то как болезненно восприняли их родители! Конечно, не денежно-меркантильные хлопоты, как было бы сейчас*, их одолевали, но ведь это и двойные конкурсы – а тогда поступали не по липовой «егешке», а по знаниям! – в вузы? Значит надо всерьез взяться за своих отпрысков, наставлять их к успешной учебе и экзаменам: где убеждениями и уговорами, а то и легким отцовским

* История движется по спирали диалектики Гегеля: вне всякого сомнения (автор не провидец, но научен жизнью...) и нынешнюю одиннадцатилетку, тож вытребованную из Америки, свернут до традиционной десятилетки. Опять родителям огорчаться? – Прим. авт.

подзатыльником (тогда ювенальной юстиции от америкосов и опидорасенной Европы еще не переняли, забыл ее Никита оттуда привезти...). Конечно, и власть родная советская озаботилась: на год двойного выпуска экстренно увеличили число приемных мест в институтах, университетах и техникумах. Медучилищах, музучилищах и педучилищах тож. Даже впервые с послевоенных лет, когда не хватало абитуриентов со средним образованием для заполнения вакансий военных академий и в них, наряду с майорами и капитанами, брали вчерашних школьников*, на год двойного выпуска такое исключение повторили...

♦ Николка потому попал в разряд одиннадцатиклассников, что с девятого класса учился по прежней программе, то есть с производственным обучением: четыре дня в неделю школьные уроки, а два – занятия радиodelом с получением рабочей специальности радиотелеграфиста-морзиста второго или третьего разряда. По школьным предметам шел он устойчивым хорошистом, а по физике, математике и химии и вовсе твердым отличником. Особо не огорчился предстоящему двойному конкурсу в институты. Но отец его Андреян, по-флотски приученный все в жизни делать с запасом, как-то безотносительно сообщил в домашнем кругу, но пристально посмотрев в сторону Николки, что остался он в дэкафе единственным электриком: его подручный, молодой парень Трефилов, уводился на днях, уехал в Петрозаводск, откуда был родом.

А дело было в конце июня-месяца, только что Николка паспорт получил и сдал экзамены за девятый класс.

– А что, Колька, – уже напрямую, без обиняков обратился к нему Андреян, – занимаешься ты хорошо, главное, с прилежанием. И цель четкая: на радиоинженера учиться. Опять же у вас будет одновременный выпуск десятых и одиннадцатых классов, а имеющие двухлетний трудовой стаж идут вне конкурса. Паспорт у тебя уже имеется, а если сейчас к нам в дэкаф электриком под мое начало поступишь, так к сдаче выпускных экзаменов как раз два года – вынь да положь! Опять же зарплата не лишней будет для тебя и семейства нашего. Давай?

* Мой научный наставник (земля ему пухом!) академик Евгений Иванович Нефедов был из таких: в послевоенные годы, закончив школу в Таганроге, поступил в Военную инженерную академию связи имени С.М. Буденного (ВКИАС). – Прим. авт.

...И мать, чувствуя ответственность момента, для убедительной разговорчивости Андреяна вроде как случайно в кладовой – что-то ей там понадобилось? – за слежалым разным хламом наткнулась на бутылку «Московской». Ой, мол, когда-то положила, упрятала, да забыла.

Уже после первой, самой сладостной стопки Андреян все строго, пофлотски расставил по диспозиционному ранжиру.

– ...Потому в дэкафе двух электриков держат, что начинаем мы работу с утра, а только в одиннадцать вечера двери закрываются. На ночь остаются только дежурный и кочегары-стройбатовцы в осенне-зимнее время, но у них в кочегарку свой вход. Электрики же в две смены по графику, а мы с тобой график этот постоянным сделаем: я с полдевятого утра до четырех пополудни, а ты мне на смену и до конца дня; где-то в десять вечера, ну-у, в половине одиннадцатого в крайнем случае. Не переутомишься! Вся работа по починке чего надо, утренние и дневные *мероприятия* в большом зале, где обслуживание по свету требуется, и прочие докуки на мне. Ты же после школы – у вас ведь, которые с производственным обучением, только первая смена? – придешь домой, пообедаеть, пару часов отдохнешь. Ты ведь пару раз заходил ко мне, потому знаешь, условия тебе царские: целое крыло полуподвального этажа, где и днем ни одного черта не встретишь, разве что пару раз в неделю, но опять днем, в своей комнате оркестр четвертой эскадры подплава на репетицию собирается, почему-то особо на «Танец с саблями» напирают. А в твоём владении электробудка под сценой, с выходом на нее через люк и по боковой лестнице, налево от нее вход в оркестровую яму, а напрямки *наша* мастерская и склад электропричандалов. Так что придешь мне на смену, скоренько, пока к вечеру публика не подвалила, обойдешь все коридоры и незапертые комнаты, захватив с собой пяток лампочек различной мощности и маленькую стремянку. Если заметишь перегоревшую в потолочных плафонах или в настенных бра – заменишь. И все – возвращайся в электробудку, заваривай чай и – сам себе пан! – делай уроки, читай книжки, кстати, в дэкафе богатейшая библиотека, *своим* Наталья Зосимовна и книги дореволюционного издания выдает, чего ни в каких городских библиотеках нет и в помине. А своими поделками ра-

диолюбительскими в мастерской занимайся, там все имеется: станок настольный сверлильный, тиски, верстак, точило; дюраля и проводов всяких – завались! И целый ящик реле, конденсаторов и прочих радиодеталей. Видно, мой предшественник тоже, как ты, радистом был, вот ему и натаскали всего из военных частей...

– Но ведь вечером в дэкафе самое оживление?

– Верно, кружки всякие, буфет работает, офицеры шары в бильярдной катают... да много чего! Но тебя касается только большой зрительный зал. Как уже сказал, все официальные сборища там днем проходят, моя забота. Вечером, если только фильмы крутят, то тебя это не касается, свет в зале тушат и включают из кинобудки, у них это запараллелено с *нами*. Но вот если приезжают с гастрольями артисты давать концерт или спектакль театральный, особенно столичные или из Ленинграда, то перед началом подсуетиться придется: софиты над сценой и на кромке оркестровой ямы проверить, прожектора-пистолеты тож, еще что попросят старшие над артистами. И свет гасить-включать тоже из электробудки – реостатом, чтобы медленно освещение зала спадало-нарастало. Словом, начеку следует быть. Зато концерты или спектакли, иные выступления, как кум королю будешь в одиночку из оркестровой ямы – сверхпервый ряд! – смотреть. Если только оркестр туда не посадят. Но все одно место найдется.

♦ Учебу в десятом классе Николка начал пролетарием. Это третье по счету школьное прозвище – после внука маршала Булганина, а затем Николки-паровоза, что из книги Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69» по программе внеклассного чтения – присвоил своему другу одноклассник Сашка Белозеров. С уважением присвоил. Тем более, что, оставив за собой почетный пост заведующего школьной радиорубкой, он назначил Сашку своим замом по обслуживанию субботних вечерних танцев – по понятной причине. Усталости от совмещения школы с ее радиорубкой и радиоклубом коротковолновиков-морзистов, что организовал их преподаватель производственного обучения, матерый мичман Алексей Васильевич Калинин с работой в дэкафе, то есть каждодневно «быть на ногах» с утра и почти до полуночи, Николка не ощущал – как потомок отца из староверов и матери-поморки, то есть потомственно двужильных.

...И действительно, отец в точку попал: вместо тоскливо ожидаемой Николкой тягомотины вечерней работы в дэкафе, вреда учебе и просто каждодневной усталости, зажил он как тот самый кум королю или сам себе пан! Даже наоборот: если к вечеру, особенно в осенне-зимнюю непогоду, в их маленьком домишке собирались все семейственно, включали телевизор, младшие братья Серезжа и Славка назло всем нарочито громко делали домашние задания, прерывая их потасовками... словом, бедлам, то в дэкафе, пройдясь по этажам с лестницей-стремянкой, возвращался в свои тихие и безлюдные владения, заваривал чай в литровом фарфоровом чайнике, к домашним бутербродам добавлял купленные в буфете удивительно вкусные, с пылу с жару, пирожки с картошкой и мясом, включал для умиротворяющего звукового (ни один шорох из переполненного народом дэкафа в электробудку не проникал!) фона на малую громкость динамик городской радиотрансляции и неторопливо приступал к заданным на дом урокам. Со стороны посмотреть – ни дать ни взять академик Павлов в своем уединенном кабинете в загородных Колтушах! – это из иллюстрации в школьном учебнике.

Закончив с уроками, устраивался на пружинной кушетке с подушкой – с книгой, очередным томом Стендаля, любимого Лескова, Достоевского, Ромена Роллана... Заведующая дэкафовой библиотекой, почтенная Наталья Зосимовна, профессионально вычислив в лице молодого электрика серьезного читателя, баловала его дореволюционными и двадцатых годов изданиями писателей и поэтов, имена которых в школьных учебниках литературы если и упоминались, но только в неодобрительном наклонении... В семь часов начинался фильм. Если новый, то Николка вставал с кушетки и шел его смотреть из оркестровой ямы. Если же показывали что-то повторное, то отправлялся в мастерскую, где до конца трудодня паял, сверлил, стучал молотком, изготавливая с нуля очередную радиоподделку: электронный ключ для тренировки по азбуке Морзе, карманный радиоприемник на транзисторах и тому подобное. Выполнял и заказы отца для хозяйства дэкафа: многоярусный переключатель елочных гирлянд к новогодним балам, зарядное устройство для аккумуляторного фонаря, преобразователь для питания трехфазного движка точила и шлифовального круга от двухфазной сети и многое другое.

Вплоть до громоздких световых табло, что навешивали на фасад дэкафа к новому году, седьмому ноябрю и первому маю. Все в охотку, с интересом, не по подсказке, а по своему разумению.

Что касается концертов и спектаклей, то из той же оркестровой ямы Николка за два года ознакомился с большей частью филармонических и театральных репертуаров страны: дэкафы Полярного, старейшего на Северном флоте, и Североморска являлись обязательными для выездных гастролей не только провинциальных, но и столичных артистов.

Время от времени «на огонек», а заодно задарма посмотреть новый фильм, концерт знаменитости, перекинуться картишками в покер или кинга, просто под хозяйский кофеек – и для него посуда в электробудке имелась, – подымить настоящей гаваной, что во всех магазинах и киосках продавались от друга Фиделя по тридцать пять копеек штука (американские миллионеры тогда платили за контрабандные по столько же доллárов...), душевно поговорить о школьных делах и кто чем собирается заниматься, получив аттестат, заглядывали друзьяки: Сашка Белозеров, Юрка Черняков, Женька Карпущенко, Илья Самсонов. Иногда, когда на концерт заезжей знаменитости в кассе заканчивались билеты, то парочкой появлялись и одноклассницы, которых Николка впускал в оркестровую яму.

Не жизнь, а малина! – это уже ностальгические, со вздохом, мысли погрузившегося в воспоминания доцента-ракетчика Николая Андреяновича.

♦ Дэкаф открыл старшекласнику Николке, уже почти Николаю! еще одну, доселе как-то мимо его сознания проходившую, сторону военной цивилизации его родных скалистых, морских мест: моряки на отдыхе, вне кораблей и четких команд, в сторонке от выверенной субординации, в смешении мундиров, ненавязчиво отличающихся погонами, числом и размером звезд на них. Действительно, выходя по делам, в том числе и в буфет за пирожками, где-то ближе к семи часам, а в выходные и праздничные дни и вовсе по приходу в дэкаф, уже ко второму-третьему месяцу работы Николка перестал останавливаться взглядом на многочисленных встречных-поперечных, если, конечно, кто знакомый не попадался. Привык, глаза замылились, как мать по-архангельски говорит. Капитаны всех

трех рангов, в праздничные дни с кортиками, многочисленные младшие офицеры, старшины и матросы в увольнительной. И адмирала не такая уж редкость встретить. Из штатских преимущественно офицерские жены, в том числе школьные учительницы, что дружелюбно кивали Николке в черном рабочем халате, всякое гражданское начальство, старшеклассники единственной в Полярном школы. Разношерстной зрители фильмов, концертов и спектаклей. Весь город со временем прошел мимо Николки за пару лет работы в дэкафе. Но довелось повидать и весь офицерский состав подплава.

Имея скользкий выходной, в воскресенье Николка всегда выходил на работу с утра, менялся с отцом сменами. Так получилось, что как-то в октябрьском месяце, по первому году работы, только он собрался прогуляться по коридорам с лесенкой-стремянкой, как в электробудку вошел начальник дэкафа, почтеннейший и дружелюбный черномундирный полковник Зинченко:

– Отставь, Николай обход. Через час экстренное собрание всего офицерского состава четвертой эскадры и надводных кораблей – из тех, чьи подлодки в гавани стоят. Будь на месте, освещение в зале контролируй. Да-а, это что-то навряд ли открытого партсобрания, начальник политуправления флота будет выступать, так что оркестровую яму на замке держи... сам из электробудки не выходи – ты при исполнении и торжественное клятвенное обещание* под расписку давал, а это как присяга. Окончится собрание, разойдутся, тогда шуруй по своим делам.

Не выходить так не выходить, но кто запрещает чуть-чуть, на пару пальцев приоткрыть лючок на задник сцены и подложить по его край маленький чурбачок – все прекрасно слышно, а из зала, с передка сцены, где ставят заседательский стол, незаметно. Он и раньше так делал, когда было желание концерт малоизвестных артистов послушать и от учебных своих занятий не отвлекаться. Но перед самым началом собрания вроде как по делу и для бдительности зашел в оркестровую яму, осторожно, как солдат из окопа, бросил взгляд в сторону зала. Да-а, не-

* Для вольнонаемных в воинских частях было обязательным при поступлении на работу; соответствующая запись вносилась в трудовую книжку. – Прим. авт.

сколько сотен офицеров, почти полностью заполнивших зал, производили солидное впечатление.

Сам долгий доклад большого политначальника из Североморска относился к недавнему снятию Хрущева «по состоянию здоровья». Народ, разумеется, посмеивался над таким диагнозом, много чего предполагал, в основном, как сообразил Николка, слушая начальника политупра флота, близкое к истине: зарвался Никитушка, многих важных людей обидел, отсюда и расплата – переход в разряд пенсионеров союзного значения, то есть сто сорок «рэ» пенсионера. Особых кремлевских тайн Николка не узнал, собрание имело военно-воспитательный характер. Тем более, что вскоре все газеты запестрели передовицами, из которых народу более всего понравились прозвища Хрущева: *волюнтарист* и *пробебелист**. Непонятное последнее слово тотчас переделали в житейски ясное: *пробабелист*, произнося его ернически, понимающе подмигивая.

...Именно заполненный морскими офицерами большой зал дэкафа с люстрой, чем-то внешне напоминавшей таковую в Большом театре, виденную Николкой в кинохронике, что крутят перед фильмами, оттеснил в юной голове скучноватый, схожий с оправданием, доклад главного партийца флота. Даже не заполненные подлодками и надводными кораблями пирсы материкового берега Екатерининской гавани, причем пришвартованными в несколько номеров, а именно сотни офицеров в черных мундирах с блестящими погонами, сплошь занявшими все двадцать четыре ряда большого киноконцертного зала дэкафа, да еще в «адмиральской ложе» самые высокие чины подплава и бригад катерников и «охотников», – горделиво восхитили парня: вот это мощь! вот силища! – не напрасно страна держит на этих голых, продуваемых свирепыми норд-остами, по полгода занавешенными плотными туманами скалах, военные города и удаленные от них «точки», обслуживающие сотни кораблей Северного флота. Нет, не напрасно: только сила силу ломит, а советской стране противостоит такая злобная и неумолимая сила – натовцы во главе с Америкой. Истинно – наша военная цивилиза-

* Почему-то пресса и радиотелевидение тогда не растолковывало массам смысл этого загадочного слова. Очевидно, имелось в виду, что Никита Сергеевич дал некую левизну (или правизну), созвучную с мнениями Августа Бебеля, у которого были поллитерки с Карлом Марксом... - Прим. авт.

ция... где-то прочитанные слова. На этом высоком штиле размышления Николки в один из последующих дней, с еще не раскрытой книгой, томом Лескова с антинигилистическим романом «Некуда» на кушетке, прервали осторожным, вежливым стуком в дверь электробудки. Именно вежливым, поскольку дверь была, как всегда, демократично-доверительно приоткрыта на ширину ладони: своим понятно, чужим приятно.

♦ Свои не стучат, а чужие политеса требуют. Николка рывком поднялся с кушетки, махнул рукой по слегка растрепавшимся волосам. «Входите», – негромко произнес, кладя том Лескова на стол. Дверь приоткрылась, Николка увидел за порогом двух офицеров-подводников, сразу отличимых по знаку на правом борту кителя: кавторанга* и кап-три. Войдя в комнатку электробудки, вежливо кивнули головами и осведомились об Андрее. Николка пояснил, что он его сын, а Андреян теперь постоянно в первую смену работает, но, углядев, что меньший по званию что-то бережно придерживает под полой кителя левой рукой в оттопыренном брючном кармане, тотчас вспомнил наставления отца: «Да, вот еще что, электрик в дэкафе самое доверенное лицо, а электробудка – самое надежное место для желающих распить бутылку, если кому повезет выклянчить, с наценкой конечно, у Зинки-буфетчицы. У нее в кладовке всегда имеется «энзе» на случай, если в кабинете у Зинченки соберутся для внеслужебных доверительных дел чины с большими звездами на погонах. Так что если кто из офицеров придет к тебе расслабиться, то прими вежливо. Они тебе особо не помешают».

Опять же сегодня среда, а Николка уже знал, что по всей стране среда – партийный день, а четверг – рыбный, чтобы народ умнел, в рыбе много фосфора, который для человека есть элемент разума, как объясняла им школьная биологичка. По четвергам буфетная повариха вместо картошки с мясом снаряжала свои замечательные пирожки рисом с мелко порубленными тресковыми тешами.

Вот и встретились на дивизионном общем партсобрании в дэкафе два однокашника по ленинградскому военно-морскому училищу подводного плавания. Как не отметить!

* Сокр. от капитана второго ранга; также каперанг и кап-три для капитанов первого и третьего рангов. – Прим. авт.

– Прошу, – Николка, на задавая излишних вопросов, указал на свой и боковой гостевой стулья у стола, на который поставил два чистых граненых стакана, взятые из шкафчика, принайтованного к стене над столом, и оттуда же на тарелке пару буфетных пирожков, еще не остывших.

– Спасибо, уважаемый! А себе стакан?

– Извиняюсь, на службе, – и вообще Николка еще ни единой капли в жизни не выпил; отец держал детей в строгости, а в малом хмелю педагогически назидательно наставлял: «Древним грекам не разрешалось пить до тридцати пяти лет, вот и следуйте им!»

После чего, сославшись на дела, Николка ушел в мастерскую, попросив флотоводцев, уходя, притворить дверь.

В дальнейшем, когда случались подобные визиты, Николка действовал по уже отработанной методе.

...Где-то в начале весны первого года работы Николка, войдя в дэкаф, обратил внимание на многочисленность в коридорах первого этажа гражданского народа, преимущественно молодых женщин и старших школьниц, а перед внутренней кассой, что была на пути в *его* владения, выстроилась солидная очередь, в которой он отметил несколько учительниц и двух одноклассниц. Сменяя отца, уходящего домой, поинтересовался таким наплывом штатского народа в несколько странном сочетании. Чем-то раздосадованный Андреян буркнул про какого-то артиста, что в одиночку будет: «В семь часов свет в зале включишь, а по окончании вырубешь. На сцене только обычный верхний, безо всяких подсветок». С тем и вышел из электробудки.

Ну и хорошо, решил Николка. Чем меньше народа на сцене, тем ему спокойнее. Тем более, что на сегодня, наскоро сделав домашнее задание, надо успеть срочное поручение Алексея Васильевича выполнить: для радиостанции школьного клуба коротковолновиков-морзистов доделать позавчера начатый антенный пульт с переключателем. Из всех ребят только у него «под рукой» имелась мастерская с инструментом.

Закончив к половине седьмого с урочными делами, включив свет в зале и на сцене, Николка направился на выход из электробудки – идти в мастерскую, но с противоположной стороны в дверь осторожно, вежливо постучали.

♦ Офицеры с бутылкой от щедрот Зинки-буфетчицы? Тем более, что на днях, сменяя отца, в это время разговаривавшего с завхозом Пал Никитичем, непосредственным начальником электриков дэкафа, Николка услышал окончание фразы последнего: «...седни матросы опять пару ящиков, прикрытых брезентом, в Зинкину кладовку внесли. Видно на катере попуткой из Мурманска Зинченко заказал». И оба, Андреян и завхоз, завистливо облизнулись.

Но ведь сегодня не среда, а в коридорах и в очереди к кассе видел он нескольких офицеров, но молодых, не выше старлея по званию, а таким еще не по чину у Зинки отовариваться. Но уже заученно сделал шаг в сторону навесного шкафчика с гранеными стаканами, ответив на стук: «Входите»... и обомлел: в проем растворившейся двери, неуверенно перешагивая порожек, входил не кто иной как Роберт Рождественский! Еще бы не знать его в лицо? – по постоянно мелькающим фотографиям в самых читаемых журналах: от «Огонька» до литературной «Юности», что Николка регулярно просматривал в читальном зале районной библиотеки. Статус райцентра давненько уже «переехал» из Полярного в новопостроенный Североморск, но вот библиотека и еще некоторые гражданские учреждения Полярного продолжали носить названия районных.

В самом расцвете своей всесоюзной славы и в начале четвертого десятка лет многообещающей жизни, стихи которого, печатные и в авторской декламации, не сходили со страниц и с эстрады! Рождественский и дорастающий до него (по популярности) Евтушенко – почти живые классики, как их называла их учительница литературы Валентина Николаевна, особо выделяя Рождественского.

И вот – Николка даже произвольно провел тыльной стороной ладони по бровям и ресницам глаз: не мерещится ли? – узнаваемый по фотографиям в журналах и газетах, но особенно по неизменному тонкому шарфику на шее под рубашкой с расстегнутым воротом, главный поэт страны, во всяком случае, молодежи, нерешительно остановился, перешагнув порожек двери электробудки. А ко-

гда он заговорил с обычным своим легким заиканием, точнее, почти что незаметными остатками заикания, все сомнения Николки вмиг рассеялись.

– Э-э, молодой человек, извините за вторжение. От работы вас не отвлекаю?

– Да нет, проходите, Роберт... (здесь Николка с ужасом осознал неловкость своего положения: отчества знаменитого поэта он не знал).

– Да вы не смущайтесь: нашего брата печатно и изустно только по имени и называют; сам порой паузу делаю, отчество называя. Да не прогневается на меня мой папа Иван Петкевич. Я собственно почему зашел? – пару лет назад уже бывал у вас в Полярном, здесь же и выступал с другими московскими поэтами по линии шефства над Северным флотом... вроде как Андреян здесь электриком был?

– Он в первую смену, а я его сын Николай, младший электрик.

– А-а, понятно. Разрешите присесть. Очень приятно с вами, Николай, познакомиться. И просьба несколько некомильфо: можно стаканчик какой-нибудь попросить?

Николка уже привычно раскрыл дверцу шкафчика, радуясь, что там наряду с гранеными стаканами стояла пузатенькая «под хрусталь» рюмка. Как она поселилась в электробудке? – даже отец не мог объяснить. Поставил ее на стол перед гостем, извинился за отсутствие закуски.

– Да у меня пара конфеток имеется – привычка. А себе? – поднял он глаза на стоящего Николку, одновременно доставая из внутреннего кармана серого, твидового, как называют этот материал, пиджака, плоскую бутылочку с чайного цвета содержимым. Такие Николка только в зарубежных фильмах видел.

– Извините, не пью. Вы, Роберт Иванович, не обращайтесь на меня внимание.

– И Николка отошел к кушетке, присел на краешек.

Одобрительно кивнув на слова молодого электрика и поправил слегка сбившийся шейный шарфик, поэт наполнил коньяком стограммовую рюмку на две трети (по этикету – отметил Николка, уже много чего знающий из обыденной жизни), приветственно поднял ее на уровень плеча в сторону гостеприимного хозяина, после чего неторопливо выпил. Достал из бокового кармана пару конфеток «Кара-Кум», одну протянул Николке, оберткой другой сам зашелестел. Уложив

плоскую бутылочку обратно в карман, для приличия пяток минут посидел, объясняя Николке, что по совету знакомого врача-логопеда перед концертными выступлениями «принимает терапевтическую дозу» – снимает некоторую напряженность в гортани для плавности поэтической декламации.

Сказав вроде как дежурный комплимент «людям семидесятой широты, уверенно живущим в суровой и первозданной природе», пожелал Николаю успехов и удач в начинающейся взрослой жизни, пожал руку. Проводив знаменитого гостя до лестницы, ведущей вверх на задник сцены, вернувшись к себе, Николка с досадой хлопнул себя по лбу: что ж не догадался автограф попросить? Тем более, что сегодня в школьном портфеле, взятом в дэкаф, имелся учебник литературы. Вот бы он смотрелся с парой-тройкой слов Рождественского и его подписью?! А как бы зауважала его Валентина Николаевна! – И поспешил в оркестровую яму: из зала уже доносился первый звонок к началу выступления ведущего поэта страны.

♦ С автографами ему положительно не везло. Впрочем, он сам себя успокаивал: какие-то автографы? Девчачье баловство! Но все же? – ладно Роберт Рождественский; хотя и выдающийся поэт, но как человек гражданский, он все же случаен в этом военно-морском краю. Здесь главенствует носитель мундира, особенно, если звезды на погонах которого не за выслугу лет скопились, но за такие заслуги, о которых весь флот, вся страна знает... но чаще не ведает вовсе: дела военные, особенно флотские, для пользы обороноспособности огласке не подлежат. Но всегда есть разряд личных подвигов, которые именно своей всемирной известностью прославляют советскую страну. У такой выдающейся личности сам бог велел бы автограф получить. Это уже не девчачье баловство, а хотя бы чисто условное, но все же прикосновение к подвигу.

И совсем близок, буквально на расстоянии шага был Николка от такого прикосновения, но... как и в случае с Робертом Рождественским, подвела его неожиданность встречи с прославленным героем. И не только его, но в паре с ним Сережку Иевлева, одноклассника и такого же активного участника школьной радиоклуба с коротковолновой радиостанцией под позывным UA1KUZ.

Именно поэтому матерый мичман Алексей Васильевич Калинин, их наставник по телеграфной азбуке Морзе, он же руководитель радиоклуба, как-то в перерыве занятий в день производственной практики подозвал Иевлева:

– Слушай, Сергей, надо завтра или послезавтра, в крайнем случае, в Североморск смотаться. В мурманской типографии отпечатали для нас кюэсэльки* тиражом аж в тысячу штук, но почему-то передали их оказией в райком комсомольский. Обычный бардак у *этих штатских*! Словом, оттуда позвонили и просили забрать. Так что возьми для компании, чтобы скучно не было, кого-нибудь из *наших* и отправляйся. Я уже директорше говорил – Мария Ивановна добро дала освободить от уроков.

Совершенно случайно первым, кого встретил Сережка, выйдя в коридор на перемену, оказался Николка:

– Чего тебя Алексей Васильич попридержал?

Приятель кратко объяснил, насчет попутчика сказал.

– Так давай вместе и съездим?

– А как же твой дэкаф?

– С отцом договарюсь насчет выходного на завтра.

Словом, на следующий день, ранним утром, отправились они в недалекий Североморск: наискосок через Кольский залив, всего-то полчаса. Сначала все шло как по маслу: сэкономили по полтиннику, ибо вместо рейсового пассажирского катера, что отчаливал от пристани в Кислой губе, отец Сережки, каперанг и зам командира четвертой эскадры подплава, «устроил» их на катер военный, случившийся до Североморска. Так что на борт его ребята поднимались с пирса Екатерининской гавани, на который часовой пропустил их по волшебным словам Сережки: «Капитан первого ранга Иевлев распорядился!»

Опять же майская погода, штиль на море и близкие летние каникулы – окончание десятого класса располагали к благодушию. Катер шел солидно и не-

* От QSL – этими буквами в международном радиоловительском коде (Q – коде) обозначаются карточки, которыми по специальной почте (даже со своими марками!) обмениваются радиоловители, установившие радиосвязь друг с другом. По форме открытки, специально отпечатанной, содержащей основные сведения о радиостанции с графами, заполняемыми от руки. – Прим. авт.

торопко, словно переняв характер несуетливого военного моряка. Теплеющий с ночи воздух, пронизанный йодистым запахом, приятно освежал лица приятелей, усевшихся на банку* перед рубкой катера, отказавшись от любезного приглашения старшины катера спуститься в носовую каюту, где уже был пассажир – офицер подплава, посланный с катером забрать из Североморска нескольких курсантов-старшекурсников ЛВВУПП**, прибывших для прохождения корабельной практики на подлодках четвертой эскадры.

И в Североморске они без хлопот и расспросов нашли здание, в котором располагались оба райкома: партийный и комсомольский, впридачу и райисполком. По раннему времени в коридорах пусто, но по табличкам на дверях разыскали завхоза, у которого под расписку взяли пачку кюэсэлек, упакованных в оберточную бумагу. Далее Николка с Сережкой полагали доехать на рейсовом автобусе до Мурманска, зайти в радиомагазин поинтересоваться насчет дефицитных деталей: транзисторов, антенных ферритовых стержней и малогабаритных низковольтных электролитических конденсаторов... и вообще пошататься по центру северной столицы, пообедать в приличном заведении, а к вечеру вернуться в Полярный на рейсовом катере.

Спустившись по боковой лестнице на безлюдный первый этаж и направившись к выходу, на повороте в основной коридор, они лицом к лицу столкнулись... с Гагариным, который, держа на согнутой руке перекинутую шинель, шел навстречу, рассматривая таблички на дверях.

– Здравствуйте, Юрий Алексеевич!

– Здорово, ребята. Вот из Сафонова подкинули на машине, на встречу пригласили. Мой провожатый в одну сторону, я в другую – ищем начальство здешнее. Оно понятно, люди гражданские, поздно на службу являются...

Но здесь несколько набежавших райкомовцев в пиджаках и галстуках загонили, оттеснив ребят от космонавта.

* Банка – палубная скамейка на корабле или поперечные скамейки на шлюпке для гребцов и пассажиров (флотск.). – Прим. авт.

** Ленинградское высшее военное училище подводного плавания – кузница кадров советских подводников. – Прим. авт.

Уже садясь на мурманский автобус, Сережка огорченно чертыхнулся: ведь можно было попросить автограф на свежеотпечатанных кюэсэляках! И хотя оба имели раритетные карточки с автографами из числа самых знаменитых радиолюбителей-коротковолновиков: Сережка – иорданского короля Хуссейна, а Николка аж самого Барри Голдуотера, американского сенатора по прозвищу Бешеный Барри, самого яркого антисоветчика, карикатуры на которого не сходили со страниц «Крокодила» и центральных газет, – но кюэсэльки с росписью Гагарина всех их вместе взятых затмили бы! Опять же начинал службу под Мурманском – почти земляк.

♦ А сколько таких известных земляков заезжих – в Заполярье потомственные, постоянные жители редки – побывало в Полярном? (Нить воспоминаний Николая Андреяновича развертывалась, не удаляясь от дэкафа). На втором году работы Николая – с этого момента Николай Андреянович повысил свой юношеский образ в звании: от Николки до Николая! – ближе к Новому году сменился начальник этого центра культуры Полярного. Событие взбудоражило если не весь город, то во всяком случае командный офицерский состав... и офицерских жен, для которых дэкаф являлся клубом: где еще встретиться и повспоминать о прежней их ленинградской жизни – до тех пор, пока они не вышли замуж за новоиспеченных лейтенантов, окончивших свое училище подводников. Словом, вышел в отставку с полным пенсионом и отбыл со своим семейством в родную Полтаву полковник Зинченко. Был он малой легендой Полярного и всего Северного флота, поскольку в последнем предвоенном году двадцатилетний политотделец Зинченко получил досрочное повышение в звании и приказом по Северному флоту за подписью командующего Головкин был назначен начальником Дома командиров флота в Полярном – главной базе флота. За четверть века, прошедшие с тех пор, Зинченко и дэкаф – человек и учреждение – в понимании обитателей Полярного и его окрестностей, во флотской части многократно сменившихся за это время, стали синонимами. Поговаривали, что по всей стране, от Калининграда до Владивостока, собираясь по табельным дням за накрытыми столами, ветераны Северного флота – от героев военного времени до жертв очередной пакости Никиты, сокра-

щенных до выслуги пенсии, – первый тост поднимали за свой славный флот; второй, без перерыва, за Генералиссимуса и «полного» сейчас адмирала Арсения Григорьевича Головки; третий, уже из разряда неофициальных, провозглашался за родные берега, к которым причаливают корабли, вернувшись из похода, то есть за Полярный, его дэкаф – место всех дружеских встреч – и бессменного на своем посту Зинченку.

Назначение на освободившуюся должность подполковника, естественно из политотдельцев, Венкова вызвало на лицах работников дэкафа иронические ухмылки, дескать, из грязи в князи, то есть из небольшого военного клуба гарнизона Четвертой точки, где базировалась бригада атомных подлодок, с полудесятком подчиненных, только что получивший на погоны вторую звезду новый начальник возглавил старейший и самый большой на флоте дэкаф, в котором одних штатных работников под пятьдесят!

Еще пожилые женщины из младшего персонала – от уборщиц до вахтерш – злоязычили, что Венков явно не по чину получил квартиру в Циркульном доме. Но даже младший электрик Николай, мало вникавший в внеслужебную сторону дэкафовой жизни, знал: квартиры в самом представительном доме города закреплены за должностями: убыл Зинченко, а на его место в дэкафе заступил подполковник Венков, он же и вселился в опустевшую квартиру. Делов-то? – все по-флотски, по ранжиру. Но и для баб удовольствие посплетничать, когда языки чешутся. Впрочем, постоянно чешутся...

Но лишний раз Николай убедился в правоте народных пословиц и присказок, что часто слетали с языка матери. Баба бредит, да кто ж ей верит? – верит не верит, но пересуды уборщиц про квартиру Венкова эхом отзывались на нем самом, подпортив репутацию в глазах начальника.

...В середине января проходили двухсуточные, самые престижные международные соревнования радиолюбителей-коротковолновиков, связывающихся по азбуке Морзе, – *WWDX*, то есть *World Wide* – всемирные. Составляя график вахт на сорок восемь часов непрерывных соревнований, Алексей Васильевич выжидательно посмотрел на Николая, зная о его работе в дэкафе. Но поскольку второй

день соревнований приходился на «производственный», без школьных уроков, и он мог поменяться с отцом сменами, то и попросил поставить его на вахту второго дня с четырех часов до полуночи – самое оживленное время в эфире. Поэтому то в тот день он и появился в дэкафе с утра.

♦ Походив со стремянкой по дэкафу, Николай вернулся в электробудку, выпил пару стаканов свежесваренного чая и отправился в мастерскую: Алексей Васильевич по своим широченным и разветвленным каналам раздобыл пяток дефицитных поляризованных реле *РКП-5*, которые и раздал тем из своих подопечных, у которых руки из нужного места растут, Николаю в том числе. Сейчас у него эти самые руки горели: доделать звуковой тренировочный двухсторонний ключ азбуки Морзе, схема которого из журнала «Радио» как раз «вертелась» вокруг дефицитного реле. Но только он разметил на уже вырезанном прямоугольнике дюраля места под отверстия и сгибы под коробчатое шасси, как услышал за спиной (входную дверь он не закрывал – если кому понадобится, то сразу найдут) требующее внимание покашливание.

– Ты, Николай, прямо как радист-разведчик в подпольном бункере, – услышал он вслед за покашливанием голос нового начальника, судя по интонации, что-то намеревающегося попросить.

Николай положил на верстак разметчик по металлу, обернулся к черномундирному подполковнику с политотдельской красной окантовкой погон, как штатский, поздоровался по имени-отчеству.

Венков для проформы и разговора безлично поинтересовался занятием младшего электрика, но, не дослушав ответа, перешел к делу:

– Думал, Андреян здесь, а вот ты в первую смену вышел. Ну-у, ладно, тоже справишься. Видишь, у меня *на квартире* звонок входной день барахлит, то есть звонить звонит, когда на наружную кнопку нажмешь, но и при отпущенной кнопке полностью не умолкает: тихонько, занудливо так пищит. Уже который день. Хорошо супруга убыла в Мурманск к дочери – та в пединституте учится. А мать моя в меру глуховата. Все равно приходится все внутренние двери закрывать: неуютно как-то. Словом, товарищ электрик, ключ твой с азбукой Морзе подождет, а

ты маршируй-ка ко мне на квартиру – это в Циркульном доме, третий подъезд со двора, первый этаж, сразу налево. Матери – ее звать Антонина Кирилловна – позвонил, она в курсе.

Через четверть часа с небольшим он уже нажимал кнопку злосчастного звонка. Почтенная старушка Антонина Кирилловна, с пепельно-седыми, гладко зачесанными на затылок волосами, впустила парня, словоохотливо, как истинно слегка глуховатая, начала жаловаться на электрический прибор. Действительно, тот нудно тянул на комариной громкости свою монотонную ноту – вернее *си*, как бы сказала их учительница пения Роза Викентьевна в младше-средних классах.

Вежливо отказавшись от чая с бутербродами – спасибо, недавно позавтракал, а в дэкафе и чай вдругорядь попил, – начал исследовать звонок неизвестной ему конструкции. Разобрался-таки: в отличие от обычных дверных звонков, с которыми приходилось сталкиваться и ремонтировать не раз-два, этот имел двухконтурную схему: двести двадцать вольт постоянно поступали на одну обмотку якоря, а кнопка за дверью замыкала обмотку без напряжения, что включало электромагнитную цепь – звонок срабатывал.

Николай так и этак постукивал по сердечнику, пробовал даже чуть сдвигать силовую и холостую обмотки... а еще глуховатая Антонина Кирилловна, явно соскучившаяся за недельное отсутствие невестки и гостившей на Новый год внучки отсутствием собеседника, все время вертелами у входной двери, часто повторяя уместную – по ее понятию – присказку: дело мастера боится, не умеешь – не берись!

Так он и не смог разгадать тайну саботировавшего звонка, хотя бы старушка перешла от укоряющей присказки к житью-бытью по разным местам службы сына. Сдвиганием катушек на сердечнике и прокладкой под молоточек квадрата изоленты, что было чистой халтурой, все же заставил перейти звонок с явственно слышного комариного злопения на чуть слышное, более приятное по тону – нота *фа*! – жужжание отдаленно пролетающей пчелы.

Как на другой день разъяснил ему отец, повторно посланный Венковым на свою квартиру, ибо ночью квадратик изоленты был сбит молоточком, а звонок за-

пищал еще громче, что механизм этот немецкого довоенного изготовления, а у них, чертей, осторожничают, чтобы напряжение сети к кнопке не подводилось. Так сказать, техника безопасности на случай, если какой идиот начнет в этой кнопке ковыряться. Алексей же Васильевич сказал бы: защита от дурака!

На вопрос же Николая о починке Андреян ответил просто: как у всех квартир сделал – напрямую двести двадцать вольт пустил через кнопку. Нечего мудрить и выделываться! У нас дураков не водится... только вредители.

♦ Но не наставления отца – в следующий раз при починке чего угодно просто все лишнее убирать, не укоризненные взгляды подполковника Венкова при встречах в коридорах дэкафа, запали в голову Николая, а отложились в ней невнимательно выслушанные слова разговарившейся Антонины Кирилловны в той части ее рассказа, что относилась к истории квартиры, ныне занимаемой по должности начальником дэкафа.

В то самое время, когда присланный сыном для починки звонка молодой, сомнительный по умелости электрик бессмысленно – по ее наблюдениям – ковырялся с отверткой в механизме со снятой крышкой, Антонина Кирилловна, со ссылкой на давно проживающих в Циркульном доме и много знающих пожилых соседок, рассказывала о предыдущих жильцах этой служебной квартиры. Выходило так, что во время войны, почти все четыре ее года, здесь проживал автор знаменитых «Двух капитанов». Здесь даже раздосадованный хитромудростью немецкого конструктора звонка Николай на десяток секунд отвлекся, повернул голову и как бы заново оглядел просторную прихожую квартиры с высокими потолками – из тех, про которые завистливо говорят: в «сталинском доме». И хотя старушка, давно живущая в семье сына-политотдельца, потому привыкшая осторожничать в словах, оговорила «так соседки рассказывают», Николай все одно почувствовал легкий озноб сопричастности к истории создания одной из любимых своих книг. А уж сколько раз он смотрел фильм? – в *своем* дэкафе из оркестровой ямы, в кинотеатре «Север», современном, недавно построенном, в «райсарее», что в клубе стройбатовцев-«партизан» в Старом Полярном. И мурманское телевидение часто баловало фильмом по книге *своего* писателя. В отдаленных от

Большой земли местах уважительно относятся к каждому слову и кинокадру о них.

Надо сказать, что в первый раз, еще не прочитав книги ввиду малолетства, посмотрел он кино про двух капитанов, учась во втором классе. Фильм только появился на экранах, Анфиса Алексеевна повела свой класс культпоходом в дэкаф (кинотеатра «Север» тогда еще не построили) на утренний сеанс в воскресенье. Она же после кино обратила внимание своих подопечных, что Саня Григорьев в фильме упоминает о своей службе в *их* Полярном. Более всего запомнилась Николке сцена, в которой самолет Григорьева сбрасывает торпеду и подбивает фашистский рейдер, то есть легкий крейсер, на чистой воде с кромкой льдов на горизонте. А самолеты-торпедоносцы, взлетающие с недалекого от Полярного аэродрома Сафоново, Николка частенько видел в ясную погоду, летящими курсом норд-вест в сторону Баренцева моря.

До неудачной починки звонка в квартире подполковника Венкова и услышанного от его разговорчивой матери Николай как-то не задумывался о связи Вениамина Каверина, автора «Двух капитанов», собственно с Полярным. Ведь писатель волен помещать своих персонажей в любом городе и месте страны, даже в других странах и ничейных морях-океанах. И если Саня Григорьев по действию книги находился какое-то время в *их* городе, то разве это означает, что автор тоже в Полярном бывал, тем более проживал?

Вот в отцовской калужской деревне Дворцы, на Угре, где почти шестьсот лет назад происходило знаменитое в русской истории противостояние русских и татарских войск, действительно по обеим сторонам Угры находились и московский великий князь Иван Третий, и золотоордынский хан Ахмет. Так в учебнике истории пропечатано. И вроде как – это уже не из учебника, а по рассказам отца (после третьей стопки в новоскаковской чайной) – само название деревни от того пошло с давности, что прибывший с войском на долгое стояние князь Иван велел срубить себе и своим воеводам-боярам крепкие и просторные избы, благо вокруг сплошной бор. Для крестьян же такие избы смотрелись настоящими дворцами.

Отсюда и оставшееся после несостоявшегося сражения и ухода войск, каждого восвояси, название деревни: Дворцы.

Правда, когда пятиклассник Николка, прибыв на зимние каникулы на маяк Большого Оленьего, захватил с собой книжку «Два капитана», взятую в школьной библиотеке, отец увидев ее, сказал: книга хорошая, он ее полностью в послевоенные годы читал, еще в флотской службе состоя. А первую часть за год до войны – отдельно была издана. Автора же ее, писателя Каверина, тогда военного газетного корреспондента, видел в сорок втором году, когда в первый раз попал в полярнинский флагманский, то есть главный, госпиталь Северного флота. В одной палате с ним лежал, вернее уже ходил, готовясь на выписку, командир торпедного катера, старший лейтенант, которого заходившие проведать командиры-катерники и старшины из подчиненных поздравляли с наградой, орденом Красного Знамени. А на второй день пребывания Андреяна в госпитале орденосца навестил незнакомый ему командир лет сорока, представившийся военкором газеты «Известия». По знаку, поданному сопровождающим корреспондента врачом, ходячие, в их числе и Андреян, вышли из палаты на перекур. Не то что газетчик собирался тайны выведывать у героического катерника – флотский этикет того требовал.

После ухода военкора все вернулись в палату, а развеселившийся герой дня в лицах и с интонациями рассказал, как он заливал корреспонденту: красиво не приврешь, всю правду не расскажешь! Еще корреспондент обещал опубликовать статью о подвиге его катера во флотской газете. А имя командира упомянуть в «Известиях» – в материале о Северном флоте.

Зашедший ближе к вечеру к тяжело раненому краснофлотцу давешний военврач подмигнул торпедисту, мол, не к каждому старлею присылают военкора центральной газеты, тем паче известного писателя Каверина. Андреян еще до госпиталя знал – на флоте новости быстрее газетных сообщений расходятся – о лихом наскоке торпедного катера под командованием соседа по палате близ входа в Варангер-фиорд на здоровенный немецкий транспорт, шедший из Петсамо с

грузом никелевой руды^{*}. «Потопил с первой торпеды, а вторую в маячивший поблизости эсmineц пустил... правда, промазал, – пересказывал старлей свою беседу с газетчиком, – у нас, катерников, присказка такая: держись за авось, пока не сорвалось. Он торпед избавился – оборот кру-у-гом! – движок на предел мощи и уноси ноги. Не зазря нас, катерников, смертниками зовут. Американские лендлизовские торпедники и вовсе фанерные, экономичные – как гробы, на один боевой выход. Однако оторвались от эсминца и за северный мыс Рыбачьего завернули. Все же парой снарядов вдоль бортов фрицы угостили, потому и здесь очутился. А книжки Вениамина Александровича почитаю как выйду, наверное, в дэкафовской библиотеке имеются. Все одно катер мой в Палой губе на судоремонтном штопают. Уважительный мужик, говорит, в царской гимназии еще учился».

♦ Вспомнив давний рассказ отца, Николай не торопился зачислять Каверина в жители Полярного военных лет: ведь военкор, корреспондент московский, центральной газеты – значит, человек подвижной жизни: сегодня здесь, завтра там... куда газетное начальство пошлет. Вроде как не принято у этого народа на одном месте торчком торчать?

Как и все неразрешимые с виду задачи, эта получила решение по принципу случайности. Вводя Николая, после его определения в электрики дэкафа, в круг обязанностей и неписанных правил общения с персоналом – от уборщиц и стройбатовцев-«партизан» из кочегарки до офицерского командного состава, – Андреян наставлял сына:

– ...Даже самый скупердяй и жмот по натуре или воспитанию, к тому же сквалыга и хам, невольно добреет на миг, когда ему не отказывают в какой-нибудь мелочи. Именно в мелочи, поскольку что-либо существенное вызовет только подозрение. Я это, Колька, к тому, что к тебе будут обращаться по всяким мелочам, обычно лампочку для дома попросят. Реже выключатель, розетку, метр-другой электропроводки. Словом, что можно у электрика раздобыть. И это не из мелочной жадности вовсе. Подумаешь, зайти по пути в хозтоварный отдел мага-

^{*} Единственным источником никелевой руды (никель – металл войны!) для Третьего рейха были разработки ее в Петсамо (ныне города Печенга, Никель и Заполярный) – на узком выходе тогдашней территории Финляндии в Баренцево море. – Прим. авт.

зина и за двугривенный купить ту же лампочку? Просто русский человек так устроен, что полагает круг своего общения, рабочий уж обязательно, чем-то навроде продолжения своей домашности. Умные головы из философов объясняют это крестьянской общинностью. Потому и советская власть нашему народу по душе сразу пришлась. А в нашем флотском городе и того пуще. Получается, что попросив у тебя лампочку на сто или сто пятьдесят ватт, проситель не то что утруждает тебя, но тебе же и приятное делает. Ведь правильно Лев Толстой сказал в том смысле, что помочь ближнему – это не благодеяние, а скрепление душ людских... что-то в этом роде сказал, в смысле написал. Опять же и попы в чем-то правильно народ наставляют: да не отсохнет рука дающего.

Николай правильно понял инструкцию, приняв ее к исполнению. И ведь все верно! – к началу второго года службы (он скоро переучился: в военной части, каковой является дэкаф, все служат, в том числе вольнонаемные) многие у него отоварились по мелочи, включая полковника Зинченко и сменившего его подполковника Венкова. Скоро он осознал и смысл слов Льва Толстого о скреплении душ людских: выдавая лампочку копеечной стоимости или вовсе пустяковый отрезок двужильного электропровода «лапша», он много чего узнавал о своих коллегах по службе: это просто интересно и поучительно в части общения. Дело в том, что просящие сущие электрические пустяки полагали неприличным, получив ту же лампочку, сухо поблагодарить и уйти восвояси. Нет, каждый такой присаживался на стул в электробудке или в мастерской, заводил недолгий разговор, к месту рассказывал о своих заботах, объясняя свой приход к младшему электрику. Зинченко, например, возникшую потребность в двух предохранителях для квартирного электрощитка объяснил без обиняков: «Мы, хохлы, люди запасливые. А моя Вера Григорьевна никак не поймет, что одновременно включать телевизор, электроплитку на кухне и утюг чревато перегрузкой сети. Вот и беру про запас». Подполковник же Венков попросил тоже парочку двухсотваттных лампочек с обоснованием: «Дочь-студентка приехала из Мурманска на каникулы, хотят они с матерью кое-что пошить, вот и свет поярче не лишним будет».

Николай из вежливости поддерживал необязательную беседу, но иногда узнавал нечто полезное для себя. Главное, это помогало ему изживать остатки детской маячной отчужденности и боязни общения с незнакомыми, в смысле не домашними, не школьными, людьми. Так и вопрос о полярнинском проживании писателя Каверина решился сам собой, когда в электробудку зашла за патроном для торшера («старый трещину дал, лампочка в нем болтается») Варвара Пантелеевна – живая история дэкафа и всего Полярного.

♦ Недавно отметившая свое шестидесятипятилетие Варвара Пантелеевна, сухощавая, не по почтенному возрасту, редкому для Полярного с его условным понятием коренного населения, подвижная и энергичная, с умело закрашиваемой сединой в завитых волосах, беспрерывно дымящая «беломором», уже несколько лет занимала, как сама говорила, позднепенсионную должность: что-то вроде справочного бюро по дэкафу и вахтера на входе. Сидела она слева от этой самой входной двери в маленькой комнатке с двумя остекленными в рост человека стенами: в сторону прохода от двери и в вестибюль. Стол с телефоном, пара стульев, старинный кожаный диван и шкафчик – все убранство, почти как в электробудке. На диване с отполированной до лакового блеска древней кожей уже не черного, но неопределенного коричневого цвета в любое время кто-то из персонала составлял общество хозяйки.

Со слов отца – и он не раз и не два посиживал на том диване – Николай знал, что судьба занесла легенду дэкафа и Полярного в эти места уже взрослой тридцатилетней женщиной: сначала в Мурманск по оргнабору, а затем в спешно обустраиваемый поселок Полярное, что на ее глазах становился городом Полярным, главной базой вновь создаваемого Северного флота. Имела она техникумовское политехническое образование и десятилетнюю дочь. Муж ее, призванный на срочную, погиб на КВЖД в стычке с белокитайцами. Поскольку школу в Полярном только обозначили фундаментом, дочь отправила к матери в архангельский Котлас. Замуж вновь не выходила из женского суеверия: здесь только военные женихи, а муж погиб на войне... опять же возраст не невестинский. Вроде как был у нее кто-то, но это уже из бабских сплетен.

Работала по планово-строительной части, а перед самой войной перевели ее заведовать хозяйством дэкафа, включая бухгалтерию. Так в дэкафе и осталась. Как вольнонаемную, оставили в Полярном, когда в начале войны приказом Головки всех женщин и детей отправили в Архангельск или кто куда пожелает. К окончанию войны, уже выслужив по заполярным льготам пенсию, как-то не решилась уехать на родину, осталась в дэкафе, привыкнув к здешней жизни, в которой весь город, хотя и невеликий, состоит из знакомцев. И далее с прибытком годов спускалась, впрочем, по своему желанию, по должностной лестнице: в сторону снижения хлопот. И бессменный начальник Зинченко одобрял: меньше забот – дольше живешь. Как ни звала ее дочь, к настоящему времени уже почтенная и уважаемая в Котласе директорша школы, с мужем, главным инженером небольшого заводика, главное – с тремя детьми. Жить бы да радоваться в семейном гнезде, но... начиная от «полтинника», каждый раз отсчитывая «вот еще два-три года и уеду к своим», так и не исполняла загаданного. Самое сложное для человека в годах от *своих* к *своим* перебираться. Но долгие заполярные летние отпуска неизменно проводила в родном Котласе.

– Дозволь, Коля-Николай, потревожить, – услышал тот в приоткрытую дверь электробудки знакомый, глуховатый от курения голос.

– Входите, входите, Варвара Пантелеевна, – оторвался Николай от замысловатой тригонометрической задачи, за решение которой математичка, любившая по молодости педагогические опыты, обещала «автоматом» поставить в классном журнале пятерку.

Зашла, села на гостевой стул, не отказалась от стакана только что заваренного чая, объяснила цель прихода – про замену треснувшего торшерного патрона. Николай сбегал в мастерскую, вернулся с новенькой рубашкой патрона, а в качестве приза – стоваттной лампочкой. Приятно услужить хорошему человеку.

Вопрос о Каверина тем сподручнее было задать, что где-то с месяц назад, заменяя в остекленной комнатке Варвары Пантелеевны перегоревшую лампочку в потолочном плафоне, он, услышавший на уроке истории о пребывании в Полярном Сталина, осматривавшего Екатерининскую гавань на предмет пригодности ее

для базирования создаваемого Северного флота, поинтересовался у хозяйки: видела ли она Вождя? «Видела, – подтвердила она, – но только из окна, правда, рас- творенного, лето тридцать третьего на редкость жарким выдалось, хотя конец июля был. Я тогда плановиком только что назначена была, в Москве уже решено было о Северном флоте и Полярном. Выделили нам, строительному управлению, старый домишко; его сейчас нет, территория подплава. Вот в окошко и смотрели мы: Иосиф Виссарионович с Климентом Ефремовичем и Кировым в окружении флотских командиров в сторону высокой сопки, что у переймы на Екатерининский остров, то есть горы Энгельгардта – сейчас это название забыто – шли. С нее и осматривали Екатерининскую гавань».

♦ Название это немецкое ему было незнакомо, но то, что Сталин бывал на вершине самой высокой сопки из числа окаймлявших город, построенный на пологом спуске от их полукружья к Екатерининской гавани, Николай знал с начала школьной жизни. Вернее с третьего класса, когда, изучив в пеших прогулках по хорошей погоде все улицы и чем-то знаменитые места города, начал осваивать его окрестности. Так с двумя интернатскими друзьями забрался на эту сопку, замыкавшую Полярный справа. Прямо под ней располагалось хозяйство подплава, куда даже ребятам входа не было. Городской стороной сопка обрывисто уходила в воду, на уровне которой находился вход в специально устроенную пещеру, в которой, как ему объяснил Толька, на случай войны и вражеской бомбежки, в том числе атомной, должны были укрываться подлодки.*

Чуть пониже вершины сопки, на небольшой естественной площадке-уступе установлена огромная бетонная плита высотой с двухэтажный дом, окруженная у основания якорными цепями на вбитых в гранит стальных столбиках. Плита эта хорошо видна с той части Полярного, что ближе к гавани, но надпись смотрится мелковатой для чтения. Здесь же Николка читал высеченное полуметровыми, позолоченными буквами: *«Здесь был 22 июля 1933 г. основатель и создатель Северного флота Великий Сталин»*.

* Схожая пещера-укрытие была сооружена на базе подводного флота близ Севастополя; сейчас телевизионщики радостно (известно кто фантику радуется...) сообщают, что в севастопольской пещере открыт музей... – Прим авт.

...И вовремя успел прочесть: совсем скоро плиту эту взорвали, остались только перепутанные, проржавевшие со временем якорные цепи. Взорвали ночью, как ночью же сняли и куда-то увезли огромный памятник Вождю, что стоял перед Циркульным домом, возвышаясь над пирсами с пришвартованными в несколько рядов подлодками. Бронзовый Сталин смотрел со своей высоты на Екатерининскую гавань. Смотрел отечески и как-то по-хозяйски озабоченно. А выложенные позолоченными бронзовыми же буквами слова Генералиссимуса о важности Северного флота, что были размещены на полукруглом гранитном основании площадки с памятником, забили досчатым изогнутым щитом. Так и посейчас досками позорится память основателя флота в Заполярье... Таким образом, из четырех памятников Полярного, считая доску на горе Энгельгардта, к Николкиному окончанию младших классов в городе осталось только два: позвонок кашалота и монумент в память погибшим в войну подводников, точнее – подлодок с их экипажами.

Но позвонок кашалота размером почти с легковую машину (которых в Полярном отродясь не было – за ненадобностью и отсутствием внешних от города дорог), что красуется на гранитном узком западном мысе, разделяющем пирсы торпедных и сторожевых катеров, за официальный памятник не считался. Монумент же памяти подводников располагался на территории подплава, куда вход гражданским и даже морякам-надводникам строго запрещен. И ни с какой точки города, даже с Екатерининского острова, не виден.

Уже учась в десятом классе, Николай узнал на уроке от литераторши Валентины Николаевны, что подплавовский памятник не ахти какой себе, но изваян знаменитой Верой Мухиной. Ее «Рабочего и колхозницу» на ВДНХ он видел воочию пять лет назад, когда отец возил Николку на экскурсионном автобусе: ехали в отпуск через Москву, получилось, что прибыли на Ленинградский вокзал мурманским поездом утром, а на Калугу с Киевского поезд отправлялся вечером. Андреян и использовал время с пользой для воспитания сына – младшие с матерью на вокзале остались.

На том же уроке литературы Николаю пришла в голову мысль: а может и упраздненный памятник Сталину тоже работы Мухиной? Заодно с монументом в подплаве... Опасаясь насмешек, промолчал. Так и осталось ничем не обоснованной догадкой. – Наверде ложной памяти, как в одиннадцатом классе объясняла биологичка на уроках вновь введенного в школьную программу предмета «Анатомия и физиология человека».

♦ Мигом вспомнив недавний разговор с Варварой Пантелеевной о пребывании Сталина в Полярном, также зная, что она постоянно читает в своем стеклянном закутке, когда в дэкафе затишье, Николай без колебаний спросил о Каверина.

– Ну как же, не раз во время войны видела Вениамина Александровича, даже разговаривала с ним, сама какие-то бумаги ему подписывала – я тогда правой рукой у Зинченки, молодого еще политрука, была: хозяйственные, бухгалтерские дела все на мне лежали. У меня дома первое издание, довоенное «Двух капитанов», подаренное Кавериним, с надписью, имеется.

– Вроде только первая часть? – припомнил Николай слова отца.

– Да-да, конечно. Молодец, что не просто читаешь, а авторами интересуешься. Тем самым литературный вкус в себе вырабатываешь, то есть не абы что читать, но направленноходишь в мир художественного слова...

– Вы, Варвара Пантелеевна, прямо как наша учительница Валентина Николаевна на уроках нам говорит!

– Знаю вашу Валю, знаю, в одном доме проживаем. Замечательный педагог, часто с ней разговариваем. А что так говорю, то ведь и у меня такая же хорошая, вдумчивая учительница словесности была. Я ведь из колокольного племени, дьяконова дочь. Начальное обучение, тогда это называли воспитанием, у себя в Котласе прошла, а потом в Архангельске, в епархиальном женском училище до семнадцатого года состояла. Так, вернемся к Каверину. В Полярный его командировали с начала войны корреспондентом от «Известий». Приписан был к политотделу Северного флота, поэтому всю войну и жил в Полярном. Действительно, вроде в Циркульном доме. Там несколько квартир от политотдела имелись. На

память не обижаюсь, но года-то идут... поэтому и говорю – вроде. Опять же вроде и сам Вениамин Александрович что-то говорил мне о Циркульном доме по бытовой части. Там и писал вторую часть «Двух капитанов». Это доподлинно знаю – сама его спрашивала о продолжении книги.

– Да-а, Варвара Пантелеевна, кого только по жизни вы не встречали в Полярном! Того же Каверина. Беседовали с ним, бумаги ему служебные подписывали...

– Было дело. А вот поступи ты к нам на службу три-четыре года назад – это в порядке вольнолюбивой фантазии говорю, жизнь человеческая, как и история, обратного хода не имеет! – так и сам мог бы встретить Вениамина Александровича в коридоре дэкафа. Поздоровался бы, в школе похвастался встречей со знаменитым писателем...

– Это как? Снова в Полярный приезжал? Так возраст его сейчас не корреспондентский.

– Конечно, давно уже не газетчик. Не по чину и знатности писательской. И хотя теперь очки носит, но меня сразу узнал: я уже в привратницкой своей стеклянной службу несла. Не загородился, сопровождающего офицера притормозил, ко мне в комнатку зашел, поручкался. Обменялись парой-тройкой слов, пожелали шутейно друг друга набираться мудрости быстро, но года чтобы шли помедленнее. Сказал, что зашел Зинченку проведать, вспомнить былое. А когда спустя пару часов уходил, то не преминул снова ко мне зайти и попрощаться. Сказал, что заканчивает новую повесть и уже имеет заказ на сценарий фильма по ней*. «Так что, дорогая Варвара Пантелеевна, может через пару лет здесь же в дэкафе и посмотришь его, вспомнишь наше военное жите-бытье». Что-то в таком смысле сказал. Потом бабенки наши косточки перемывали: Зинченко затребовал к себе в кабинет от буфетной Зинки бутылку коньяка и другую – зубровки. Уважал начальник ее. От кого-то из политотдельцев слышала, что на другой день ходил Каверин на катере на выход из залива, Рыбачий огибал. Наверное антураж для по-

* Имеется в виду повесть «Семь пар нечистых». Действительно, «Мосфильмом» был заказан сценарий по ней, начались съемки фильма, но они были отменены по политическим соображениям. Имеется в виду, конечно, не «диссидентство», но нечто из «высокой политики». – Прим. авт.

вести в памяти освежал. Писателям, как и художникам, всегда натура в памяти и перед глазами потребна. Опять же вдохновенье!

♦ Кого только не перевидала в годы войны Варвара Пантелеевна? Писателей Каверина, Илью Файнберга, Юрия Германа; композиторов и театрального режиссера Плучека. Конечно, всех героев-подводников и катерников, героев Советского Союза, именами которых названы улицы Полярного: Фисановича, Лунина, Колышкина... — их имена Николай знал только по книжкам, отчасти по рассказам отца. Из этих героев войны Варвара Пантелеевна особо запомнила Израиля Ильича Фисановича — может потому, как сама говорила, что был он не только геройским подводником, но и поэтом-песенником. Называла она и другие имена, еще не знакомые школьнику Николаю: военкора газеты «Правда» Михайловского, писателей Панова, Зингера, Штока, бывавших в Полярном в войну, многих других. Неудивительно, что все они бывали в дэкафе — единственном в то время в Полярном месте, где люди могли, собравшись, хоть на малое время забыть о войне...

Все это и многое другое о их городе тридцатых и сороковых годов узнал Николай от Варвары Пантелеевны после той беседы в электробудке, когда он поинтересовался о проживании в Полярном Каверина. Старейшина дэкафа, она чередовала свое дежурство на входе с другой женщиной, помоложе — Ниной Тимофеевной. Поскольку у той всегда имелись домашние семейные хлопоты, она договаривалась с Варварой Пантелеевной об утренне-дневной смене. А та охотно соглашалась: торопиться ей некуда («Вот уеду-таки в Котлас, займусь младшими внуками и буду дожидаться правнуков...»); опять же вечернее время — самое оживленное в дэкафе: кино и концерты гастролеров, музыкальные и театральные детские кружки и вообще много чего занимательного. И ей не скучно: все время на людях, тем более, что знакомые лица — весь город, а знакомые лично — половина «оседлого» Полярного.

«Мы с тобой, Коля-Николай, родственные души: оба волею обстоятельств, у каждого свои, сумерничаем здесь. Оно и хорошо: начальство всех мастей уже по домами своим щи хлебает, грустя об отсутствии в «сухом» городе стопки-другой

перед ужином, а здесь сутолока неслужебная. Значит, народ расслабленный, веселый. И нам оттого на душе приятно... особенно мне».

У него же вошло в привычку пару-тройку раз в месяц, а иногда и почаще, когда в зале «крутят кино», нет концертной суеты, уроки домашние сделаны, в мастерской особых забот нет, часов в восемь-девять заходить в стеклянную комнату Варвары Пантелеевны, когда у нее не было других собеседников. Она откладывала читаемую книгу, предлагала юному гостю стакан чая с домашним печеньем, заводила обычный уже разговор:

– Вчера заходила в книжный Циркульного; среди новинок увидела сборник северных повестей Юрия Германа. Не читал его книг? Нет? Советую. Но фильмы-то смотрел: «Семеро смелых», еще довоенный, «Дело Румянцева»... что еще? а-а, «Верьте мне, люди»? Конечно, смотрел. Так они как раз по его произведениям сняты. А северные повести, как и Каверин, он писал в Полярном. Или по впечатлениям военных лет в наших местах. В дэкафе обычно с Каверинным, иногда и втроем – с Михайловским, заходили. Вроде от ТАСС – или Совинформбюро? – военкором при политуправлении флота состоял. Он без семьи приехал, поэтому в общежитии офицерском жил, семью же, насколько знаю, в Архангельске оставил. Сейчас это забылось, но тогда общежитие иначе чем «Золотой вошью» не называли...

– Не слышал. А где оно располагалось?

– В хозяйстве подплава. Но сейчас там все перестроено, насколько с сопки за Циркульным видно. Вообще Полярный на моих глазах... нет, правильнее сказать, на моей жизни совершенно изменился: от поселка в две с половиной улицы до города, что на картах кружочком с точкой обозначают*. Что интересно, Коля, для людей моего возраста – я это уже без кокетства могу говорить! – время в воспоминаниях как-то само собой, автоматически в голове что ли, делится пополам: до войны и после нее. Сама же она, при всей длительности, пестроте событийной, вроде как в безвременность замыкается. Так в романах пишут. И такое впечатле-

* Принятое условное обозначение города (вообще населенного пункта) с числом жителей от 10 до 50 тыс. человек.
– Прим. авт.

ние, что все в половинках этих повторяется, но... как бы правильнее сказать? как твое лицо в зеркале отражается: все вроде одинаково, но наоборот, не слева направо, а в обратном направлении. Вот увидела человека до войны, а затем и после. Он на столько-то десятков лет постарел, и ты на столько тоже. Думается: это как бы если десятки лет безотрывно в зеркало смотрела, перемен не замечая. Ан нет, закрыла глаза, вспомнила себя в первой половине жизни, снова открыла – а в зеркале-то совсем другое лицо! Это фигурально – лицо. Все другое в зазеркальном человеке становится. Что-то я намудрила...

– Нет, нет, Варвара Пантелеевна, понятно все, представимо.

– Ну и хорошо. Приятно с понимающим собеседником говорить. Вот, к примеру, на прошлой неделе – помнишь конечно – Нина Дорда приезжала с сольным выступлением: вроде от ленинградской филармонии гастролирует. Сейчас ее почти и не помнят, но в тридцатые года звездой театра и кино была. И тогда к нам приезжала. Смотрю на нее и не могу в толк взять...

Николай как-то отключился от слов собеседницы, почувствовав жар красноты на щеках: мигом вспомнил давешний конфуз. К выступлению неведомой ему Нины Дорды, приехавший с ней организатор концерта, мужик дотошный, проверяя верхнее и нижнее освещения сцены, обнаружил две сгоревшие лампочки в софите прямо по центру вверху. Въедливо сделав замечание а адрес «этой северной дыры», велел Николаю заменить перегоревшие лампочки. Тот расставил большую сценическую лестницу, попросив артистку, что-то прикидывающую, глядя в пустой зал, немного отойти в сторону, а сам полез наверх, засунув в карманы рабочего халата пару трехсотваттных лампочек. Заменяв первую сгоревшую, сделал неловкое движение и опустил лампу мимо кармана, а та, согласно закону всемирного тяготения, упала прямо на голову Нины Дорды, не послушавшейся молодого электрика и не отошедшей в сторону.

Лампочка весит мало, объемна, а в женской моде пружинящие шиньоны. Коротко ойкнув, многоопытная артистка подняла вверх лицо, рассмеялась:

– Вот и сбылось-таки предсказание Маяковского: «Нина! Когда-нибудь ты засияешь электричеством!» Увы, уже перегоревшим...

«ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «ОТСЕЛЬ ГРОЗИТЬ МЫ БУДЕМ...»

Однако я слишком распространился и, может быть, отошел от своего предмета. Я хотел ответить вам и доказать, что нельзя опираться ни на какое оружие, кроме своего...

Никколо Макиавелли «О военном искусстве»

♦ В первый, не маячный, а значит и не интернатский год жизни, после переезда семьи в Полярный, не только в сентябре, но в первой половине октября порой выдавалась удивительно тихая, бестуманная и относительно теплая для этого заполярного времени погода. Николка (в воспоминаниях нашего доцента-ракетчика переход от Николки к Николаю строго определялся его поступлением на работу в дэкаф) вышел из нового своего дома и увидел отца, стоящего на мостках перед дверью и как-то пристально вглядывающегося в сторону рано заходящего солнца. Близко к зиме уже посерело небо свинцоватым налетом, но в полном безветренном штиле. Без единой морщинки оно еще слабо отсвечивало лучи низкого, багряного солнца, которое совсем скоро на полярную ночь скроется за горизонтом от глаз людских. Отметив боковым зрением появление сына, Андреян безлично, словно озвучивая свои мысли, заговорил:

– Тишь-то какая для октября? Ни шторма тебе, ни дождя со снегом, ни промозглости... не к добру все это. На Кубе день ото дня обстановка все хренее. Слушал сегодня спозаранку, пока вы все дрыхнули, «Голос Америки» по приемнику: американцы что-то на острове этом усмотрели, грозятся. А о чем речь? – Разве у нас, да и у них, всю правду скажут? Но у диктора голос иной чем всегда, пожестче, тревожнее. Да-а, вспоминаю последние дни перед войной: стою на мостике СНИС'а на Торосе, такая же тишина, ни ветерка, море гладкое, только по-июньски тепло. А по радио в новостях Левитан успокаивает, но опять же голос пожестче, тревожнее... Неужели в свои сорок пять лет и третью, после Финской и Отечественной, войну придется перелопачивать? Я уже про вас и молчу...

– А к той войне, пап, готовы были, то есть ожидали?

– Конечно ожидали! Ни для кого она неожиданностью не была. Главное, воевать все мы готовы были... только вот с оружием плоховато, не успели основательно подготовиться. Потому Сталин и оттягивал до последнего. Сейчас вроде все наоборот: оружия вдосталь, кораблей на флотах прорва, бомба атомная в наличии. И водородная тоже. Опять же ракеты не только под Гагарина с Титовым сделаны были. Только воевать особо никого не тянет: постарше народ поуспокоился, привык к мирной жизни, а которые помоложе, так залупонистый Никита своим оплевыванием Сталина заодно и всю советскую историю опохабил – где уж тут боевой дух сызмалу? Тьфу!

...Николай, почему-то перешедший от мыслей о конфузе с пожилой артисткой Ниной Дордой к воспоминанию слов отца о сходстве ласковой и покойной заполярной природы накануне войны и в разгар Карибского кризиса, мотнул головой и снова вернулся к реальности, мысленно извинившись перед Варварой Пантелеевной за свою рассеянную невнимательность.

– ...Дорда-то приезжала тогда в Полярный перед самой Финской, чуть ли не за неделю. А Северный флот являлся действующим в той войне, так что уже находился в оперативной готовности. Так это Зинченко нам на собрании говорил. А темень у нас уже наступила...

– Отец рассказывал: а вот накануне Отечественной очень хорошая погода выдалась.

– Да-да, глаза закроешь – будто не за Полярным кругом находишься, а где-либо в Подмосковье или того южнее. А у меня на руках уже путевка туда. В военный санаторий: неделю доработать – и в отпуск! При такой погоде быстро время пролетит. Тем более, что уже который день в Полярном, в дэкафе каждый вечер спектакли – и не кто-нибудь, а из Москвы прибыл на гастроли музыкальный театр, который имени Станиславского и Немировича-Данченко. Полной труппой! Я с ног сбилась, на постой артистов размещая. Моя это обязанность была. Как и вся хозчасть театра Северного флота; его база тоже дэкаф.

Варвара Пантелеевна, расчувствовавшись от воспоминаний давних лет, закурила папиросу – неизменный «беломор», – долила благородному слушателю стакан чая, продолжила рассказ.

– Вот вспоминаешь: все в жизни смех да грех, одно на другое накладывается. И сейчас, сам знаешь, хотя главная база в Североморске, нас приездами артистов не обижают, а тогда-то и вовсе баловали первостатейными гастроллями: на всем Северном флоте одна настоящая театральная площадка в нашем дэкафе. Я завзятой зрительницей стала. И хотя с середины июня обстановка тревожная донельзя, от флотских слышала, что накануне зенитчики обстреляли немецкий самолет совсем рядом, над Ваенгой, но спектакли музыкального театра, разумеется, не пропускала. С последним спектаклем двадцать первого июня, а давали «Периколу», закончились и гастролли москвичей, и вся мирная жизнь. Словно предчувствуя это, а может своим присутствием немного успокоить гражданский и военный народ, все главное начальство флота во главе с командующим Головко пришло на спектакль, в адмиральской ложе до конца представления находились. А через несколько часов после окончания спектакля, ровно в четыре условного утра – солнце в пике полярного дня! – два или три взрыва, спросонья не сообразила, не запомнила. Уже потом узнала: бомбы сбросили на окраины Старого Полярного...

Здесь Николай – действительно смех и грех! – мигом вспомнил слышанную от отца быль, гулявшую по всему Северному флоту с первого дня войны: одна из тех первых бомб угодила прямо в единственную в городе пивную палатку, которую только что затарили бочонками, доставленными баржей с мурманского пивзавода...

– ...Я, как вскочила с постели, первой мыслью поблагодарила бога-судьбу, что дочь на лето в Котлас уехала, а затем рысью в дэкаф: как с артистами московскими быть? Но командование флота оперативно все решило: тотчас их погрузили на небольшой пароходик и катер, что благополучно дошли до Мурманска. А дальше по Кировской железной дороге – Финляндия в войну еще не вступила – артисты выбрались на Большую землю, прибыли в Москву. Только все хозяйство свое громоздкое у нас оставили. Не до него, когда бомбят... Я его заактивировала и

передала театру нашему^{*}: кто ж от добра добро ищет? – И не грех опять же воспользоваться, коль так сложилось. Война войной, а обед по расписанию...

♦ Только сейчас, после рассказа Варвары Пантелеевны, Николай сообразил: откуда в его просторной мастерской, в дальние подвальные запыленные углы которой уже три десятка лет с момента постройки дэкафа запасливые завхозы с профессиональным комплексом Плюшкина сносят все, что вроде как ни к чему, но подальше положишь... среди самого разнообразного хлама взялись мелкие деревянные и пресс-картонные штуковины. На каждом из этих бутафорских предметов наличествовала квадратная алюминиевая этикетка, прищипленная парой сапожных гвоздиков. На этикетках было отштамповано: *ММТ Инв. №*, а сам номер еле читался за давностью лет, нацарапанный инструментом навроде шила, либо же надписанный полуосыпавшейся черной краской.

Отец не мог объяснить появление этих безделушек в своих владениях, а воспитанный во флотской дисциплине и склонный к красоте симметрии Николай расставил на свободных полках, грубо сколоченных из неотесанных дюймовых досок, наиболее приметные фальшивые вещицы: деревянные канделябры, аляповато расписанные анилиновыми красками китайские вазы из папье-маше, того же материала бюстик Вольтера, какие-то рельефные столбики-подставки непонятного назначения...

Андреян такой вернисаж одобрил, но по своему, поколениями вьевшемуся старообрядческому скептицизму зачем-то отнесся к народной мудрости: пусть бабу в рай, так она и корову за собой приведет. Послушный сын согласно кивнул головой, но внутренне не согласился: конечно, личная мастерская – это для него земное воплощение рая, но театральные-то цацки вовсе не он сюда притащил?

Однако не разгадка появления в мастерской безделушек из реквизита московского театра держалась в голове Николая после той беседы с живой легендой дэкафа, но другое, хотя и связанное с теми давними гастролями. Слова Варвары Пантелеевны о начале войны, соединившись с не столь далекими по времени со-

* Адмирал Головкин в своих воспоминаниях (книга «Вместе с флотом», издания 1960, 1979 и 1984 гг.), касаясь этого эпизода, замечает, что в сорок четвертом году театр Станиславского и Немировича-Данченко затребовал-таки оставленные декорации и реквизит от Северного флота, что моряки и выполнили. – Прим. авт.

поставлениями отца на мостках обочь их дома в Старом Полярном в части тихой, спокойной погоды в последние мирные дни июня сорок первого и в разгар Карибского кризиса, подвинули мысли Николая к событиям последнего: как это им самим три с небольшим года назад воспринималось, как отражение жизни Полярного в те октябрьские дни.

Здесь он впервые столкнулся с непоняткой, особенностью представления в своей памяти прошедших лет жизни. Вот сейчас он, начавший учебу в последнем, одиннадцатом классе, уже осознающий себя почти взрослым человеком – по крайней мере такими словами их учителя упрекают завзятых троечников или в чем-то провинившихся, – пробует сосредоточиться на мысли: а что он чувствовал почти ровно три года назад, когда Хрущев с Кеннеди так серьезно побили горшки, едва до атомной войны дело не довели? И с сокрушением, для убедительности помотав головой, приходил к выводу: чувствования своего конкретного времени не переживают. Вневременность же существует только для описания событий – что-то похожее вычитал он у Стендаля... или у Ромена Роллана? Нет-нет, вспомнил он отчетливо: это из книги, вернее одной из книг многотомного романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Весной этого года Наталья Зосимовна, прочно признав молодого электрика-школьника за серьезного, вдумчивого читателя дэкафовской библиотеки, дала ему очередную книгу из своего, как она называла, запасника старых изданий, не числившихся в библиотечном каталоге. «Рекомендую, Коля, Пруста почитать. Его у нас издавали в тридцатые годы. У меня здесь один том, второй по счету из его эпопей, сохранился. Кстати, ваша литераторша Валентина Николаевна брала читать, недавно возвратила. Может, настанет время, когда все семь томов «Утраченного времени» издадут – тогда и остальные прочитаешь!»

Впрочем, уже впитавший объяснительную мудрость русской литературы, рассудительность немецкой и этакую изворотливость французской, Николай, опять же сам для себя, объяснил проходящую со временем память о душевных волнениях и переживаниях: отличался он тогда, только ставший восьмиклассником, не ростом или силенкой, не умением соображать что к чему, но именно не-

умением осознавать себя неотъемлемой, хотя и мельчайшей, частицей всего огромного мира. И вовсе не отдельно они существуют – он и мир, но оба друг в друге живут: Николай, тогда Николка, в большом мире, а тот в нем отображается через зрение, слух, главное – переваривается в голове. Отсюда и чувствования. Но они в памяти не остаются. Как, например, память об испытанной боли, например зубной или когда молотком мимо шляпки гвоздя по пальцам звезданешь, не сохраняется. А как иначе? – с такой-то памятью и жить не захочется!

♦ Начиная учебный год, литераторша Валентина Николаевна, она же их классная и создатель школьного театра, благо первым уроком стартового дня оказался по расписанию ее предмет, предварила его следующими назидательными словами: «Ребята! Восьмой класс знаковый для вас: по окончанию его получите первый в жизни документ об образовании, хотя бы и неполном среднем. Не усмейтесь саркастически, Карпущенко! слово «неполное» здесь не уничижительное, а наоборот – оптимистичное, то есть все у вас впереди, другие ступени познания жизни и образования. Честно говоря, я завидую; ведь человек устроен так, что не собственно достигнутая цель доставляет ему удовлетворение, радость, эйфорию, но именно устремление к ней, достижение этой цели. Сухо звучит, но составляет гармонию в движении человека по жизненной его тропе. В то же время, учась в восьмом классе, вы должны уже не шутейно, но осознанно задумываться о скором, опять же первом, выборе... словом, «у меня растут года»! Так и не заметите, как эти самые семнадцать придут. Вы вступили в отрочество, впереди зовуще маячит юность, а годы перехода между ними самые волнующие, одновременно стремительные по прибавлению времени и замедленные, впитывающие все окраски различных сторон жизни и бытия. Это не синонимы, ребята, но совершенно различные понятия, и к ним мы вернемся дальше – с литературными образами. И еще хочу вам сказать: в эти самые годы, такие короткие и длинные, вы будете перевоплощаться в своем мировоззрении: если доселе вся, так сказать, вселенная вмещалась в каждом из вас, то теперь уже вы все более начинаете ощущать себя частью, частицей окружающего мира с его многокрасочностью, людьми, событиями – далеко не всегда приятными, а еще чаще огорчительными.

Вот и сейчас настороженность в этом мире растет день ото дня. Я дела на Кубе имею в виду, вернее, между ней и Америкой – а это напрямую всех касается. А нас, в смысле живущих в Полярном, на Севером флоте, так и вовсе: морской форпост на случай, не дай бог, войны с Соединенными Штатами, с натовцами вообще. С вас, понятно дело, спрос здесь маленький, вообще никакого, но понимать напряженность должны, как проживающие в военно-морском городе».

О Кубе, Острове свободы, в последние пару лет Николка слышал часто: динамик городской радиотрансляции в их интернатовской палате-спальне выключала только в отбой дежурная воспитательница. А до этого в вечернем смотре телевизора в классной комнате, а в последний год, после переезда семьи в Полярный, и дома, в новостях без упоминания о Кубе и Фиделе Кастро ни одного дня не обходилось. В школьных политинформациях то же самое. Даже рассудительные старшеклассники на переменах, стоя, облокотившись на коридорные подоконники, что называется руки в брюки, снисходительно поглядывали на мчащуюся и орущую малышню, изливающую излишки энергии между дисциплинированным сидением за партами, с надуманной серьезностью разговаривали о героических Фиделе и Че Геваре, свергнутом диктаторе Батисте, высадке контрас в Заливе свиней и блестящей победе над этими гусанос^{*} революционной кубинской армии.

Николка, в точном следовании наставлениям Валентины Николаевны о его переходе в серьезный и ответственный жизненный период, в чем-то подражал старшеклассникам: руки в брюки – это ему еще не по чину, но неторопливо прохаживался по коридору, держась к оконной стене, невольно прислушивался к словам десяти- и одиннадцатиклассников. Кубинская тема в их разговорах в чем-то уравнилась с космической: еще и полтора лет не минуло с полета Гагарина. Самой популярной песней среди младших ребят был кубинский марш «Гимн двадцать шестого июня», разучиваемый на уроках пения: «...Пылает вся Куба, народ ее изранен и измучен... врагов мы проучим, ответим им ударом на удар!». По утрам, встречаясь у школьных дверей, приветствовали друг друга: «Венсеремос!» – а в ответ: «Патриа о муерте!».

^{*} Гусанос – червяки (исп.) – презрительное название контрреволюционеров на Кубе. – Прим. авт.

Среди коллекционеров марок высоко взлетели в меновой ценности кубинские – дореволюционные и новые, что ребята покупали в отделах филателии магазинов Союзпечати крупных городов во время поездок в родительские отпуска. Очень огорчались столь же многочисленные нумизматы: еще не появились в их обиходе кубинские монеты. У Николки имелась лишь одноцентовая монета пятидесятых годов.

Совсем неожиданно назначенный в начале восьмого класса прямым распоряжением Марии Ивановны, директорши школы, а до этого учительницы русского, хорошо относившейся к нему, на почетнейшую должность заврадиорубкой, Николка и здесь ощутил кубинский интерес. «Давая» на субботах и предпраздничных танцах в актовом зале музыку, по настойчивой просьбе старшеклассников, а особенно записных модниц, ближе к окончанию их, когда бдительность дежурной учительницы ослабевала, он ставил на проигрыватель пластинку с кубинской румбой или ее запись на пленке магнитофона «Комета». Их, пластинок и записей, набралось со временем достаточно – все приносили безвозмездно по капризным приказам этих модниц старшеклассники.

♦ Но с началом второго месяца учебы восьмиклассник Николка своим чутьем маятника, выросшего на малоллюдных островках, где сизмальства многое зависит от инстинктивной наблюдательности, стал подмечать некие изменения в окружающем его мире. Самое главное, все они определенным образом соотносились между собой.

Николка после уроков долго гулял по городу, уже гордо минуя интернат, «казенный дом» – это название как-то необдуманно вылетело изо рта веселой хохотушки Беллы Нурьевны, интернатской воспитательницы с «часами» истории в школе. ...Здесь Николай Андреевич, усмехнувшись: мир-то тесен! – на миг перескочил в воспоминаниях на свои студенческие годы, когда поехал в Ленинград на студенческую конференцию. В первый же день встретил там в трамвае Ольгу Павловну, что была директором полярнинской школы до Марии Ивановны. А в третий, свободный день, зайдя после Русского музея в музей Достоевского, увидел там Беллу Нурьевну Рыбалко – в должности директора.

Невзирая на самую противную осеннюю октябрьскую погоду, он часами бродил по городу, в основном по Новому Полярному, подковой вытянувшемуся вдоль пирсов Екатерининской гавани. И каждый день наблюдал несколько повышенную, по сравнению с многолетней привычкой, оживленность на пирсах и в самой гавани: на первых – толкотня матросов, погрузки с подъезжающих грузовиков с крытыми брезентом кузовами, а по гавани снуют вспомогательные буксиры и катера. Непроизвольно отмечал: на прошлой неделе две плавбазы на рейде стояли, а сейчас одна осталась, и на ту что-то сгружают с баржи – явно и она в плавание скоро уйдет. Подлодки уже не в три номера у пирсов пришвартовываются, а поодиночке, редко попарно. А в гавани очередная, отчалив, разворачивается на выход в Кольский залив через западный проход между материковым мысом и Екатерининским островом.

Иногда, если день, вернее то, что от него оставляла стремительно надвигающаяся полярная ночь, выдавался сносным, без снегодождевой слякоти, ветродуя с моря и прочих прелестей заполярной осени, Николка, не уходя из своего Старого Полярного, шел вдоль единственной его улицы, переходившей в извилистую дорогу до Кислой губы с пристанью для пассажирских рейсовых катеров. В противоположную сторону улица Советская также продолжалась дорогой, полукольцом огибавшей небольшие сопки и ущелье-распадок, делившее город на две части, и выходившей в Новый Полярный, к пирсам подплава. Обе эти дороги, включая Советскую улицу, вместо обычного асфальта выложены состыкованными бетонными плитами... или отлиты из бетона с тепловыми пазами. Восьмиклассник Николка уже соображал: в теплую летнюю погоду бетон расширяется, удлиняется, а без пазов будет коробиться.

Главное, Только объяснил ему, еще младшекласснику, назначение такой прочной бетонной дороги: по ней грузовики-тягачи доставляют боезапасы для погрузки на корабли. Они же складировались в огромных пещерах, взрывным способом сооруженных в скалах Старого Полярного, что вдоль дороги, еще в довоенные и военные годы. Теперь же прогуливаясь по тротуару и по обочине бетонной дороги, Николка подмечал: чаще чем обычно встречаются грузовики, выезжаю-

щие груженными из ворот этих пещер, особенно тягачи с трехосевыми прицепами, на которых закреплены торпеды, укрытые брезентом. На заднем облучке прицепа сидит матрос с карабином, заслоняя от ветра раскуренную сигарету «прима»...

Другие изменения, погрузневшие, построжавшие лица учительниц, он легко разгадал: почти у всех мужья офицеры на подлодках, уходящих от пирсов в море. Подводники и в мирное время как на войне – это в их городе всем известно. А отец как-то заметил, что и «Голос Америки» глушить начали сплошняком – отстроиться не удастся: «Врут, конечно, эти «голоса», на то они и вражеские, но и наши ничего по делу о Кубе не говорят». Намного меньше стало на улицах матросов и старшин в увольнительных. Равно и офицеров. Если встречались, то торопящиеся, а лица озабоченные. Некоторые другие, менее существенные отступления от привычного порядка жизни города, также сходились в один узел, связанный с флотом.

К середине октября пирсы Екатерининской гавани и вовсе непривычно опустели. Более того, заходя в прогулках своих на восточный берег Полярного, видел, как на выход из Кольского залива в море идут из Североморска, главной базы надводных кораблей Северного флота, крейсера, эсминцы и большие противолодочные корабли. Как он не присматривался, в обратную сторону, в Североморск, они возвращаться не спешат...

♦ Поначалу, отметив слаженный уход из Полярного подлодок базировавшейся в нем четвертой эскадры, Николка особого значения этому не придавал. Дело обычное: к зиме, когда активность натовцев в Северной Атлантике, Норвежском и Баренцевом морях в треугольнике Шпицберген – Исландия – Лофотенские острова заметно снижалась – полярная ночь! – лодки Северного и Балтийского флотов покидали в нужном их числе пирсы Полярного и уходили автономкой в Средиземное море. Там они сменяли подлодки Средиземноморской эскадры Черноморского флота: те уходили на свою базу около Севастополя, а прибывшие из Полярного продолжали привычную работу, то есть рассредоточенной стаей отслеживали передвижение авианосцев и других кораблей Шестого американского

флота: *6-th US Navy* на ихней мове, как выражались сменяемые из Черноморского флота, где было много срочников с Украины.

Иногда часть подлодок Северного флота направлялась «дрейфовать» по линии экватора между Африкой и Южной Америкой. С лодками уходили из Полярного и плавбазы с запасом торпед. К ним по пути присоединялись танкеры с дизельной соляжкой и прочим ГСМ*. О местах временного базирования советских кораблей в Средиземном море Николка узнавал из надписей на монетах, которые он выменивал у однокашников, чьи отцы служили в подплаве: югославские и с арабской вязью. Но последние узнавались по гербам: ливийские, сирийские, египетские. Изредка ему попадались и албанские монеты, но это из старых запасов: после разрыва дружбы с Албанией тамошняя база обнулилась. Энвер Ходжа подгадил.

Отправляя подлодки Северного флота в Средиземное море, мудрое командование советского *ВМФ* не давало «засидеться» кораблям и экипажам в родных акваториях, одновременно не оставляя без назойливого внимания американских «шестифлотников». Многие матросы ко второму году службы уже щеголяли высоко ценимыми знаками «За дальний поход» на правых бортах форменок. Не говоря об офицерах и сверхсрочниках – старшинах и мичманах.

О причинах не то что появления в Полярном, но постоянного здесь базирования – и семьи офицеров здесь же проживали, дети учились в школе – подлодок, приписанных к Балтфлоту, Николке разъяснили ребята из таких «балтийцев»: море тамошнее мелкое, размером небольшое; опять же выход через Северное море на оперативный простор крепко под присмотром натовцев: в военной обстановке на приколе у родных берегов стоять. Как и было в обе мировые войны. Вот лодки балтфлотовские и приписаны на временно-постоянное базирование в Полярном. Так сподручнее и для дела полезнее.

На недоуменный вопрос уже восьмиклассника Николки, почему их просто не перевести официально, так сказать, на Северный флот, Серега Иевлев, сын командира подлодки, но еще не замкомандира четвертой эскадры, засмеялся: «Ка-

* Горюче-смазочные материалы. – Прим. авт.

кому же командующему флотом хочется до отставки с одной звездой на погоне служить?» И разъяснил: моряки – самый консервативный народ, причем с интернациональной начинкой; тельняшки, бескозырки, кортики... что у наших, то и у тех же натовцев. Невзирая, так сказать, на идеологию. Вот и принято сейчас на всех флотах мира: если в составе конкретного флота нет подлодок, то командующий выше контр-адмирала не поднимется! Так ему отец объяснил. Правда ли? Хотя тоже посмеивался, но может оттого, что перед этим пару стопок коньячку хватил? За что, Николка, купил, за то и продаю. Военной тайны, надеюсь, не выдаю.

Тот же всезнающий и основательный в высказываниях Серега опроверг мнение одноклассника об уходе почти всех лодок из Полярного в Средиземное море. Явно со слов отца, то есть уставной лексикой, пояснил, что вся эскадра и корабли ее обеспечения, крейсера и эсминцы с рейда Североморска, большие противолодочные корабли оттуда же «вышли в открытое море, рассредоточившись на оперативном атлантическом направлении, что означает перевод флота на оперативную готовность номер один», – закончил объяснение Серега, добавив: «В направлении Кубы, сам понимаешь; я здесь ничего нового не могу сказать. Как говорится, читай между строк. Остается ждать. У тебя-то отец в Полярном, а мой батя уже вторую неделю как от пирса отчалил – и без обратной связи, понятно дело».

♦ Явно злясь на допущенный промах – выпадение нескольких тихих дней в первые две недели месяца, – во второй своей половине октябрь показал, где раки зимуют... хотя бы они в этих местах не водились; только мелковатые крабы*, которыми рыбаки брезговали. Задул настойчивый низовой ветер с моря, вперемешку бросая в лица торопящимся домой, к теплу редким прохожим холодный дождь и липкий мокрый снег. Но людей на улицах Полярного заметно мало, в основном школьники, женщины, гражданские мужики. Оно и понятно: пирсы Екатерининской гавани опустели совершенно, остались лишь единичные мелкие буксиры,

* Нынешние – вроде как даже промысловые? – крупные крабы в кольском Заполярье суть искусственно разведенные камчатские. Это разведение было сделано в 60-70-е годы – популяции возрастают достаточно долго. – Прим. авт.

каботажные катера-«аркашки», пара старинных деревянных ботов с мачтами, но без парусов, замененных дизелями. Да еще сторожевики посменно входили-выходили из гавани на дежурство у горла залива. То же самое в Североморске, как рассказывали ребята, ездившие туда с родителями погостевать в воскресенье у знакомцев и родственников-свойственников.

Конечно, уже сам, без разъяснений все знающего о флотских делах Сереги, Николка сообразил: в Баренцево и Норвежское моря, тем более в атлантический северный треугольник, в направлении на Остров Свободы выдвинулись подлодки из Полярного и крупные надводные корабли с североморского рейда. Там же сосредоточились подплавовские плавбазы, другие суда и корабли обеспечения. А вот торпедные и сторожевые катера, «охотники» – малые противолодочные корабли, все, что базируется в Екатерининской гавани, вышли на малый оперативный простор, временно пришвартовавшись у причалов Баренцева побережья Кольского полуострова: от норвежской границы – Печенги, полуостровов Среднего и Рыбачьего до резервной флотской базы в Иоканьге и далее на восток до Белого моря. Еще Николка догадывался, что часть подлодок, крейсеров и эсминцев заняли позиции в сторону Карского моря, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Много чего полярники ребята знали. Если на Новой Земле взрывали испытательно атомные и водородные бомбы, то на Франца-Иосифа располагалась целая усиленная дивизия первого удара, задачей которой в случае начала войны являлось морское десантирование и захват натовских военных баз в Исландии. Так с задумчиво-солидным выражением лиц поговаривали на переменах старшеклассники. Николка же знай-мотай себе на ус... Хотя бы те самые усы только-только пробивались у одиннадцатиклассников, особенно с нерусскими, кавказскими фамилиями.

Весь город даже внешне как-то построжал. Чем ближе к концу октября, тем молчаливее становилось в школе; оно и понятно: мужья учительниц и отцы большинства ребят где-то далеко, вестей от них нет и не может быть по флотским порядкам. Тем более в обстановке оперативной готовности «номер один». Восьмиклассник Николка почему-то чувствовал себя неловко, ведь его отец здесь же, в

Полярном, в дэкаф по утрам или с полудня на работу ходит из Старого Полярного через длинный, с несколькими сотнями ступенек, выстилающий рельеф сопок и лощины между ними Чертов мост... Без вины виноватый – как в названии спектакля Северного флота, что он недавно смотрел в дэкафе из оркестровой ямы – по совету отца, на правах старшего электрика позвавшего сына с собой.

Все более суровели голосами дикторы на радио и мурманском телевидении в новостях. И сами эти сообщения все короче: мол, обострились отношения с Америкой, но мы готовы жестко выступить на защиту братского кубинского народа, помочь ему отразить возможную агрессию заокеанских империалистов. По вечерам Николка часами крутил ручку настройки купленного по переезду в Полярный приемника «Мелодия» – взамен уже ненужного, маячного батарейного. Как и другие ребята, пытался пробиться через треск и завывание мурманской глушилки к «вражеским голосам»: хоть что-то, возможно и лживое, узнать о делах вокруг Кубы. Старшеклассники, проходившие у матерого мичмана Алексея Васильевича производственное обучение по радиотелеграфу, с умным видом рекомендовали «ловить» эти голоса, то есть западно-немецкую «Дойче велле», штатовский «Голос Америки», «Би-би-си», на то время враждебные передачи на русском из Албании и Китая, легко узнаваемые по «Интернационалу» в начале и окончании передачи, ближе к полуночи, выбирая дни с пониженной облачностью и высоким атмосферным давлением, что озвучивают в телерадионовостях.

«В такую погоду в *наших* арктических широтах фединги* на коротких волнах минимальны, – поучал семи- и восьмиклассников в большую перемену Серега Агафонов из выпускного класса, предшественник Николки по заведованию радиорубкой, – потом вражеские голоса постоянно меняют плавно частоту, имея в виду наши глушилки, которые автоматически следуют за ними. Поэтому постоянно крутите ручку настройки и уловите моменты пока глушилка еще «догоняет» супостатов!» Объяснив, Серега заторопился в туалет: успеть перекурить до конца перемены.

* Замирание связи на коротких волнах, которые распространяются попеременным отражением от земной поверхности и ионосферных слоев атмосферы (радиотехн.). – Прим. авт.

♦ Действительно, следуя разъяснениям Сереги, которого сам Алексей Васильевич называл радистом от бога, Николка скоренько приноровился разборчиво улавливать вражеские голоса, как и другие ребята. А они, голоса, все раскаленное обвиняли Советский Союз в подготовке новой мировой войны. В середине октября и вовсе перешли от утверждений о переброске на Кубу целых советских дивизий в течение последних трех месяцев к заявлениям, что американские разведывательные самолеты сфотографировали ракеты на уже подготовленных стартовых площадках.

Психоз антисоветских голосов день ото дня нарастал валом, а в обратной пропорции (Николка отличником по алгебре был) в наших последних известиях дикторы холодно, спокойно и предельно кратко, то есть самыми общими словами, обвиняли американских империалистов в наглом посягательстве на кровью завоеванную свободу героического кубинского народа. Поскольку Николка совсем недавно прочитал научно-популярную брошюру – математичка посоветовала отличнику по предмету – по математической вероятности, то, сложив со знаком минус западные голоса и с плюсом наши последние известия, пришел к огорчительному выводу, что истина не всегда посередине... здесь получался нуль. И пришел к совершенно справедливому выводу, по смыслу совпавшему с архангельской присказкой матери: все бы ты знал, да не всему бы ты верил. После чего к слушанию импортных голосов в отношении к Кубе охладел. Но в последнюю неделю октября, узнав, что над Кубой зенитчики сбили американский самолет, бросился крутить ручку настройки домашней «Мелодии» – за *их* вражескими разъяснениями, но увы! с полудня из свинцовых низких туч повалил охлюпистый снег, вся заполярная атмосфера преобразилась в сплошной фединг для коротких волн, а мурманская глушилка по всей видимости удвоила мощность своего излучения – благоохранительного от излишнего любопытства.

Но уже в следующие два-три дня как-то все стихло. Вражеские голоса внезапно потеряли интерес к кубинским делам, а наши в последних известиях потеплели в интонациях, причем на всесоюзном радио сосредоточились на сибирских стройках коммунизма, а мурманское телевидение оживленно обсуждало соцсо-

ревнование, развернувшееся между обоими рыболовными флотами: Траловым и Сельдяным.

...На этом месте, то есть успехах мурманцев в вылове трески и селедки, Николай Андреевич ухмыльнулся и на короткое время перескочил в воспоминаниях лет на десять вперед, когда он, окончив местный политех, трудился молодым специалистом, конструктором по тематике оборонпрома, уже поотвыкнув от заполярной жизни, переехав с семьей после получения школьного аттестата на Большую Землю, недалеко от Москвы.

Как-то раз отметил он в курилке новое лицо, несколько постарше его, брюнета в усах. Характерным голосом, несколько бархатистым, с легким «прононсом в нос», явно не местный, судя по свободой манере держаться, незнакомец с чувством и толком рассказывал свежий анекдот про руководителей партии и правительства. На следующем перекуре, одиннадцатичасовом, когда женщины на рабочих местах с увлечением делали производственную гимнастику, Николай легко и просто, без обиняков, познакомился с ним: Артур, последнего года войны рождения, только что прибыл с женой и маленькой дочерью по распределению из Ленинграда, в котором с некоторым возрастным опозданием – служил срочную, затем пару лет работал – окончил *Муху*, то есть высшее художественно-промышленное училище имени Веры Мухиной. Здесь трудится художником-конструктором, дизайнером по-новомодному, небольшая группа которых размещается на этом же этаже. «Вы, мужики, ракеты рассчитываете-чертите, а я их в цвете живописую. Начальники с этими плакатами в министерство оборонпрома ездят и в главке мозги пудрят большим чинам, ха-ха-ха!» Чуть согнав с лица привычную для него веселость, пожаловался: «Я не ленинградский, жена тоже из Псковской области, потому и двинули сюда: обещали квартиру, но пока в семейное общежитие определили. Как говорится, славны бубны за горами!»

Словом, в ближайшую уикэндовую пятницу, после работы сдружившиеся молодой инженер и немного постарше дизайнер («Это не фамилия, а специальность по работе», – шутовал Артур при знакомствах) уже чокались стаканами с

молдавским портвешком в кафе-стекляшке «Ромашка». Обратив внимание на бутылочную этикетку, что-де это продукт Молдвинпрома, Артур рассмеялся:

– Я из-за этой *молдавиняски* после первого года службы на Кубу угодил под самый разгар Карибского кризиса! Впрочем, не жалею, хоть свет заокеанский по-смотрел...

– Как! Из-за бутылка молдавского портвейна?

– Да нет, имеется в виду национальность.

– А ты что – молдаванин?

– Ни ухом, ни рылом. Русак воронежский, отсюда и растительность на голове темноватая. Артуром же батя явно с похмелья нарек в честь любимого писателя Конан-Дойла. В конце войны народ военный чудил. Расслаблялся что ли? Здесь дело в обычном нашем, в армии же особенно, разгильдяйстве. Как мне уже на Кубе замполит нашей части растолковал, отделения и взводы *ПВО*, а я на радиолокационной колесной станции служил, комплектовались смешанными: половина наших, а вторая из компаньерос. Тогда они еще не успели русский язык в школах выучить, а мы только на обычном и матерном разговариваем. Но вот в мае-июне шестьдесят второго, когда первые наши части на Кубу прибыли, кто-то из умных политотдельцев заметил: призванные из Молдавии и кубинцы сносно понимают друг друга – языки-то близкие, романские. И тотчас из Москвы по частям, отправленным на Остров Свободы, директива: чтобы в каждом отделении на девять русских и иных солдат обязательно приходился один молдаванин.

Артур сделал паузу, закурил и продолжил:

– Замполит полка нашего человек простой: усмотрел в моем личном деле, что призван я из Тирасполя, где мой отец заканчивал службу майором-пограничником, видом слегка смугл и темноват волосами, говорю несколько чудновато, в нос – в детстве футбольным мячом в нюхалку засадили, перегородку потом врач вправлял, военный лепила, не совсем трезвый – и обрадовался, зачислив меня «молдаванином» в одну из тех рот, что от полка на Кубу командировались. Вернее, никто не знал куда нас отправляют. Секретность высшая!

– Что ж он не догадался спросить про знание языка?

– Так армия! Там думать по уставу не положено. Только приказы исполнять. Этот же замполит уже на Кубе объяснил: был приказ из Москвы: посылать на Кубу юльцов-молдаван и баста! Про знание языка молдавского ни полслова; наверное, опять из соображений секретности: враг, мол, хитер и коварен, дедуктивным методом, как Шерлок Холмс, проверяет логическую связь от знания молдавского до советских войск на Кубе. Выпьем за Фиделя!

По причине сдружения засиделись они с Артуром в простонародной «Ромашке» допоздна, сполна выказав знаки уважения к произведению Молдвинпрома. Выруливая к ближайшей трамвайной остановке – ехать им в одну сторону, – обнявшись, новообетенные приятели нестройно пели кубинские песни. Николай подтягивал знающему испанский текст Артуру: «...Кванте наме-е-ера!»

♦ Да-а, замечтался в приятных воспоминаниях Николай Андреянович, были же времена, когда люди общаясь друг с другом, разговаривали нормальным русским языком, а не на казенщине суконно-цинковой и американо-нижегородском, выпивали в свое удовольствие и пели, гуляючи, песни... даже на ломаном испанском языке.

В последующих разговорах в учрежденческой курилке, и особенно в вечернем банкете в «Ромашке» и других – по пути домой – культурно-просветительных заведениях, Артур много чего рассказывал новоприобретенному другу о своей кубинской эпопее.

...Это сейчас по несколько раз за год на разных телеканалах ностальгируют народ постарше передачами о Карибском кризисе, скрытной доставке двумя сотнями рейсов гражданских судов почти полусотни тысяч советских бойцов и техники, включая ракеты с ядерными боеголовками. А тогда Николай слушал – от первого лица – живописные рассказы Артура, даже не во всем веря ему: натура художественная, творческая, мол, чуток не приврешь – убедительно не расскажешь. Тот же признавался: повезло, туда и обратно не в трюме сухогруза вперемежку с техникой и боеприпасами, а в каютах пассажирских судов везли. Хотя бы и переполненных, заставленных двухъярусными казарменными койками, с задранным иллюминатором, а на палубу, как в тюрьме, повзводно ночью выводили.

Зато по прибытии – одежда по тропической погоде и маскировки для: шорты и рубашка с короткими рукавами и воротом апаш, на ногах что-то навроде ке-дов китайских. Все легкое и однотонное; в одиночку словно турист прогуливается, а в группе так и подразделение военное, но без «опознавательных» знаков. Опять же специфика радиолокаторщиков: завезет тягач станцию на колесах в спокойное место, где вокруг пальмы, прохлада, народ лишний не болтается без дела. Рядом две палатки маскировочной расцветки: в одной наше отделение, в другой кубинское. Первые обучают компаньерос, вахты смешанные несут. Обстановка самая дружелюбная. В субботу банный день в соседнем городишке: полчаса строим с песнями, по-русски и по-испански. В воскресенье поочередно в увольнительную в тот же городок. Опять же смешанной компанией: кубинцы местную жизнь хорошо знают, а она по третьему лишь году после революции еще не спокойная; порой и организованные в банды контраст постреливают, на улицах ближе к вечеру встречные подозрительные. Компаньерос отговорят не соваться в опасные места, а в распивочную, бар по-ихнему, заглянут, так зорко посматривают, чтобы ром или еще сохранившуюся в запасах американскую виску хитроватый бармен-буфетчик не бодяжил, не охмурял русских друзей с оплатой с их немногими песо солдатского жалованья.

...Дойдя в мысленном пересказе Артурова повествования до виски, Николай Андреянович почувствовал сухость языка, усмехнулся: да-а, вот он чисто физиологический безусловный инстинкт по Павлову, как бы сказал профессор Скородумов; произнес в мыслях слово, а язык сложным путем из подсознания отреагировал на него: ведь на верхней полке в квартирном закутке-кладовке стоит непочатая бутылка шотландского виски знаменитого сорта *Ballantines*, нарочито недавно купленная в *Красном & Белом*, что в торце их дома. Можно же себе это позволить, получив, хотя бы и на карту, безналично, двухмесячные отпускные? А главное – ни разу в жизни не пробовал он империалистического напитка! Надо же продегустировать.

Вот и повод: подтвердится ли Артурово описание вкуса виски? Через несколько минут, приняв, смакуя, стопку и убедившись, что империалисты сволочи,

но продукт гонят отменный, не хуже советской водки «Старка», Николай Андреевич снова вернулся к рассказам Артура, но сейчас уже, в соответствии с поднятым стопкой настроением, выделяя веселые моменты. Ввиду молодости кубинской революции, женщин с пониженной социальной ответственностью еще не перевоспитали, оставшиеся от бывшей американской клиентуры публичные дома пока полулегально действовали. И туда нашим солдатам дружелюбные компаньерос экскурсии устраивали; главное чтобы начальство воинское не узнало! Даже скромные свои песо тратить не надо: в условиях полной блокады на Кубе вообще ничего не стало, кроме сахара, рома и сигар. Поэтому социально безответственные мулатки охотно брали за визит флакон одеколona, «Тройного» или «Цветочного» – они шли вместе исчезнувших духов. Со своих ли слов Артур говорил или чьи-то передавал? – Николай затаил некоторое сомнение...

С едой тоже плоховато, выручали армейской поставки консервы, было из чего нашим поварам из дневальных борщ и гречневую кашу с тушенкой варганить. Компаньерос к такому рациону скоренько привыкли, ели похваливая не от вежливости, но от сытости на голодном острове.

♦ Опять же перескочив в воспоминаниях на год вперед, уже после первого, самого знаменательного приезда Фиделя Кастро в Советский Союз – уже установилось морское и воздушное рейсовое сообщение с Кубой через Мурманск, когда возвращалось Николкино семейство из летнего отпуска в отцовской калужской деревне.

В сезон отпусков, когда половина, или даже более, населения Кольского полуострова, семьи военных сначала уезжают в южную сторону – по отношению к Северному полярному кругу, – а через месяц-два в том же составе возвращаются, за великое счастье полагается взять билеты на мурманский поезд. Даже загодя, предварительно. И здесь уже не «до разносолов»: купейный, плацкартный, даже общий, что прицепляют в летний сезон – да бог с ним! лишь бы войти в вагон и дожидаться, когда поезд тронется – и на сердце легко становится, а на душе и вовсе песня. Особенно главам отпускных семейств – с попутчиками, знающими толк в чередовании коротких тостов: *на посошок, отвальная, ямщицкая, прогонная, –*

унаследованных добрым нашим народом от времен почтовых троек и «верст полосатых»...

Вот в то возвращение с летнего отдыха семейству Николки повезло с билетами: заняли почти весь *свой* отсек в плацкартном, включая нижнее боковое место. А в соседнем разместились группка иностранцев, вообще-то немислимых в поезде «Москва – Мурманск». Но Николка скоро сообразил: это кубинцы, возвращающиеся на Остров Свободы через Мурманск. Они тоже не брезговали пошками и отвальными, но пили мало, а быстро-быстро говорили по-испански; затем и вовсе затягивали мелодичные песни – очень громко, и все одновременно. Только определить Николка не мог: кто это? для студентов староваты, на военных и всяких там дипломатов не смахивают. Но вот к середине вторых суток поезд миновал станцию Пулозеро, народ оживился, разминая застоявшиеся ноги. Через пару часов Мурманши и Кола – считай дома! Вещи собраны, постели проводникам сданы, а Николку заинтересовали действия кубинцев, что деловито вынимали из люка перед выходом в тамбур туго набитые холщовые и брезентовые мешки: раз-два, три... Скоро мешки в половину человеческого роста загородили выход из вагона. Николка уже знал, что люк этот ведет в большой металлический короб под днищем вагона, в котором пассажиры могут перевозить скоропортящиеся съестные грузы.

Поезд, замедляя ход, подкатывал к перрону мурманского вокзала. Пассажиры с вещами толпились в вагонном проходе. Из уважения к героическим кубинцам они не роптали, терпеливо ждали, пока компаньерос, озабоченно переговариваясь, вынесут свои многочисленные мешки. Но вот проход освободился; народ, привыкая к ходьбе по твердой, не подпрыгивающей под нами опоре, выходит из тамбура на бетонный настил перрона. А чуть обок суетятся у пирамиды своих мешков кубинцы. «Да-а, – сочувственно покачивает головой Андреян, – видать у них на Кубе, с едрить твою американской этой блокадой, и вовсе с жратвой хреновато!»

Только сейчас Николка сообразил, почему от мешков даже на расстоянии трех-четырех метров пахнет, как будто в теплый день зашел он в большой гастро-

номический отдел Циркульного магазина: копченой колбасой и грудинкой, сыром и еще много чем, что улавливал его нос при порыве легкого ветерка со стороны сложенных мешков. Поначалу поразил его рюкзак с мокрым боком, видно протекло, густо пахнувший селедкой пряного посола – вспомнил слова отца, что такая закуска только у нас пользуется большим спросом. Но когда иностранцы, что приезжают, распробуют ее, то уже оторваться не могут. Вот и кубинцы разохотились. Хотя бы и проживают на острове, вокруг которого рыбы кишит до едреной фени.

...Николай Андреянович обладал отменной вкусовой памятью. Профессор Скородумов, заинтересовавшийся таким феноменом организма его приятеля, поначалу всерьез это не принял. Но, с разрешения перцепиента^{*}, провел над ним ряд необременительных опытов навроде: выпил предложенную профессором рюмку напитка, спиртного разумеется, без озвучивания названия, а через неделю предложено ему попробовать схожие по цвету и крепости с базовым из трех рюмок и назвать совпадающий. Убедившись, что Николай Андреянович практически не ошибается, Игорь Васильевич назвал приятеля уникумом: «Эх, Андреяныч, не разглядел ты вовремя свой талант, хотя... ракеты конструировать все же солиднее, главное, нужнее для страны, чем заштатным дегустатором на винкомбинате обретаться. Сопьешься еще!

И резко ощутив в своей вкусовой памяти тот давний аромат атлантической сельди пряного посола, по сложной ассоциации Николай Андреянович вспомнил того же времени, то есть сразу после Карибского кризиса, слова отца: «Из всех дел и чудачеств Никиты, обернувшихся вредом для страны, улаживание с Америкой кубинской истории, пожалуй, его единственная удача. Как ни крути, но ведь атомная мировая война вот-вот могла начаться. Конечно, повезло и с американским президентом, толковый этот Кеннеди оказался, большого ума человек».

Такая оценка, как сейчас размышлял Николай Андреянович, тем удивительнее, проницательнее была для того времени, что никто и предполагать не мог действительной ситуации. Ведь уже накануне Карибского кризиса, после грандиозно-

^{*} В экспериментальной психологии это тот, над кем ставится опыт. – Прим. авт.

го предательства Пеньковского, американцы точно знали: против их пяти тысяч ядерных зарядов Советский Союз располагал только тремя сотнями. Более чем пятнадцатикратное превосходство! И в средствах доставки тоже существенное. Главное же, советское руководство полностью добилося того, ради чего и возникла эта напряженность вокруг Кубы: убрали-таки американцы свои ракеты с ядерными боеголовками из Турции! И это в те годы являлось взаимной гостайной у нас и в Штатах.

Наконец, совершенно зря Фидель надулся на Никиту, убравшего атомные ракеты с Кубы. Ведь под сурдинку событий осени шестьдесят второго года советские военные так вооружили и обучили компаньерос, что по численности и оснащению кубинская армия стала едва ли не самой мощной в Латинской Америке. А по результатам договора с Америкой та обещала более не предпринимать никаких военных действий по отношению к злосчастному для них острову. И вот уже шестьдесят лет это обещание полностью выполняет...

Да и после вывоза с Кубы ядерных ракет советские войска еще некоторое время там оставались. Тот же Артур еще с полгода служил там. Даже поднакопил из солдатского жалованья некоторое количество песо, чтобы купить в книжном магазине в Гаване – уже четко решил после дембеля поступать в художественное училище – пару прекрасно изданных в Испании альбомов: Гойи и Веласкеса. Тем более, что их можно было не прятать от обысков при обратном возвращении в Союз: также в штатском – «туристами» на пассажирском теплоходе. А вот его сослуживцу Егору Филиппову свой книжный трофей приходилось по два-три раза за сутки перезаныкивать по разным щелям каюты. А приобрел он на книжном развале городка Карденаса, что прямо напротив южной оконечности Флориды – через Флоридский же пролив, – близ которого располагалась их радиолокационная станция, «Лолиту» Набокова на французском языке, изданную в пятьдесят девятом году в Париже издательством Галлимара. И чтобы прочитать совершенно запретную в Союзе скандальную книгу, решил выучить язык Мольера и Виктора Гюго по возвращению домой, купив учебник, даже два: для школ и пединститутов – по мере омовления. Истинно, благими намерениями рука дьявола водит...

Самое интересное и смехотворное в одном флаконе: и в испаноязычном мире в те годы роман Набокова был под запретом с подачи католической церкви. Потому продвинутые интеллигенты на Кубе и читали «Лолиту» по-французски, экземпляр которой Егор и купил за кровные солдатские десять песо на книжной толкучке Карденаса. В шестидесятые годы страны была истинно самой читающей в мире...

♦ Окончание Карибского кризиса население Полярного наблюдало воочию: в течение ноября непривычно печально-пустые пирсы Екатерининской гавани день ото дня начали заполняться. Первыми вернулись на базу торпедные и сторожевые катера, «охотники» – малые противолодочные корабли, минные тральщики и разная вспомогательная мелочь каботажного плавания. Возвращение четвертой эскадры возглавили обе ее плавбазы, ставшие на свое законное место на рейде гавани. Вслед за ними начали подтягиваться обледеневшие в ноябрьских штормах и непрерывных снегопадах подлодки. Поначалу они вольготно заполняли пирсы первыми номерами, затем уже к ним пришвартовывались запоздавшие. А к концу месяца пирсы и вовсе местами обросли трехномерными швартовками. Часть лодок, вернувшись к обычному графику, прямо из Атлантики ушла в Средиземное море опекать отечески *6-th US Navy*, не заходя на базу.

Улицы Полярного, несмотря на злущую вторую половину ноября и фактическое начало полярной ночи, тоже вернулись к обычному виду: черные шинели и шапки с «крабами» заметно потеснили гражданский люд. И к вечеру, ставшему в это время года понятием относительным, дэкаф ярко светился всеми окнами, а народ, преимущественно флотский, тремя потоками – по расположению улиц – тянулся к мосту, перекинутому через межсопочную лощину, другим окончанием выходившему прямо к ступеням входа в дэкаф. Музыка из его наружных громкоговорителей слышалась уже на подходе к мосту в замыкающих кварталах сходящихся улиц; по градостроительным планам тридцатых годов дэкаф и был обозначен как архитектурный центр Нового Полярного. Впрочем, условный центр, поскольку с тыла дэкаф и все ближние дома, включая госпиталь, бывший флагманский Северного флота до переноса его «столицы» в Североморск, упирались в

крутое взгорье сопочной гряды, отделявшей город от губы Пала с ее флотским судоремонтным заводом номер шесть. Громкая музыка с разных сторон, ярко освещенные улицы и пирсы, дежурные фонари на рубках кораблей – все это помогало перетерпеть полярную ночь людям, воинским долгом, обстоятельствами или превратностями судьбы занесенным на кромку Арктики в город на гранитных скалах, возникший дважды: по завещанию царя Александра Миротворца своему наследнику Николаю Второму и решающему слову Иосифа Виссарионовича; оба, император и генсек, были людьми ума недюжинного и лучшего места для базирования Флотилии Ледовитого океана Российской империи и Северного флота СССР, соответственно, выбрать не сочли возможным.

Правда, в отличие от Сталина, Александр Третий самолично в будущем городке Александровске, в честь его имени названном в 1899 году, не бывал, но посылал туда с топографической рекогносцировкой министра финансов Сергея Юльевича Витте. Того самого, что был возведен в графское достоинство по итогам Портсмутского мира, завершившего позорную для России войну с Японией. Добрый наш и злоязычный народ тотчас окрестил Витте графом Полусахалинским...

А в школе возвращение кораблей в Полярный, особенно побывавших на Кубе, ознаменовалось изобилием свежештампованных монет с Острова Свободы и столь же недавно отпечатанных банкнот. Самое интересное, что последние преобладали в виде двадцатипесовых кредиток, выдержанных в формате американских двадцатидолларовых же: узких и длинных, одна сторона которых была во всю ширину и длину занята живописной картиной-панно высадки отряда Фиделя Кастро со шхуны «Гранма», видневшейся на заднем плане, на кубинский берег. Впереди уверенно выступал героический Фидель в берете, с бородой. За ним, судя по всему, шли вооруженные Че Гевара и Камило Сьенфуэгос. Последний нес на плече американской работы ручной пулемет «Кольт». Далее невеликой колонной тянулись остальные три десятка храбрецов с автоматами, теми же пулеметами и патронными ящиками. Словом, как те самые «тридцать три богатыря», ступая

по мелководью песчаной бухты, выходят они на берег – освободить страну и народ от диктатуры американского ставленника Батисты.

Как объясняли ребята, отцы их захватили с Кубы по пригоршне монет, зная о повальном нумизматическом поветрии в школьной среде. Но с бумажными песо несколько иная история. Приказ из Москвы, из главного штаба ВМФ о срочном убытии и следовании к местам базирования, в основном на Северном флоте, поступил на корабли буквально спустя день-другой после выдачи финчастью жалования в валюте страны пребывания – обычная практика: добавка «за удаленность от родины» к основной зарплате в рублях, которая начислялась к выдаче по возвращению домой. Финчасти же сумму в кубинском банке выдали чем было: двадцатипесовыми банкнотами. Понятно, что в спешке отчаливания потратить деньги с картиной высадки со шхуны «Гранма» – кубинской «Авроры» – не было никакой возможности. Так и прибыли с ними в Полярный, выдав сыновьям впридачу к монетам. Как-либо реализовать неконвертируемую валюту в Союзе было невозможно: в ближайшем валютном магазине, в Мурманске, все цены стояли только в долларах. Например, бутылка ноль-семь «Столичной» в экспортном исполнении стоила девяносто центов...

Среди коллекционеров меновая стоимость кубинских монет резко упала, а двадцатипесовыми купюрами старшеклассники расплачивались друг с другом, небрежно мечая их на стол, играя в покер и кинга на интерес, собравшись после уроков в чьей-либо квартире, до вечера свободной от присутствия родителей. При этом они попыхивали сигарами «Большая корона», а иногда позволяли себе по чутку налить в рюмки рому *Habana Club* – если большая бутылка которого уже ранее была почата отцом. То и другое – захваченные в дорогу гостинцы с братского острова...

Тогда сигары и ром еще не потекли широкой рекой, наряду с тростниковым сахаром, из Кубы, но уже через год, после первого приезда Фиделя в Советский Союз, сигары всех изысканных сортов за тридцать-сорок-пятьдесят копеек (в Штатах контрабандой их продавали до ста долларов за штуку) можно было купить в любом киоске на самой дальней периферии. А темные бутылки с ромом

«Негро» пылились на верхних полках всех винных отделов продмагов: народ в массе своей предпочитал отечественную «беленькую».

♦ Иногда старшеклассники на большой перемене или по окончании последнего урока заходили перекурить, но уже не сигарами подымить, а чем попроще, в радиорубку к Николке, где у него самого всегда находились дела. Заодно в картишки по-быстрому перекинуться. А за «беспокойство», посмеиваясь, оставляли, уходя, на столике все ту же двадцатипесовую бумажку. Сам Николка в карты не играл, равно как и во все остальные игры, воспитанный примером и наставлениями отца. Опять же врожденный старообрядческий запрет на пустое времяпрепровождение.

Но ребят в свои владения впускал охотно: много интересного узнавал о событиях прошедшей осени, о чем еще многие годы впереди газеты даже намеками не сообщали, и от радио и телевидения ни полслова. Благо у них хлопот достаточно для обсуждения имелось: не успели наговориться про иранского Моссадыка, как на многие годы на языки телерадиодикторов попались никарагуанский Фронт освобождения имени товарища (компаньера) Сандино и тоже латиноамериканский Фронт же освобождения имени Фарабундо Марти...

А мечущие карты старшеклассники обменивались услышанным от отцов-подводников. Как игроки беседовали, не обращая внимания на хозяина радиорубки, явно мало посвященного в дела и заботы офицерского состава четвертой эскадры, так и их отцы, собравшись в свободное время сам-двое или сам-трое, то есть по-русски, на кухне или в гостиной комнате квартиры одного из них, да еще под бутылочку-другую коньячка, привезенного контрабандой супругой, намеревшейся в Мурманск на примерку в недавно открывшееся модное ателье, разгорячившись, поругивали политотдельцев, сочувствовали командирам лодок, подпавшим под разнос североморских адмиралов, вовсе не приглушая голосов при появлении в доме сына или дочери.

...На этом месте Николай Андреевич притормозил, с дотошностью инженера-оружейника уточнив момент воспоминания, касающийся... конечно же коньяка на столах квартир абсолютно «сухого» города. Да зачем же ждать пока су-

пруга съездит в Мурманск на примерку в ателье или походить по магазинам областного города, присмотреть обновы себе и детям. А супругу? – О нем заботится служба тыла в части полного комплекта обмундирования: форма одежды № 1, форма одежды № 2 и так далее. Какой номер положено надевать в такой-то день календаря? – И здесь думать особо не надо: на наружном стенде городской комендатуры крупными трафаретными буквами и цифрами написано на сменяемой по сезонам фанерной вставке:

СЕГОДНЯ ФОРМА ОДЕЖДЫ № 2

Намного проще самому в выходной день сесть в Кислой губе на рейсовый катер, что за полчаса через Кольский залив, зюйд-остом наискосок, домчит до Североморска. Здесь же, у самой «гражданской» пристани, конечная остановка автобуса на Мурманск. Садись в него, но выходишь через десять минут на первой загородной остановке. Она же КПП*, за которым заканчиваются владения Северного флота, то есть территории, на которые можно попасть только с особой отметкой в документах военных, а гражданским со штампом «Житель Североморского региона Мурманской области» в графе особых отметок паспорта. Соответственно, за КПП, на котором у всех пассажиров выезжающих и въезжающих в Североморск автобусов, такси и вообще всех машин, а также передвигающихся в пешем порядке, дневальные матросы с красными повязками проверяют документы... о, до чего же в отечестве нашем сугубая административность гармонично сочетается с заботой о людях! Словом, в двадцати шагах в мурманскую сторону от КПП, за которым заканчивается зона «сухого» закона, посреди совершенно нежилого места в окружении гранитных сопок, у обочины асфальтовой дороги дико одиноко стоит недавно срубленная бревенчатая изба с лаконичной вывеской *Магазин №* такой-то. Если не половина, то уж точно четверть пассажиров любого североморского автобуса покидают его, проходят, показав документы, мимо матросов с повязками и энергично движутся в сторону магазина. А внутри его уже и оживленная очередь, деревянные полки пусты, а продавщицы в две пары рук без устали, прямо из поставленных на пол друг на друга ящиков, выкладывают на

* Контрольно-пропускной пункт (воен.). – Прим. авт.

досчатый прилавок бутылки с водкой, коньяком, и для гурманов с ликерами и настойками. Затарившись в хозяйственные сумки, баулы, кое-кто и в чемоданы, изголодавшиеся счастливцы идут в возврат на КПП и ожидают автобуса из Мурманска в родной «сухой» Североморск...

Но здесь-то и начинается военно-административный политес. Если бутлеггер* по одежде и документу гражданский, то волокита он из магазина хоть перекинутый через плечо рогожный мешок, набитый полусотней явственно булькающих церковным перезвоном бутылок злодейки с зеленой наклейкой, матросы на него ноль внимания. Гражданский в закрытой зоне вроде бы и есть, но военная власть на него не распространяется. Имеется штамп в паспорте – пра-а-ходите, товарищ!

Другое совсем дело военный, даже в штатском, что в этих местах некомильфо, но с офицерской книжкой или военным билетом. Будь ты хоть каперангом с солидной орденской колодкой на кителе (адмиралы общественным транспортом и такси не пользуются), но подошел он к КПП и – будьте так любезны, товарищ капитан первого ранга, предъявить для досмотра ваш багаж!

Николка через Североморск в Мурманск и обратно всего пару раз добирался и то в старших классах, тем более на КПП не сходил, поэтому не знал, что делали дневальные матросы с обнаруженной у военных контрабандой. Зато не раз наблюдал, сходя в Кислой губе с мурманского рейсового катера, обрацово-показательную процедуру. Точно также безразлично глядя на багаж штатских по документу, дневальные выборочно останавливали офицеров и мичманов с подозрительной поклажей и отводили их для досмотра в караульную будку. Из нее задержанный выскакивал разозленный, бурча что-то неодобрительное, а вскоре матрос выносил пару-тройку бутылок, подходил к краю причала и с горестным выражением лица разбивал их одну о другую. Осколки крупными слезами падали в воду.

Но здесь выручала мужская солидарность в части жидкого «продукта питания»: при обратном подходе к КПП и при выходе на причал Кислой губы с североморского – из Мурманска, соответственно, с мурманского – катера, офицер или

* В эпоху «сухого» закона в США двадцатых-тридцатых годов так именовались контрабандисты спиртного. – Прим. авт.

мичман подмигивал гражданскому попутчику, тот согласно, дружелюбно кивал головой и перехватывал свободной рукой опасную поклажу. Все, включая дневальных матросов, понимающе ухмылялись, но ведь инструкции-то соблюдены!

♦ От играющих в карты старшеклассников Николка многое, официально потаенное, узнал об участии подлодок *их* четвертой эскадры в октябрьских событиях на Кубе, вернее в окрестной ее акватории Карибского моря – с юга и Атлантики, с севера острова, вокруг блокированного кораблями всего американского Атлантического флота. Как у них, заокеанских, принято, флот этот тоже имел свой номер, который Николка не знал, а спросить у кого-либо из ребят щепетильно не решался: сочтут невеждой в военно-морских делах...

Точно также не уточнял: Серега Агафонов, его предшественник по заведению радиорубкой, сын, родственник или просто однофамилец каперанга Агафонова, командира бригады из четырех подлодок, но с атомными торпедами, от пирсов Полярного проследовавших к Кубе? Так получилось, что эти четыре дизельные подлодки* в случае начала военных действий должны были противостоять всему Атлантическому американскому флоту – самому мощному из всех «номерных» флотов! Понятно даже восьмикласснику Николке, что атомными торпедами вполне можно пустить на дно Атлантики, вернее расплавить в эпицентре взрывов, авианосцы америкосов, однако дизельные лодки бригады Агафонова уязвимы основательно: им нужно всплывать для зарядки аккумуляторов, а это ситуация «против лома нет приема» – всплыть в зоне рассредоточения кораблей блокадного кольца – и все кончено; обнаруженная до начала военных действий подлодка уже как самая свирепая собака, но на цепи, а после начала войны и вообще как цель для учебных стрельб.

И только в нынешние времена Николай Андреянович узнал из телепередач, что, как всегда оказался виноватым... нет, не притча во языцех Чубайс Толик, но все тот же Никита Сергеевич. Почему-то до него не дошло – или в генштабе опасались правду-матку сказать? – что на тот момент все первые атомные под-

* Эти подлодки 4-й эскадры: Б-4, Б-36, Б-59 и Б-130 – должны были противостоять двум сотням американских кораблей, в том числе трем авианосцам...

лодки Северного флота либо ремонтировались в Северодвинске, или же по другим причинам в строю не находились. А услышав про лодки с *атомными торпедами*, наш Кукурузник и проассоциировал их по своей простоте с *атомными подлодками*. Вот и послали на возможный убой стрелочников... Но на линии блокады, вроде как со стороны Атлантического океана, все лодки бригады были обнаружены американскими противолодочными кораблями и принуждены к всплытию.

Только подлодке Агафонов, опытнейшего в четвертой эскадре командира, удалось оторваться от преследователей, уйти в сторону Атлантики и затаиться. Все одно и ей бы долго не продержаться, но на ее морское счастье заварушка с Кубой благополучно завершилась, а все четыре лодки бригады, еще с месяц подождав, заправившись соляжкой с танкеров-плавбаз, взяли курс норд-ост наискосок через Атлантический океан и, обогнув с севера Британские острова и Норвегию, вернулись к своим пирсам в Екатерининской гавани Полярного.

Впрочем, самый интересный момент – каким образом американцы заставляли всплывать подлодки бригады Агафопова? Николка прояснил это не из разговоров юных любителей покера и кинга, а узнал из первоисточника. Дело в том, что не только его одноклассники заходили к Николке в радиорубку поговорить на радиолюбительские темы, послушать новые записи на казенном магнитофоне «Комета», с «серьезным видом знатока» порассуждать о втором пришествии чарльстона и новомодных твисте и рок-н-ролле, а также старшеклассники в картишки перекинуться наскоро. Можно было увидеть и подводников из числа срочнослужащих.

Да-да, именно срочников последнего года перед демобилизацией. Обычная практика того времени: наиболее успешные «в боевой и политической», со средним образованием – а иных в подплав не брали, если только в коки с восьмилеткой? – собирающиеся связать свою дальнейшую жизнь с морской службой, приказом зачислялись в разряд кандидатов для поступления в ленинградское училище подводного плавания. А чтобы восстановить в памяти для вступительных экзаменов несколько подзабытые за три года службы школьные познания, по дого-

воренности подплава со школой, шефом которой он и являлся, для кандидатов со старшинскими лычками на квадратных погончиках действовали что-то навроде вечерних курсов «повторения», занятия, на которых вели – как понимал Николка, за надбавку к зарплате – школьные учителя.

Вечерние – не вечерние, но приходилось и морякам подлаживаться к школьной занятости учительниц (в две смены занятия), а последним часто приходилось слышать на вопрос к группе: «А где Иванов, Коломойченко и Горидзе?» – ответ: «Буки двадцать восьмая вчера в море вышла, так что Иванова и Горидзе, Наталья Сергеевна, может с месяц не увидите. Зато Коломойченко как штык теперь будет на занятия являться: их лодку ставят на ремонт, весь экипаж второй день в Палой губе авралит, заводским матчасть сдают».

♦ По причине такого подлаживания по времени занятий, кандидатов-старшин нередко можно было увидеть в школе и пополудни, когда после уроков Николка что-либо мастерил в радиорубке. Чтобы не отвлекаться на стуки в дверь – дежурная по школе учительница, старшая пионервожатая по делам, те же старшеклассники, дружок Сашка Белозеров и прочие, – держал ее приотворенной в коридор. Раз открыто, значит хозяин на месте, заходи! Как-то старшина с тремя лычками, явно перепутав двери, вошел, заинтересовался, поговорил с пацаном, а увидев пепельницу, попросил разрешения покурить.

Моряки, особенно подводники, народ дружный между собой. Где один побывал, дорожку проторил, там и другой, третий начали к Николке захаживать. Николка, сам выросший в маячном малолудстве, скоро сообразил: матросам по третьему году службы, где замкнутое пространство подлодки в море и скученность подплавной казармы на берегу, а вокруг только люди в форме и флотская дисциплина, требовалась отдушина – хотя бы временная, на пару-тройку часов, смена обстановки, а главное, общение с людьми вне флотского круга. Но с кем та душа матроса, за вычетом двух с довеском лет службы расставшегося со своей школой, не отдыхает, как в общении с пацанами, в данной обстановке со школьниками старших классов, к которым Николка был приравнен по своей солидной должности. Существенно, что в беседах с ребятами матросам не следовало забо-

титься о выборе тем и слов. По сложившейся традиции, хотя тот же старшеклас-ник и верзила под метр девяносто, но обладает вроде как экстерриториальностью по части всяких военных тайн...

Он сразу выделил из заходивших в радиорубку кандидата Гришу, имевшему редкое для срочника звание главстрашины. Правда, от него Николка узнал, что в четвертой эскадре и вовсе пара уникумов дослуживает срочную, незадолго до дембеля получивших чин «сундука»*. Понятно, что не за подхалимаж и угодничество, что на флоте категорически пресекается, но за воинский профессионализм и отличие в критических случаях, которые на подлодках, увы, не редки. Тем более, Гриша оказался родственной душой – радистом, приписанным к БЧ-5 подлодки, да не простой, как вскоре выяснилось, а одной из ходивших на Кубу в бригаде Агафонова и принужденной янкимэнами к всплытию.

– Понимаешь, Коль, – разговорился (хотя и некурящий) главстаршина Гриша, – в невоенное время, хотя тогда и близко было к войне, существуют неписанные, неуставные правила, которые строго соблюдаются одновременно обеими противостоящими сторонами. Так и в случае, когда потенциальный противник обнаружит вашу лодку. Или наоборот. Вот и нас в зоне блокадного кольца по шуму винтов засекли эхолоты американских противолодочников. И наши слухачи по их винтам сообразили: окружили плотно, уйти не удастся. Поэтому команда на выключение двигателя: замри на глубине, все сколь-либо шумящие электромеханизмы выключить. Команде на своих постах замереть, не дай бог что-нибудь железное уронить. А корабли сверху уже перешли на активную эхолокацию, окружили нас и по квадратам муляжи глубинных бомб начали сбрасывать. Вот и нам предназначенные имитаторы застучали по палубе мягкого корпуса. И их эхолоты засекли попадание. Все, кончен бал, тушите свечи. Здесь и срабатывает неписанное правило: сейчас муляжи лодку долбят – эквивалент боевых в военное время. Всплывайте, никуда уже не денетесь!

– И что, так и всплыли? А если война?

* Как в наземных войсках прапорщики (в описываемое время ротные старшины) именуются заглаза «кусками», а в авиации «макаронниками», так во флоте «сундуками» – от старинного права мичмана на собственный вещевой рундук. – Прим. авт.

– В войну попытка смертника: двигатель на полный и зигзагами пробовать уйти. И наш командир дал команду на прорыв. Но куда там? Такая прорва нас сверху обложила, что ни скорость, ни зигзаги ни к чему не привели: бочки с песком как стучали о палубу, так и продолжают. И их эхолоты это фиксируют и курсы противолодочников подправляют. Хотя правило и неписанное, но в мирное время за всплытие обнаруженной лодки, у которой аккумуляторы почти разряжены, под трибунал командира не отдают. Всплыли.

– А дальше что?

– Весь экипаж и при всплытии по своим постам. Как под водой, так и на поверхности – ничего не видим. Только после от старших офицеров, что с командиром в рубку поднимались, где иллюминаторы, узнали: американские матросы с кораблей, что нас окружили плотно, руками машут, что-то кричат. То ли матерят нас на своей фене, а может и приветствуют, дескать, куда вам против нас, отдыхайте, рашенские моряки! Америкосы, если их за жабры не берут и речь не о долларах идет, так вполне нормальные люди, не озлобленные. Но это моряки. Вот ихние летуны, то ли команду такую получили, а может и отсебятину для остротки нашей творили, но вели себя по-хамски. Но скорее всего провоцировали – опять же по полученной команде. Без конца взлетают с авианосца, что в десятке миль стоит, нас облетают, в пике идут, из пушек очереди дают вдоль лодки в считанных метрах... Годки* с лодки Б-59 Архипова (Николка сразу вспомнил девочку с этой фамилией из шестого или седьмого класса), что тоже принудили всплыть, шептались – за что, Коль, купил, за то и продаю, – мол, Василий Александрович не стерпел, когда самолет задел очередью корпус, правда получилось под углом рикошета, и вроде как готовился отдать приказ вклепить атомную торпеду в авианосец. Ну, случись так, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

...На этом месте Николай Андреевич притормозил: да, нынешние комментаторы в документальных фильмах о Карибском кризисе именно Василия Архипова называют как потерявшего терпение от наглости американцев и собирав-

* Это как земели в сухопутных войсках; обычное обращение матросов друг к другу, как правило, одного или смежных годов призыва. – Прим. авт.

шегося было отдать приказ о ядерном торпедировании авианосца, то есть о начале Третьей мировой войны. Но вроде как замкомандира сумел успокоить того. Однако Николай Андреевич, просмотрев по телевизору такой фильм и вспомнив давний рассказ главстаршины Гриши, однозначно пришел к выводу: и Гриша, и сценаристы нынешних фильмов о Карибском кризисе подпадают под действие присказки: слышал звон, да не знает где он. Тем более все путаются: на тот момент на буки-59 собственно командиром был Валентин Савицкий, а Архипов, кавторанг, тоже на лодке находился, представляя командира бригады... Ибо командир лодки не имеет ключа-шифра к ядерному оружию на борту – это сейчас и дети из интернета знают. Скорее всего, была у командира мысль дать залп из обычных торпед, но ими авианосец, да еще когда вокруг снуют другие корабли, потопить – желание почти что вздорное...

♦ Фидель тогда обиделся на Хрущева, убравшего атомные ракеты с Кубы, но Микоян, который «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», как распевали столичные диссиденты-гитаристы навроде Окуджавы, Галича и будущего министра культуры Израиля, сумел-таки разъяснить главному барбудос обоюдную пользу их стран от мирного разрешения Карибского кризиса. И вот в конце апреля следующего года Кастро совершил знаменитый свой, почти сорокадневный визит в Советский Союз.

Как понимал Николка, опасаясь покушений со стороны американцев – за просто и самолет могут сбить, с них станется! – Фидель Кастро летел с остановкой в Мурманске. И то телерадио сообщили, видимо по той же причине, о прилете его только по посадке самолета в заполярной столице. Как с полетом Гагарина.

Николка, по своей обязанности заведующего радиорубкой включавший на большой перемене трансляцию мурманского радио, первым огорчился, услышав о прилете Фиделя в Мурманск, где он сделает остановку и выступит перед жителями первого для него советского города на стадионе. Огорчились и другие ребята из старшеклассников: знай они хоть завтрашним днем о прибытии кубинского Вождя, так сегодня с утра, плюнув на уроки, в лучшем случае неубедительно сославшись на простуду в холодрыжной здешней весне, смотались бы в Кислую, се-

ли на мурманский катер и за девяносто копеек, с хоровым пением – «слышишь чеканный шаг – это идут барбудос» – помчались бы курсом строго зюйд к точке назначения, где от слияния рек Колы и Туломы начинается Кольский залив и раскинулись по прибрежным сопкам и ущельям дома областного города. В основном пятиэтажные – «Пятиэтажный город» – вспоминал в таких случаях название романа известного латвийского писателя Вилиса Лациса^{*}, книга которого с маячных времен имелаась дома, что Николка не менее двух раз в год перечитывал... Это о буржуазной Риге довоенных времен. Через КПП причалов в Кислой губе Полярного и Мурманска старшеклассники гордо проходили, показывая новенькие зеленые паспорта с известным штампом в графе специальных отметок, а Николка предъявлял свидетельство о рождении, местом которого была указана Белокаменка – на полпути между Полярным и Мурманском. Лишь немногие беспаспортные сверстники его имели подобные указания – из «коренных». Все остальные могли выбрать из Полярного только с родителями...

Увы, такое счастливое свидетельство о рождении здесь не помогло. Поэтому выступление Фиделя Николка слушал в радиорубке на всех переменах, после уроков бегом миновал сотни ступеней Чертова моста через распадок-каньон с ручьем Чайковский и продолжил слушать дома. По подсчетам Николки героический Фидель говорил не менее шести часов. Тем более, что без перерыва, делая только паузы для переводчика. Говорил очень четко, ясно, легко переходя от яростных угроз американскому империализму к благожелательной благодарности братскому советскому народу и лично «дорогому Леониду Ильичу Брежневу». Николка особо не вслушивался в речь переводчика, но как-то целиком, без разбивки на слова и предложения понимал ее смысл. Тем более, что смысл этот крутился вокруг трех главных тем... или моментов: американская угроза вернуть народ к нищете и угнетению, братская советская помощь (Николай Андреевич тотчас вспомнил кубинскую медаль и грамоту за подписью Рауля Кастро – военного министра, что видел дома у Артура), счастливое социалистическое будущее героического кубинского народа. Под конец же многочасового выступления Фиделя

^{*} В 50-60-е годы Вилис Лацис являлся председателем Верховного совета Латвийской ССР. – Прим. авт.

Кастро Николке показалось, что уже без перевода понимает испанскую речь. Ориентировался он на знакомые слова: венсеремос, патриа о муерте, компаньерос, контрас и гусанос, но пасаран американо империализмо, социализмо и коммунизмо, вива Куба – вива советика! и еще с десятков других. Даже не зная смысла всех промежуточных слов, по знакомым ему и изменяющейся интонации Фиделя Николка начал, опережая переводчика, понимать содержание речи.

Вечером по мурманскому телевидению – а другого в области и не было – в новостях забыли напрочь про вечное соцсоревнование по вылову рыбы между Тралфлотом и Сельдяным флотом же, а все время, да еще с солидной прибавкой из следующей по программе передачи, отвели выступлению бородатого Фиделя на стадионе. Хотя стояли последние дни апреля, но солнце уже с видимой неохотой уходило на ночь за горизонт, утром вставая на востоке из глади Баренцева моря, а вечером опускаясь в него на западе, однако поднималось в полдень еще невысоко, скользило по покрытым снегом пологим верхушкам сопок. С вечно холодного – не зря же поморы звали его Студеным! – Баренцева моря тянуло в Кольский залив, доходило до Мурманска ледяное дыхание Арктики. Светло и холодно – так учился понимать весну в смене времен года дошкольный пацаненок Николка. Вот и сейчас видел он на экране домашнего телевизора марки «Старт-2» впритыску заполнивших ряды стадиона людей в верхней одежде, мужчин в шапках или кепках, женщин в платках, беретах, редко в шляпках. И Фидель Кастро, прилетевший из своих тропиков налегке, стоял перед микрофоном тоже в подаренных ему шапке с кожаным верхом и канадке*. Таким он Николке – Николаю – Николаю Андреяновичу и запомнился. И один вопрос его мучил: как Фидель без перерыва так долго говорит и не закуривает свою знаменитую – по плакатам и иллюстрациям в «Огоньке» и других журналах – сигару?

♦ Бородатый Фидель во флотских шапке и канадке, когда оператор показывал его во весь кадр, словно копия отца его Андреяна, что по переезду в Поляр-

* Зимняя одежда военных моряков в северных широтах: кожаная овчинная куртка с умеренно стриженным мехом изнутри, единая с таким же глухим капюшоном и плотным поясом на одну треть бедра длины. Куртка и капюшон застегиваются молнией. Поверх кожа покрыта водонепроницаемой лаковой краской. Обезьянничавшие «с Америки» телерадиоведущие именуют ее «аляской». – Прим. авт.

ный в морозные дни ходил на работу в дэкаф в такой же одежке. Не говоря уже о его старообрядческой бороде. Как два брата-близнеца. Даже небольшая испанская горбинка носа Фиделя копировалась у отца такой же – след легко чиркнувшего пониже переносицы тупого осколка немецкой авиабомбы, сброшенной обычным гостинцем на пустынный скалистый остров Торос, где только вышка поста СНИС’а и одноэтажная казарма при нем. Но все это значилось на гитлеровских оперативных «трехверстках», поэтому и приказ люфтваффовцам, летящим бомбить Мурманск: непременно сбросить на пост одну экономную бомбочку кило на пятьдесят... К их огорчению, но к удовольствию торосовских снисовцев за всю войну пост и казарма не пострадали. Но осколки свистели, вот и старшине поста Андреяну слегка нос подпортили.

...Словом, сходство полное. Даже десятилетняя разница в возрасте – Фидель помоложе – в этих годах да при бородах неразличима.

А в памяти Николая Андреевича этот фрагмент воспоминания затенился более поздним, когда они с Артуром приятным августовским днем решили несколько отдохнуть, взяли с полудня «колхозные» отгулы и через полчаса были уже в центре города. Артур предложил начать по-кубински. Купили по сигаре *маде ин Остров свободы* в первом попавшемся на пути киоске и вошли в ресторан, названный в честь затхлой речки, пересекавшей город, где недавно открыли новомодный бар с подачей единственного сомнительного коктейля с импортным наименованием «джус».

Уселись на высокие стульчаки у стойки, задымили «малыми гаванами», потягивая через трубочки смесь водки с «червивкой» местного совхозного производства, что разбитной бармен Сева разливал из бутылок с красочными иностранными наклейками. Под сигары и разговор само собой настроился на кубинские темы. Артур, не хуже Фиделя, мог часами вспоминать свою тамошнюю службу.

– ...Ты думаешь, Андреевич, что Куба только совершенно ненужным нам тростниковым сахаром, ромом «Негро» и сигарами, которым наши мужики явно предпочитают «Беломор» и «Приму», а *антиллигенты* болгарские с фильтром, расплачиваются за содержание ее на балансе Советского Союза?

– Почему, еще сигаретами «Ким» и «Партагас» по пятнадцать копеек пачка. Впрочем, их у нас тем более не курят: табак вирджинский, а мы привыкли к турецкому, выращенному в Абхазии и Молдавии.

– Вот именно. Нет, их равноценная помощь нам – кубинские дивизии в Африке – от Мозамбика и Анголы до Эфиопии, где они основная наша боевая сила в советских зонах влияния.

Николай тотчас вспомнил фотостраничку из «Огонька», висящую на стене у рабочего стола и кульмана Артура: на фоне закатного африканского солнца, в пустыне, у распахнутого входа в шатер бедуина сидят на коврике, скрестив ноги, Фидель Кастро с неизменной сигарой, но уже «большой короной», и самопровозглашенный восьмой пророк аллаха, полковник Муаммар Каддафи, руководитель Ливийской Арабской Социалистической Джамахирии.

– ...Кончено же и влияние через Кубу на Латинскую Америку. Тот же Че Гевара как пробный ход. И много всего другого, о чем, как говорится, в газетах не пишут и по телевизору не показывают.

– Да-а, компаньерос Артуро, кубинцы – это сила!

– Ха-ха, вспомнил вот про силу. Эти все латиносы, конечно, ребята крепкие, но под южным солнцем несколько флегматичными вырастают. Не умеют, как наши мужики, в полную силу напрячься. У нас, у локаторщиков была такая тренировка: вроде как дизель-генератор мощу сбавил, нельзя развернуть антенну на нужный курс движком, следует вручную ее крутить. Вот наши кубинцы по пять-шесть-семь бойцов навалются на раму решетки антенны и еле-еле до нужного румба доведут. Потом на травку прилягут, пот с них градом. Мы же для смеха зовем Санька, он из трактористов колхозных, тамбовец из Вердеревщинского района. Тот ухмыльнется, подойдет к антенне, напряжнется так, что бицепсы едва не рвут короткие рукава рубахи, секунда-другая и пошла родимая! Сначала еле заметно глазам, затем подшипники опоры застучат, и поехала антенна по кругу. Кубинцы наши в полном восторге, мол, гигантиссимо Санья! А в субботу идем строем, оба отделения, наше и кубинское, в баню на окраине городка. Без парной, конечно, у них этого в заводе нет – без того солнце круглый год парит! Моемся; у

Санька предмет-то, как говорится, среднестатистический, а у кубинцев, мулатов в особенности, такие болты! Теперь они дружелюбно смеются, как же ты, Сань, махе своей угодишь! Давай-ка, Андреяныч, допьем эту ебурлыгу, сядем в зале за столик и бутылочку беленькой из холодильника закажем. Под селедочку. А там по накатанной пойдет.

...Все же после репортажа со стадиона с выступлением Фиделя теледиктора перешла к соцсоревнованию между тресковым и сельдяным флотами, к увеличению производства в Оленегорске рудных окатышей для Северной Магнитки в Череповце и объема добычи апатита и нефелина на плато Расвумчорр и Кукисвумчорр. Николка отсел от телевизора в угол комнаты, начал ловить по приемнику вражеские голоса: что они думают-полагают насчет приезда Кастро в Мурманск?

Однако сквозь завывания мурманской глушилки голоса эти как-то вяло и неохотно сообщили о внезапном визите главного кубинского коммуниста в СССР, а затем, не хуже мурманской телеведущей, перешли к вечно злободневному: о преследовании советскими властями Андрея Синявского*, диссидента и талантливого писателя, издающего на Западе книги под псевдонимом Абрама Терца.

♦ Если во время кубинских событий осени прошлого года все внимание и мысли Николки были заняты день ото дня пустеющими пирсами Полярного и чистой гладью Екатерининской гавани, на рейде которой не стоял ни один корабль, то после выступления Фиделя Кастро на мурманском стадионе его охватило доселе неизвестное чувство восторга. Особенно когда ближе к концу мая, в оставшиеся до конца учебы дни, в почти начавшемся полярном дне, после уроков забежав домой подхарчиться, Николка уходил в сторону столь памятной по маячной жизни на Большом Оленьем переймы. С уже забытой тоской по далекому дому, только с ее отголосками в памяти, спускался он на плавучий якорный бревенчатый причал, покачивающийся на легком волнении в проливчике, соединяющем восточную часть Екатерининской гавани с Кольским заливом. Постояв, поднимался по лестнице на шарнирах, брал вправо и заправским альпинистом за десяток минут взби-

* Вроде как будущий министр культуры в Израиле? – могу по давности лет и ошибаться... – Прим. авт.

рался на верхушку горы Энгельгардта, самой высокой сопки, с которой как на ладони, прямо под ногами, открывался вид на город с его домами и пирсами с кораблями, Екатерининскую гавань и южный берег Екатерининского острова – почти сплошь скалистый, обрывом уходящий в воду.

И вид этот непроизвольно вызывал в нем это самое чувство восторга, до озноба в теплый день, до щекотания щек вроде как ветерком в совершенно тихую погоду – а это к щекам и лбу прилиwała горячая кровь. Все по причине внезапного восторга. Какая же мощь собрана у пирсов и на рейде гавани! И это всего лишь эскадра подлодок и надводные корабли третьего класса* – более крупные на просторном рейде Североморска. А еще многие, менее крупные оперативные базы по всему северному и Терскому, то есть восточному, берегам Кольского полуострова и далее по берегам Белого моря и еще дальше в восточную Арктику, в Карское море... Но главное, быстро нарастающая сила Северного флота – это построенные в Северодвинске атомные подводные лодки, что базируются неподалеку от Полярного в губах Кольского залива, севернее его по левому берегу. Те самые, вместо которых Хрущев, перепутав их по слабому знанию флотских дел с дизельными подлодками с атомными торпедами, и послал на Кубу бригаду Агафонова: четырем лодками противостоять всему Атлантическому флоту Соединенных Штатов.

Но ведь тем не менее и Северный флот не последнюю роль сыграл в мирном разрешении кризиса вокруг Кубы? Усмехнувшись, Николка вспомнил известную на флоте байку, что слышал от Сереги Ивлева, в которой вольно расшифровываются принятые сокращенные названия: *СФ* – современный флот; *ТФ* – тоже флот; *ЧФ* – чи флот, чи ни флот – много украинцев на него призывают, потому и «под мову»; *БФ* – бывший флот. Как пояснил Серега, даже и не североморцы изобрели эту присказку! А значит, действительно Северный флот самый мощный в стране. Оно и понятно даже восьмикласснику: именно *наш* флот напрямую противостоит американцам.

* По принятой в военно-морском флоте классификации: корабли первого ранга суть крейсера, бывшие линкоры и нынешние авианосцы; второго – эсминцы, большие противолодочные корабли... Сейчас все эти названия переведены на «американский язык». – Прим. авт.

Мощь флота – обороняющая сила страны, но главное, не только и не столько оборона, но наступление на весь империалистический мир, опережающее наступление, если обстановка становится совершенно нетерпимой. Как и было в случае с Кубой, нашими атомными ракетами на ней и участием Северного флота. И вывод созрел в голове Николки: ради такого государственно важного дела и возникла, и поддерживается полнокровная жизнь на скалах этих первобытно диких мест... При всем чисто русском бардаке, говоря словами отца, как в случае с бригадой подлодок Агафонова!

Если бы только с этой бригадой? Те подлодки как отчалили от пирсов Полярного, так к ним и вернулись в целости и сохранности. Ребята в школе говорили со слов отцов-подводников: кто с наградой и повышением в звании, а иные с распеканиями в штабе... Не раз слышанное Николкой, опять же явно со слов их родителей, что, мол, флот нужен в мирное время, а для войны он слишком красив и дорог, никак по его размышлениям не относилось к подводным лодкам. Для них ведь вовсе не примелькавшиеся слова, что у подводников вся их служба как непрекращающаяся война. Та же бригада Агафонова в дни кубинских событий; как совершенно откровенно, ни капельки не рисуясь, говорил главстаршина Гриша: «А мы, затаившись на предельной глубине погружения, замерев на своих боевых постах, в полной тишине считали удары болванок о палубу. И каждый отгонял мысль: а если следующая не с песком будет? Вот, Коль, и думай: война это или еще условно мирное время?».

А когда зимой прошлого года в один день сразу несколько учительниц появились в черных платках-повязках? – Все знающие старшеклассники поговаривали о подлодке С-80, не вернувшейся с дежурства на северном стыке Баренцева и Норвежского морей и бесследно исчезнувшей. Но шепотом говорили. Даже вражеские голоса ничего не прознали. Вот и думай: на войну или в рядовой недалекий поход выходила их Екатерининской гавани эта подлодка, уже не вернувшаяся на базу?

♦ «Чужую беду на бобах разведу, а к своей ума не приложу», – говорила мать своей архангелогородской пословицей, если случалось какое происшествие,

из ряда вон выходящее, вроде как напрямую тебя не касающееся, но оставляющее крепкий след в памяти.

Так и Николка, остро воспринимающий все события в городе, во флотской жизни, полагал: в Полярном корабли на приколе, пришвартованы к пирсам, стоят недвижно, двигатели давно уже солярки не пробовали на вкус, даже освещение от кабелей с пирса. Экипажи же подлодок, кроме дежурной команды, и вовсе перебрались к большую, многоэтажную казарму подплава, в увольнение ходят, в дэкаф на танцы, там же кино смотрят, спектакли театра Северного флота. Летом и вовсе, купив вскладчину на малую компанию бутылку-другую водки – пятерик при госцене два-восемьдесят семь – по известному, передаваемому от призыва к призыву, адресу в Старом Полярном в одноэтажных домах-бараках, отправляются в ближний загород, на поросшую вереском и вороничником пологую вершину невысокой сопки. Незаходящее солнце в зенит взошло, тишина и теплота, закуска от щедрот подплавского рациона: консервированные колбаса и сыр с тмином, калиброванная икра вобла из жестяных банок, собственно красная икра, порционные бруски горького шоколада с вафельными стенками-сотами. И под нее, родимую, драгоценную в официально «сухом» городе, самые душевные разговоры годков по третьему году, в старшинских погонах, о не столь уж далеком дембеле. Э-эх! Жизнь прекрасна!

И в полярный день, и в полярную ночь, то есть по северному исчислению времен года, в медленно приходящую весну и стремительно наступающую осень – стоят в Полярном эскадра подлодок и бригады надводных кораблей, жизнь на них размеренна, хотя и готовы выйти в море по приказу в сроки, установленные флотским регламентом. Война войной, а обед по расписанию. Хотя в данном случае наоборот. Трудно представить: что может случиться с той же подлодкой, пришвартованной к пирсу? Неважно каким номером: первым, вторым или третьим.

Увы, очень даже может. В этом Николка, весь Полярный горестно убедились... да что там Полярный – весь Северный флот, флот страны. И случилось это за десять месяцев до кубинских событий, а еще точнее – ровно в половине девято-

го условного утра (полярная ночь в апогее!) одиннадцатого января шестьдесят второго года. Первый учебный день после длинных, долгожданных новогодних каникул. Их седьмой «бэ» класс сонно позевывал, отвыкли за каникулы спозоранку с постели вставать в полную темень на улице, ждал на первый урок Марию Ивановну, что через год станет директором школы, учительницу русского языка. В половине девятого прозвенел звонок, дверь ушла внутрь коридора, отворяемая дисциплинированной в части времени и всего остального школьного ... и словно тоже сверившись со школьным расписанием, страшный грохот, резкий и короткий, без последующих раскатов, как то бывает при взрывах на море, потряс школу. Парты содрогнулись, хлопнув крышками, паркетный пол ощутимо ударил по стопам ног, зазвенели осыпавшимися осколками разбитые взрывной волной оконные стекла. В ту же секунду погас свет во всем городе: сплошной мрак за разбитыми стеклами окон.

По стенам, потолку, партам забегали лучи фонариков: в полярную ночь выйти без него из дома все одно как с завязанными глазами. А Мария Ивановна не то что тревожным, но каким-то глотающим голосом спросив, не ранен ли кто оконными осколками, велела, не толпясь и начиная с левого ряда парт, выходить в коридор, который скоро наполнился как на школьной линейке, только вразнобой. Стекла в окнах коридорной стороны целы – взрывная волна ударила по фасаду школы. От обилия включенных фонариков стало почти светло. И уже на их третий этаж поднялись завуч с физруком Ремом Давыдычем, который старшинским зычным голосом отдавал распоряжения от директорши: «Спокойно себя держите! Это не атомная война, а авария в подплаве. Покидаем школу в организованном порядке. Сейчас выходят первый и второй этажи, а по моей команде и вы пойдете по обеим боковым лестницам. Сразу идите по домам, чтобы родители не волновались. У кого нет фонариков и девочки скооперируйтесь с другими, которые со светом и поблизости живут. Разбираться будете в раздевалке, там свечи зажжены. Стекла не скоро вставят – по всему городу побиты. О начале занятий по городской радиотрансляции объявят, а у кого дома телефоны имеются, то еще и из школы позвонят. По цепочке друг другу сообщите. Сейчас ждите команды на

выход. На всякий случай от окон отойдите и стойте к ним спинами. Все! Без паники».

Подсвечивая путь фонариками, Николка и ребята, проживавшие в Старом Полярном, в полной темноте и тишине вокруг, дошли до Чертова моста, спустились-поднялись по сотням его ступеней. Сразу после моста он свернул налево, где на пологой сопке вразнобой расположились финские домики на одну-две семьи, что вместе именовались улицей Сивко, героического матроса военных времен. Оказалось, что в Старом Полярном все окна целы: от ударной волны эту часть города защитила сопка, начинавшаяся сразу от пирсов подплава. Дома мать уже зажгла на кухне керосиновую лампу, а в большой комнате неровно попыхивала свеча – все атрибуты бывшего маячного быта. Отец на кухне пил чай, ему идти в дэкаф во вторую смену. Равно как и младшим братьям в школу. Потому они еще дрыхли. Дом, как сказала ему мать, хорошо тряхнуло и указала на известковую пыль на полу, просыпавшуюся с потолка. Приемник был включен: отец тоже хотел убедиться, что атомная война отсрочена. Эти слова он повторил через десять месяцев – после окончания Карибского кризиса. А Николка присоединился к братьям: улегся на постель и крепко заснул: крепкий сон все тревоги гасит.

♦ Хотя каникулы продлили еще на десять дней, но мало радости они принесли. В тот же день взрыва, ближе к двенадцати, когда подачу электричества в городе возобновили, а небо посинело от загоризонтных лучей невидимого солнца, Николка проснулся, оделся, вышел из дома и уже по освещенным улицам, чертову мосту тож, пошел мимо школы на ближнюю сопку, с которой открывался широкий вид на Екатерининскую гавань: развороченные на сотню метров пирсы подплава, бегающие по разбросанным толстенным бревнам матросы, отрывистые команды, а главное, у самого разбитого пирса, в паре-тройке метров от него, страшно и молча, как по команде «смирно», замерла в угольно-черной воде поднятая кормой вверх взорвавшаяся подлодка. А в десятке метров другая лодка, стоявшая у пирса вторым номером к взорванной, уже затонувшая с дифферентом на корму, а на поверхности виднелась небольшая часть носа. И еще косо подня-

тый перископ. Возможно оставшиеся в живых моряки подняли его, чтобы разобраться: что наверху происходит? Осмотреться, говоря по-флотски.

Вечером, опять же условным, Николка с братьями отправился в конец улицы Советской, где за бревенчатыми домами почты и инфекционного отделения районной больницы раскатанный спуск с сопки – вся ребятня Старого Полярного собиралась здесь с санками. Как раз на углу почты Николка, заворачивая, налетел на матроса с двумя лычками на погонах, то есть старшину второй статьи. Тот топорливо шел со стороны Кислой губы, размахивая отпускным фибровым чемоданчиком. Несмотря на крепчающий к ночи мороз – на небе уже повисли потрескивающие струи северного сияния, – из-под шапки на лицо старшины натекал пот. «Парень, – остановился перед Николкой и спросил тревожным голосом, – правда народ в автобусе говорит, что тридцать седьмая буки взорвалась?»

Николка, уже знавший, что взрыв произошел на подлодке Б-37, буки-37 по-флотски, Балтфлота, а затонувшим вторым номером была С-350 Северного флота, кивнул головой. Старшина громко и судорожно втянул носом морозный воздух, закашлялся: «Как же... годки там мои, а я из краткосрочного, да на сутки опоздал, – прерывисто и растерянно заговорил он, – дорогу от нашего села до райцентра замело, опоздал в Киров на поезд...». Вышедшие с почты две пожилые женщины остановились, прислушиваясь. «Второй раз, парень, родился», – сказала одна из них, сочувственно коснувшись рукой рукава матросской шинели. Старшина непонимающе посмотрел на нее, снова втянул носом, сглотнул и скорым, в то же время неуверенным шагом направился в сторону близких проходных подплава. Другая же женщина покачала головой, обращаясь к товарке: «И не говорите, Светлана Федоровна, конечно, раз так парню в жизни повезло, но долго будет маяться: все погибли, а он живой. Опять же случай – не опоздай из отпуска, так со всеми бы... Молодой еще, не научился свою жизнь ценить. А раз цел остался, так сначала особысты на нем отыграются, еще что-нибудь придумают».*

* Действительно, придумали: нескольким оставшимся в живых матросам с Б-37 (отпускникам, имевшим суточную увольнительную в Мурманск) поручили самую страшную работу: по частям разорванных тел уточнять списки погибших... – Прим. авт.

Невеселое продолжение зимних каникул в нахмурившемся Полярном, городе подводников и братской могилы почти восьми десятков погибших, которую вырыли экскаватором на городском кладбище в Кислой губе, а гробы складывали в несколько рядов друг на друга. Весь экипаж тридцать седьмой, бывший на борту, а он был там весь, исключая отпускников и находившихся в увольнении, поскольку лодка готовилась к перешвартовке с последующим выходом в море, оказался в тех гробах. В той же самой могиле навеки остались десяток моряков с С-350 и еще почти столько же с других подлодок, резервного экипажа и береговой базы четвертой эскадры: кого осколок-обломок задел на пирсе, другие погибли в неразберихе первый минут спасательных действий.

...Вернувшись с братьями домой, Николка за ужином рассказал матери о встреченном у почты старшины с взорвавшейся подлодки, что из-за непогоды в далекой Кировской области на сутки опоздал на встречу... со своей смертью. Мать повздыхала, даже на минутку пригорюнилась. Сказала, как всегда, загадочно по-своему, по архангелогородски: «За тюрьму, за суму, да за богадельню – не ручись, а костлявая с косой и сама найдет своего избранника». Убирая со стола посуду, сказала в сторону Николки, допивавшего чай с печеньем и сгущенкой: «Ужо отец придет из дэкафа, может что расскажет».

В большой комнате брательника, бессмысленно радуясь продолжению каникул, смотрели телевизор. Николка ушел в общую с ними комнатку, лег на свою кровать, раскрыл на заложенной странице «Записки охотника». Мария Ивановна, выводя при свете карманных фонариков ребят из класса в коридор, все же не преминула сказать, чтобы использовали *эти* дни с пользой для учебы: читали рекомендованные по списку книги.

Через завешанный портьерой вход в спальню ребят донеслась музыкальная заставка последних известий. А какие известия у вражеских голосов? Николка отложил книжку Тургенева, вышел в большую комнату, уменьшил громкость телевизора, включил приемник. За окнами вовсю разбушевалось северное сияние, которое в невольном союзе с мурманской глушилкой забивало мерзкие для слуха голоса дикторов на службе империализма. Но вот один такой на пару минут про-

рвался: «...На Северном флоте Советов, в закрытом городе Полярном сегодня произошла крупнейшая за последние годы катастрофа, приведшая к взрыву и затоплению у пристани («пирсов, дур-рак!» – мысленно поправил Николка) двух подводных лодок». В этот момент северное сияние за окном расцветило все небо, а треск его и глушилки в Мурманске прервали забуторный голос. Только через пару дней, когда ионосфера прочистилась от северных сияний, Николка уловил вражеский голос, вещавший с претензией на основательность рассуждений, что катастрофа в Полярном наиболее существенная после взрыва линкора «Новороссийск» в Севастополе.

♦ Когда через десять дней после страшного происшествия Николка пришел в заново остекленную школу, то узнал от ребят, особенно от таких авторитетных как Серега Иевлев и сына контр-адмирала Юдина, начальника штаба 4-й Краснознаменной ордена Ушакова 1-й степени эскадры подлодок, много нового о взрыве у пирса пятого причала подплава, где лодки затариваются торпедами.

Оказывается, Б-37 готовилась к выходу в море для выполнения специального задания, даже двух: дойти до Новой Земли и выстрелить атомной торпедой (такие загружали в лодки не в Полярном, в другом, безлюдном месте, по пути следования) в береговую мишень; это как бы подкравшись под водой с южной стороны острова Лонг-Айленд на траверсе берегового городка Лонг Бранча дать залп атомными торпедами по Нью-Йорку... После чего, уже не возвращаясь в Полярный, следовать на дежурство в Карибское море: кризис вокруг Кубы готовился загодя, то есть лодки четвертой эскадры еще с конца шестьдесят первого сменяли друг друга в тех местах. А атомные торпеды – те самые, которые колхозник Никита спутал с атомными подводными лодками... Поэтому к утру одиннадцатого января злосчастная буки-37 стояла у пирса с полным боекомплектом обычных торпед и с экипажем на борту.

Но самое поразительное, как узнал Николка, что единственным в живых из находившихся на лодке в момент взрыва оказался... ее командир, кавторанг Анатолий Степанович Бегеба, отец его одноклассницы Лены. Саму ее, понятно дело, никто не расспрашивал. В таких делах любопытство неуместно; дети рано усваи-

вают флотские традиции. Тем более что сам кавторанг еще находился в госпитале со сломанными ребрами. Но многие ребята доподлинно знали от флотских своих отцов обстоятельства. Минут за десять до взрыва в носовом торпедном отсеке внезапно начался пожар. Командир находился на верхней палубе, собираясь спуститься в центральный пост, но резко повалившийся из входной шахты ядовитый густой дым отрезал этот путь. Бегеба, скоренько позвонив с причального телефона в штаб – сообщил по инструкции о пожаре, вернулся бегом на лодку и направился на корму к аварийному люку. Только через него единственно можно было спуститься в один из отсеков, а дальше действовать по обстоятельствам. Но здесь взрыв сбил его с палубы в воду. Он сумел, несмотря на сильную контузию, схватиться за что-то выступающее в стенке неразрушенного участка пирса.

– Так что собственно со взрывом, раз всю носовую часть до рубки разворотило, а у спешно отходящей эс-триста пятидесятой прочный корпус* пробило? – спросил Николка Серегу, почти все знающего от отца, не последнего человека в четвертой эскадре.

– Ни много, ни мало, но сдетонировали все двенадцать торпед – полный боекомплект носового отсека. А это где-то под пять тонн специальной взрывчатки, что в пару раз мощнее динамита – с тридцатых годов состав ее никому из западников не удалось установить!**

– Но ведь для такой детонации должен быть первичный взрыв той же торпеды, одной из двенадцати: стеллажной или которая уже в аппарате?

– Однозначно от нагрева в пожаре, – с нарочитой серьезностью ответил Серега явно со слов отца, – а отчего пожар? А гореть там есть чему. Меня в прошлом году батя сводил на свою лодку, так в торпедном отсеке единственно что сухого хвороста нет! Стеллажные же торпеды в смазке, тряпки какие-то... Отец говорит, что следствие только началось, а уже два десятка версий на слуху. Есть и совершенно нелепые, будто матросик, вечная ему память, паяльной лампой зава-

* У подводной лодки два корпуса (конструкция «матрешки»): внешний «легкий» и внутренний – прочный; концентрическая полость заполняется забортной водой при погружении, которая вытесняется сжатым воздухом при всплытии. – Прим. авт.

** В 1990-е годы, как и многое другое, перестало быть секретом. – Прим. авт.

ривал трещину в корпусе стеллажной торпеды, что при погрузке образовалась. Чушь, конечно! Здесь что-то посущественнее.

– А верно, что сам командующий ВМФ из Москвы к вечеру одиннадцатого января в Полярный прибыл?

– Верно, был Горшков. Большой сбор с разносами в подплаве устроил; понятно, батя мой там находился. В госпиталь к раненым заходил, а Бегебе вроде как сказал, что его место не на больничной койке, а в Кислой губе быть захороненным вместе с экипажем... Ну-у, его, Горшкова, тоже можно понять. Его ведь самого в минобороны Устинов, а в цека Хрущев по головке не поглядят, медовым пряником не попотчуют... – Серега на секунду замолчал, но честно сознался, – отец так говорил. Смотри, Ленке при Кислую не сболтни, она и так не в себе. Как бы отца ее под трибунал не подвели! Но флотский его рост при любом исходе остановлен. А ведь многие в подплаве ему завидовали: глядишь, через год стал бы каперангом в тридцать шесть лет! Это по флотским меркам гарантированный запас для адмиральской звезды...

Опять Серега перешел на пересказ слов отца.

♦ Но то ребята меж собой передавали услышанное от отцов, вернее подслушанное, когда те, улучив свободный вечер, собирались на кухне помянуть экипаж буки-37 и других подплавовских моряков, ныне неуютно покоящихся в Кислой губе в мерзлой земле в ряд на ряд сложенных домовинах. Так мать их называла, избегая страшного слова гроб. Понятно, что жителям Полярного, да и неподплавовским мореманам даже намеком никто о возможных причинах взрыва в Екатерининской гавани не говорил. Поскольку же во дворе дома, что позади Циркульного, в землю врезалась и стоймя торчала половина разорвавшегося баллона со сжатым воздухом, а вторая пробила крышу другого дома и покалечила ноги спящей маленькой девочки*, то по городу гулял устойчивый слух: на лодке при погрузке переломился и взорвался такой баллон. Звучало правдоподобно: его

* Девочка выжила, лучшие ортопеды страны буквально по осколкам собрали ноги. Она живет в Полярном, является председателем городского общества инвалидов. Судьба ее подробно описана в книге «Черная эскадра» (2003 г.) известным писателем-маринистом Николаем Черкашиным, служившим на четвертой эскадре в семидесятые-восьмидесятые годы. – Прим. авт.

объем и давление сжатого воздуха в пятьсот или даже в тысячу атмосфер могли снести перегородки между отсеками и сдетонировать торпеды.

Все страшное, опасное, тоскливое забывается. И тем скорее, чем меньше об этом вспоминают, вообще говорят, тем более единственный рупор пропаганды – вражеские голоса – успешно забивает мурманская глушилка. Так и со взрывом в Екатерининской гавани. Уже на следующий день все рваные железяки, порой весом близко к тонне, разбросанные взрывом по Новому Полярному, даже до подстанции, что за городской чертой, долетавшие, отчего и электричество на время отключилось, были убраны. К остеклению домов привлекли всех, кто имел понятие о таких делах: от гражданских работяг до стройбатовцев. Остатки буки-37 на понтонах куда-то буксиры оттранспортировали; эс-триста пятидесятую на ремонт в Палую губу на завод таким же образом доставили. Скоренько и бревенчатые стены пирса пятого причала заново сколотили, причальную площадь заасфальтировали. По прошествии принятого времени и женщины в черных платках, в школе две учительницы в черных повязках на головах, перестали встречаться на улицах города. А завершившая свое климатическое дежурство полярная ночь, неясные веяния близкой весны, мартовские школьные каникулы и вовсе выветрили из ребячьих голов события того страшного и грозного январского дня, вернее утра.

К лету, летним длиннющим каникулам и долгожданной поездке семьи на Большую землю, еще именуемую средней полосой, и вовсе спасительное устройство человеческого мозга не оставлять в голове надолго память о неприятном пережитом вытеснило мрачное видение: морозное темное утро середины зимы, развороченный бревенчатый причал, впритык к нему торчащая вертикально вверх корма одной подлодки, а в нескольких метрах краешек носа затонувшей на мели, на которую успел оттащить подлодку буксир, другой.

Июнь и июль в «Отпускной» калужской деревне на высоком берегу Угры, недалеко отсюда впадающей в Оку, и вовсе убрало память о катастрофе. Благо в избе отцовой сестры Настасьи имелась только радиоточка районной трансляции, по которой вражеские голоса не распространялись. Так что и им не удавалось по-

тревожить Николку занудливым поделдыкиванием о «самовзрывающихся в мирное время подлодках Советов».

Возвратились в Полярный. И это неплохо: август – самый тихий, солнечный и теплый – не жаркий! – в Кольском Заполярье. Одно удовольствие ребятам бродить по окрестным сопкам; морошка уже отошла, но черники и голубики завались! А еще лучше с ижевской двустволкой отправиться на городскую свалку, что разумно устроена на обширном болоте, все отходы жизни Полярного, привозимые самосвалами, в нем тонут. По берегам же стаи крупных северных куличков порхают. С такой ближней охоты возвращался Николка с десятком птичек, из которых мать варила немыслимо вкусный суп, что разливала по тарелкам с «порционным» куличком... Август он и на арктическом берегу август: тепло, уютно и никаких уроков! Только чтение книг по долгим еще вечерам.

Поскольку большинство одноклассников отсутствовали в Полярном – городские еще не вернулись с Большой земли, а интернатские только к первому сентября из своих поселков, рыбколхозов и военных «точек» соберутся, – то и новостей никаких. Оно и спокойнее порой, ведь новости могут и тревожными быть, либо и вовсе пустыми. «Слышали вести – украли петуха с насести!» – как обычно, по-деревенски смеялась мать над иной нелепостью.

Но отец в первый же свой рабочий день принес из дэкафа новость, подробно обсказанную ему Варварой Пантелеевной, которую он для краткости называл за глаза Пантелеевной. Главное, она всегда была в курсе новостей и не имела обычной бабской привычки перевирать их.

♦ Оказывается, отца Лены, чудом оставшегося в живых командира взорвавшейся подлодки, отдали под суд трибунала Северного флота. Кто этого потребовал: командующий советским флотом Горшком, министр обороны Малиновский, в цека так решили, может сам Хрущев, или решило сделать Анатолия Степановича Бегебу «стрелочником» командование флота в Североморске? – этого даже всезнающая Варвара Пантелеевна не могла предположить. Отец же, пересказывая Николке, выразился так, что в военное время флотские начальники, конечно, сидят на своем месте по праву и дельно командуют, не перепихивают друг

на друга неприятности, не сваливают на подчиненных вину за исход своей неправоты, словом, на службу не набиваются, от службы не отбрыкиваются. Даже политотдельцы от демагогии часто переходят к полезному делу. «Но вот в мирное время, Колька, как будто не в своей тарелке начинают себя чувствовать, словно постоянно ходят в ботинках на два размера меньше. Сами себя начинают опасаться: как бы чего не вышло? А политотдельцы и вовсе к своим прямым обязанностям возвращаются: ленинские комнаты оформлять, руками матросов, конечно, и про мудрую политику партии и правительства проповеди возглашать. Должно быть оттого, что военный человек для войны и создан, а в мирное время как одетый в бане...».

Николка правильно понял несколько цветистую речь отца: на полке одежного шкафа еще оставалась пара-тройка бутылочек «отпускной», из Мурманска захваченной. Вот и баловал себя по маленькой после работы, перед ужином... Раз есть чрезвычайное происшествие, так должен найтись и «стрелочник»!

Судили кавторанга где-то в середине июня, когда Николкино семейство уже в Дворцах вторую неделю находилось. По словам Варвары Пантелеевны выходило, что трибунал Северного флота прибыл в Полярный, где и происходил суд, понятно, без лишних глаз и ушей.* Кто бы и что бы «в верхах» флотских не ждал от трибунала, но тот командира лодки оправдал полностью. Подробности Варвара Пантелеевна не ведала – дело-то сугубо секретное. А с началом занятий в школе Николка узнал от Сереги Ивлева, что Бегебу «на всякий случай» перевели служить в Баку, в тамошнее военно-морское училище, готовить кадры для Каспийской флотилии – преподавателем. Больше до выхода на пенсию с берега не отпускали. Серега предположил, что тем самым «верхи» вроде как условно и назначили его «стрелочником»: на безрыбье и рак рыба. Опять же такая традиция на флоте есть: уцелевшего командира погибшего корабля избегать на такую же должность ставить. «Это, Никол, не авиация, где пилот сам себе начальник и подчиненный. Там наоборот по пословице: за одного сбитого двух несбитых дают!».

* Н.А. Черкашин в своей «Черной эскадре» сообщает, что Бегеба защищал себя сам, отказался от услуг назначенного трибуналом адвоката – женщины, более чем далекой от технической и прочей специфика службы в подводном флоте. Н.А. Черкашин в 90-е годы лично встречался с Бегебой. – Прим. авт.

Но прошел год, другой, а Лена продолжала учиться в их классе. От одноклассниц, через третьи руки, слышал Николка, что Баку – это почти другое государство, с квартирами для военных там туго, поэтому пока не может семью перевезти. Только перед самым окончанием школы Лена с матерью уехали в Полярного – дали-таки полуопальному кавторангу квартиру в столице «разворованной республики» – так во вражеских голосах именовали Азербайджанскую советскую и пр. Впрочем, к кавторангу Бегебе это никакого отношения не имело. Вражеские же голоса в эти годы привлекали на службу эмигрировавших из страны – через дурдом Кащенко – диссидентов, которые, как литераторы по преимуществу, любили порой вставить пару-тройку пословиц русской народной мудрости. Вот и говоря о воровстве и партийном кумовстве в Азербайджане, к месту, надо сказать, цитировали: «Не думай быть взяточником, думай быть возвратчиком!» или «Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют». Видать, на прежней своей временной (от рождения) родине на досуге словарь Даля и трехтомник Афанасьева впрок почитывали...

И вообще с началом осени школьников все больше донимали уроки, а взрослых очень пакостная в сезоне этого года погода. Про взрыв в Екатерининской гавани совсем перестали говорить, тем более день ото дня разогревалась заваруха вокруг Кубы, а подлодки четвертой эскадры покидали пирсы Екатерининской гавани. Другие мысли, иные заботы, страхи – и все в полной неизвестности и неопределенности. Флот есть флот, тем более *СФ* – современный флот, нацеленный на Америку.

♦ В пятидесятую, горькую годовщину взрыва в Екатерининской гавани Николай Андреевич, раз в неделю просматривавший – по служебной необходимости – электронную почту на кафедральном компьютере, с изумлением обнаружил обращенное к нему письмо из Петрозаводска от бывшего одноклассника и школьного друга Юры. Тот сообщал, что адрес бывшего Николки, а ныне новоиспеченного доцента Тулуповского университета Николая Андреевича он совершенно случайно, прореагировав на *ФИО* и название города в их сочетании, обнаружил, просматривая по службе отчеты по конференциям и другим мероприяти-

ям, так или иначе связанных с Петрозаводском и Карелией вообще. Сообщал: после школы окончил физмат здешнего университета (Николай Андреянович знал про его намерение в выпускном классе), по распределению попал в Северодвинск на Севмашпредприятие, где и проработал до начала нынешнего века и тысячелетия по информационному обеспечению строительства атомных подлодок. Когда к началу того же века и тысячелетия стапели и верфи гордости бывшего советского кораблестроения совсем опустели, вернулся в Петрозаводск, откуда родом супруга. С учетом прежнего опыта и квалификационных записей в трудовой книжке, быстро пошел по должностной лестнице республиканской госслужбы. Теперь же в ранге технического руководителя информационно-статистического управления Карелии. Считай, республиканский замминистра. Как и Николай Андреянович, Юрка из коренных кольских заполярников, родом и житьем из Сайда-губы. Там раньше был крупный рыбзавод, а в новое время – утилизатор ядерных реакторов подлодок. Имелась и своя семилетка, поэтому в интернате они не пересекались, только в школе.

Николай Андреянович тотчас припомнил, что действительно, в прошлом году посылал дежурную статейку – доценту положено для отчетности иметь две-три публикации за год – в сборник, издаваемый по итогам заочной конференции, проводимой на базе Петрозаводского университета. Попалось бы на глаза объявление Пензенского – послал туда, но судьба распорядилась найти друг друга бывшим одноклассникам, друзьям школьным.

В отличие от ракетного доцента, «полуминистр Юра» и по службе, и в домашности активно пользовался интернетом, всемирным дебилизатором по определению профессора Скородумова. Но пользовался в благополучных целях. Если Николай Андреянович что-то и слышал краем уха о социальных сетях, тех же «Одноклассниках», то карельский его школьный друг регулярно их просматривал. Поэтому на запрос Николая Андреяновича прислал адреса десятка школьных общих знакомцев: электронные и «бумажные» почтовые: ведь в начале две тысячи десятых годов люди еще не отвыкли от писем в конвертах, бандеролей и поздравительных открыток. В числе их значился и адрес Елены из бывшего Ленинграда,

но уже давно поменявшей белорусскую фамилию Бегеба на мужнину, прибалтийскую – Николай Андреевич помнил ее будущего мужа, тоже из Полярного. С этого времени Юра и Лена стали его постоянными «бумажными», иногда и «мыльными» собеседниками. Из подробных писем ее многое узнал Николай Андреевич о переменчивой судьбе командира злосчастной буки тридцать седьмой.

Полтора десятка лет разрыва в званиях кавторанга и каперанга. В Баку же-ну, Лену и ее сестру только в начале шестьдесят шестого смог забрать из Полярного, когда Бакинское ВВМУ имени Кирова, где он преподавал на кафедре мор-практики, а затем тактики, удосужилось-таки (или сумело наконец?) добиться для него квартиры. Сама Лена, получив школьный аттестат, уехала в Ленинград, где ее бабушка жила, закончила радиотехникум по специальности радиолокации. Там у них солидная компания одноклассников – ее и Николки – образовалась, включая дружка Серегу Иевлева: для флотских офицеров Полярный – филиал Ленинграда, поэтому и дети их, окончив школу, уезжали в Северную столицу учиться в воен-ных и гражданских вузах, преимущественно в первых, а из них в училище под-водного плавания. Собирались же у Сашки Нещерета, у которого имелась своя комната в старом доме-полуразвалюхе.

Окончив техникум, вышла замуж за своего же, из Полярного, родила дочь. Муж же, отслужив на Дальнем Востоке «двухгодовником», приехал в Ленинград, забрал их и они вернулись в Полярный, где до скончания века двадцатого оба трудились на судоремонтном заводе в Палой губе, воспитывали дочь и скоро ро-дившегося сына. В год деноминации рубля 1:1000 в Баку умерла ее мать, отстав-ной каперанг Анатолий Степанович остался один-одинешенек в чужой уже стране, из которой русских нещадно изгоняли. Поэтому Лена и привезла его в Полярный. Удалось быстро продать квартиру за доллары, но азермены (это как туркмены) с деньгами на самолет не пускали, дескать, разворовываете... разворо-ванную несколько ранее республику. А поезда давно не ходили – война в Чечне! Пришлось срочно вызвать в Баку Лениного зятя: тот занимал в Москве прилич-ную эмвэдэшную должность и организовал через прежних сослуживцев посадку в самолет без досмотра.

Оказалось, в Полярном новых времен Бегеба оказался востребованным человеком: стали снимать для телевидения, приглашать в президиумы собраний ветеранов Северного флота. Специально из Москвы приехал писатель-маринист Николай Черкашин, записывал его воспоминания о флотской службе, о Полярном шестидесятых годов, о взрыве в Екатерининской гавани. Все это вошло в его книгу «Черная эскадра», благо он сам служил офицером-подводником в Полярном на четвертой («черной») эскадре в семидесятых годах.

Наступил последний год века, будь он, за исключением советских мирных лет, не к ночи помянут. Воровство и продажа родины оптом и в розницу достигла апогея. И флота это коснулось в полной мере: судоремонтный завод в Палой губе приказал долго жить: некому и нечего ремонтировать. На отцову пенсию всему семейству не прожить, тем более в заполярных скалах. Переехали в Ленинград, купив на благоразумно сбереженные бакинские доллары (это не тавтология!) двухкомнатную квартиру. Лена вышла на северную, в пятьдесят лет, пенсию, делила жизнь между Питером и Москвой – воспитывать двух внуков: мужа дочери по эмвэдэшной линии в столицу перевели.

В бывшем Ленинграде каперанг Бегеба еще более нужным человеком оказался, сразу его ввели в совет ветеранов-подводников, в круг отставных адмиралов Северного и Балтийского флотов. Прибаливал, но держался твердо. Однако через три года скончался. Похоронен в Питере... а экипаж его подлодки в Кислой губе Полярного. Далековато друг от друга.

♦ И все же они, погибший экипаж и его уцелевший командир, в новом веке соединились, хотя бы в списках на памятной доске. Как Николай Андреевич и в школьные годы – после взрыва у пирса в Екатерининской гавани, и сейчас, читая письма Лены, не напрягая свою, недурственную вообще-то говоря, зрительную память, не мог вспомнить облик Анатолия Степановича. Скорее всего не пришлось воочию его видеть, что вообще-то удивительно, ведь экипаж буки тридцать седьмой, официально именуемый в/ч 87478, являлся шефом их класса! И скорее всего, когда пошло это веяние – шефство кораблей четвертой эскадры над классами полярнинской школы, – их класс, где училась дочь, командир подлодки и

выбрал подшефным. По всей видимости, на встречах в школе и экскурсиях в подплав сам Бегеба не участвовал – без того хлопот хватает по «хозяйству»; а он, как истинный белорус, крепко и рачительно держал его на плаву и в полном порядке. Но может и просто полагал в делах шефства семейственность излишней.

Лена же в «бумажных» письмах, не стесненная отчужденностью интернетовского «мыла», вспоминала, как девочки их класса участвовали в подготовке похорон своих шефов: в пустой и холодной казарме подплава, в полной тишине вырезали бумажные цветы для венков. Где в середине зимы взять живые в заснеженном Полярном? А в памяти их такая недавняя встреча с экипажем, ведь первого января класс был у них в гостях. И опять Николка там отсутствовал: ангина, детский его недуг, напомнил о себе. Перегулял накануне на морозе, радуясь предстоящим десятидневным каникулам... если бы знал, чем они закончатся, вернее продлятся.

Теперь же, рассказывая в письмах о жизни в Ленинграде после переезда туда из Полярного всем семейством, вместе с отцом, Лена писала, что Анатолий Степанович, войдя в совет ветеранов-подводников с большим числом отставных, но еще влиятельных адмиралов, энергично занялся увековечиванием памяти о своем погибшем экипаже, а именно изготовлением и установкой памятной доски со списком имен погибших. Адмиралы посодействовали своими связями в военных кругах. К две тысячи второму году доска была готова, но неожиданно, без всяких видимых причин, треснула. Кому-то был дан знак свыше...

Отставной каперанг не остановился на этом, тем более, все расходы взяло на себя Центральное конструкторское бюро «Рубин», главный проектировщик советского подводного флота. Работы находились в разгаре, когда Анатолий Степанович скоропостижно скончался: сочѐтанный, как говорят медики, инфаркт и инсульт. Жизненные перипетии, ее крутой вираж на середине всего лишь четвертого десятка, крушение всех планов, прозябание моряка на каспийском берегу... даром не прошли.

Отставные адмиралы, курировавшие повторное изготовление памятной доски, порекомендовали внести в список имен командира подлодки. Так Бегеба, спу-

стя сорок лет после взрыва в Екатерининской гавани, воссоединился со своим экипажем. Доска же была установлена в Никольском морском соборе в октябре две тысячи третьего года, причем по соседству с такой же памятной доской погибшему экипажу «Курска», – накануне семидесятилетия формирования четвертой эскадры подлодок в Полярном... Краснознаменной ордена Ушакова 1-й степени.

Николай Андреянович тяжело вздохнул, пробежав в памяти все связанное, известное ему, с гибелью буки-37. Заодно вспомнив другую лодку четвертой эскадры, за год до того бесследно исчезнувшую в пучине северных морей. А сколько их еще в мирное время навечно легло на дно? Он-то только о *своих, своего* Северного флота таких потерях знал. А ведь еще три флота и флотилии имеются. И четыре атомные подлодки – против двух американских, «Трешера» и «Скорпиона». – Все из состава Северного флота: К-8, затонувшая в Бискайском заливе из-за разгерметизации прочного корпуса; К-219, покоящаяся в Бермудском треугольнике – взрыв ракеты в шахте; в Норвежском море возле острова Медвежий погибла лодка «Комсомолец». Взрыв боезапаса, как и у Б-37, на ударной атомной подлодке «Курск»? – так гласит официальная версия. Но о причинах взрыва и гибели корабля и всех ста восемнадцати членов экипажа в этой версии ни полслова. И не только в Советском Союзе и в России гибли подлодки. В мире за пятьдесят послевоенных лет погибло свыше сорока подводных кораблей.

Николай Андреянович непроизвольно судорожно вздохнув, подавил горловой комок, отпил пару глотков остывшего чая. Подумал: если тщательно покопаться в памяти, сопоставив все самим виденное и слышанное в школьные годы в Полярном с сообщенным в пространных письмах – не интернетные же, механически направляющих руку на клавиатуре к сухому телеграфному стилю, а та же рука с ручкой по бумаге в охотку страницу за страницей исписывает! – Лены и прочитанным в книгах того же Черкашина и Мормуля*, других авторов, писавших о

* Изданная в Мурманске в 2001 году объемистая книга «Катастрофы под водой (Гибель подводных лодок в эпоху «холодной войны»)»... Правда, у контр-адмирала Н.Г. Мормула явственна обида на советскую власть, поскольку в 80-х годах побывал в психушке и пяти тюрьмах, как пишет в предисловии к книге адмирал В.Н. Поникаровский. – Прим. авт.

Северном флоте, которые он со студенческих лет собирал небольшой библиотечкой, в основном мурманского и ленинградских издательств... то воспоминания можно до вечера этого замечательного ранне-июльского дня начала сладостного двухмесячного отпуска продлить. А для живости работы подсознания, хранилища памяти о былом – конек профессора Скородумова, желательно допить заветную бутылочку, а может и еще за одной сходить после двух часов пополудни – начала продажи в будние дни, благо сетевой магазинчик «Красное & белое» в их же доме с торца четвертого подъезда.

С другой стороны, такое копанье в мелких подробностях взрыва в Екатерининской гавани, даже опосредованно с ним связанных, как-то размывает в памяти общую трагическую картину, размельчает ее, размывает... сразу припомнил не столь давнюю беседу с профессором Скородумовым в «место встречи изменить нельзя», то есть в распивочной «Наливай-ка!». Почему-то разговор зашел о модернизме в живописи (!?) и много чего знающий Игорь Васильевич обстоятельно пояснил, что первыми русскими импрессионистами – в духе европейской, французской моды – полагаются Константин Коровин с его «Портретом хористки» и Валентин Серов – знаменитая «Девочка с персиком». И еще профессор заинтересовал своего заполярного визави тем фактом, что оба живописца вместе ездили на пленэр в Романов-на-Мурмане по только что построенной в 1916 году железной дороге... До чего же тесен этот мир, хотя бы и разнесенный на многие года!

Вот к схожему эффекту импрессии и приводит детализация воспоминаний... и здесь же Николай Андреянович явно в диссонанс с горестной темой этих воспоминаний усмехнулся, поскольку от Коровина и Серова язвительный Игорь Васильевич перешел к советскому уже живописцу Игорю Эммануиловичу Грабарю, академику, народному художнику СССР, главному искусствоведу страны и директору Третьяковской галереи.

– Понимаешь, Андреяныч, всеми советскими поколениями он знаем как автор многокартинной «Ленинианы». Но вот недавно по телепрограмме «Культура» увидел передачу о Грабаре. Так там о ленинских полотнах всего несколько слов сказали, мол, умелг мастер многостаночный и в реалистической манере работать,

но на самом деле являлся Игорь Эммануилович пейзажистом и истовым импрессионистом. Я для интереса по инту, при всем моем, как и твоём, отвращении, просмотрел его картины, в том числе самую известную «В.И. Ленин у прямого провода», в хрущевские уже времена написанную и помещённую в Третьяковку. Помнишь: управделами Совнаркома Бонч-Бруевич ленту телеграфную читает, а Ильич вслушивается и здесь же – видно по выражению лица – серьёзнейшие решения принимает, что-то навроде прежних «Апрельских тезисов». Но здесь поисковик прореагировал на название полотна и выкинул на экран того же Грабаря картину с точь-в-точь таким же названием «В.И. Ленин у прямого провода», в тридцать третьем году созданную... только там ленту с аппарата Иосиф Виссарионович принимает, читает и наставительно поясняет несколько ступсавшемуся Владимиру Ильичу. Антураж комнаты, композиции обоих вариантов одинаковы. И совершенно один и тот же телеграфист – фигура легендарная, историческая, финн, личный телеграфист Ленина. Ха-ха-ха! Чтобы, значит, место не пустовало в Третьяковке после хрущевской хулы на Генералиссимуса... Импрессионисты! Это как *датские* поэты, что к датам вирши сочиняют.

♦ Но Грабарь В.И. Ленина на подводной лодке не изображал. Поэтому, еще раз усмехнувшись, Николай Андреевич дальше в своих воспоминаниях темы особенностей советских живописцев не развивал, только напоследок шаловливо подумал: а в каком отсеке подлодки художник разместил бы Вождя революции, финна-телеграфиста и сменных персонажей в вариантах «до» и «после», то есть Генералиссимуса и Бонч-Бруевича? И неожиданно сам свои размышления резюмировал: подлодки потому почти отсутствуют на картинах грабарей и других советских художников, равно как импортных пикассов, сикейросов, сальваторов да-ли, всех абстракционистов мира скопом, примитивистов от Малевича, Кандинского и Шагала до югослава Ивана Генералича, нынешних Шемякина и Никаса Сафронова, Ильи Глазунова тож, что даже в надводном положении и рисовать-то нечего? Действительно, одинаковая у всех рубка и чуть-чуть поднятая над водой округлая верхняя палуба. Какие здесь сюжеты, композиции, ракурсы и пр.? Еще что-то можно изобразить, имея в виду подлодки тридцатых-сороковых годов – с

пушкой на палубе, а к ее казенной части приник матрос в бескозырке с развевающимися на морском ветру лентами... Но давно уже пушек нет, все спрятано в нутре, сама подлодка на девяносто восемь процентов под водой. Что изображать-то!

Можно, конечно, рисовать лодку в условном, вертикальном разрезе толщи океанских вод – как модный среди столичной интеллигенции семидесятых годов литовский художник Чюрлёнис изображал жизнь на поверхности земли и покойников, в землю закопанных. Можно, но, во-первых, сразу эпигоном нарекут, а во-вторых и в главных, еще бóльшая скука получится. Подлодка в разрезе водной толщи все одно что кубинская сигара «Большая корона», которыми старший школьник Николай (не Николка, так как работал уже в дэкафе) баловался, лежащая на синеватом листе бумаги.

...А отец по поводу взрыва в Екатерининской гавани как-то по случаю высказался: «С тридцать шестого года, Коль, служу, теперь вольнонаемным, на флоте (понятно, *по случаю* чудесно перепавшей ему от буфетчицы Зинки бутылочки перцовки – за починенные домашние утюг и электрочайник), и могу сказать: чем сложнее военная техника, тем нелепее причина аварий. Вот на той неделе заходили ко мне в электробудку два кавторанга-подводника: умолили Зинку продать им по двойной цене бутылку. А за выпивкой разгорячились: «Двадцать версий взрыва тридцать седьмой буки – и одна чуднее другой! И главной причины не называют явно: организация флотских дел ох как хромает! И в случае чего ответчик – обязательно командир лодки, офицер, а то и вовсе на матросов спишут. Но для кого у нас, в подплаве, секрет, что могут загрузить перед выходом в море боезапас с почти истекшим сроком хранения? Вот и Бегебе, как говорят, такие торпеды подсунули. Они же, родимые, на стеллажах лежат с вышибалкой пневматической под две сотни атмосфер – может и в отсеке вышибнуть! И чего только помимо торпед в отсеке не хранится? Да все горючим может в один миг стать...».

Отец подвел итог, тем более бутылка донышко показала: «...Когда саблей по-буденовски машешь или из трехлинейки палишь, то только на себя надеешься, поэтому не порежешься и случайно не застрелишься. А вот сядешь в кабину ис-

требителя или спустишься по трапу в отсек подлодки – и не столько уже на себя полагаешься, сколько на господ бога, что правильно водил рукой конструктора военной техники, инженерами и работягами «номерного» завода, а главное, головами зампотехов и прочего начальства аэродромов и флотских баз. Вот так-то, Коль!»

...Но то живопись, которой подводная лодка не к лицу. Другое дело песенная музыка. Та же «Желтая подводная лодка» на импортных пластах по шестьдесят-восемьдесят рэ за штуку и отечественных «ребрышках» – в годы юности и ранней танцмолодости. А в них Николка по своему чину заведующего школьной радиорубкой с субботними танцульками разбирался основательно. И авиация песнями не обижена: за танцвечер не один раз к нему забегали ребята и девчонки: «Коль! Поставь еще раз «Шестнадцать тонн»! – это где американский певец угрюмым басом под музыку в два притопа, в три прихлопа рассказывает о военном пилоте бомбардировщика, что летит на боевое задание, а под крыльями его подвешены бомбы общей убойной силой шестнадцать тонн... А вот в песнях о подлодках преобладает лирическая грусть...

♦ Даже в потаенных мыслях Николка не держал, что минует нелегкий год, начавшийся взрывом в Екатерининской гавани и завершившийся по осени Карибским кризисом, пройдет зима следующего года, и в самом конце теплого и солнечного мая месяца он, волею случая и своей должности по радиорубке, станет первым слушателем новой песни о подводниках. Не просто слушателем, но свидетелем рождения ее. Воистину реальность немалую фору может дать любой фантазии!

В тот день после уроков Николка зашел по делу на полчаса в свои владения. Бездельник занятия ищет, а к рукастому они сами идут. Завершив текущую мелочевку, собрался было вострить ноги в сторону дома, но здесь послышался хлопок нервно отворенной входной двери, а по внутренней лесенке торопливо взбежала завуч Нина Максимовна.

– Как хорошо, что ты здесь! Слушай, Коля, непредвиденное и срочное дело: только что позвонили из дэкафа, просят выручить. Оказывается, еще вчера прие-

хала Александра Пахмутова с Добронравовым в сопровождении офицера из Североморска. Политуправление флота рекомендовало им побывать у нас, на четвертой эскадре, коль скоро есть у них желание песню о подводниках написать. Там им экскурсию по подплаву устроили и с их участием погружение лодки в Екатерининской гавани образцово-показательное устроили. Сегодня отправились в дж-аф – начерно слова и музыку прорепетировать, а там, оказывается, рояль на «капремонте». То есть накануне настройщика из Мурманска привезли, тот покопался, развинтил что нужно, сказал, что надо ему в облфилармонию съездить, вроде как струны некоторые заменить, и был таков. Вот полковник Зинченко и переадресовал к нам, вернее к нашему инструменту...

– А-а мне-то что делать, Нина Максимовна?

– Мало ли что им потребуется! Может что из радиооборудования *твоего* хозяйства, опять же свет на сцене и в зале. Когда уйдут, выключить, двери закроешь и в гардеробной ключ на доску повесишь. Я-то их только встречу и в зал приведу, а потом у нас педсовет – тоже из Североморска от районо приехали. Словом, будь гостеприимным хозяином! Ладно, пошла встречать песенных знаменитостей.

Уже через четверть часа Николка видел через кинопроекторное (радиорубка она же и киношная) окошко входящих в зал приезжих в сопровождении Нины Максимовны и директора Марии Ивановны. Пахмутову он тотчас узнал – пару раз в теленовостях видел и в «Огоньке» фотографию, рядом с солидным, хотя и моложавым мужчиной. Теперь же сообразил – это и есть поэт и муж Пахмутовой, то есть Николай Добронравов.

Прошли на сцену, Пахмутова взяла несколько аккордов, видимо осталась довольная. С пятом минут поговорив, директорша и завуч ушли, впрочем, здесь же к Николке снова зашла Нина Максимовна.

– Знаешь, Коля, им кроме рояля ничего не нужно. Если хочешь, иди домой, а зал я закрою после педсовета. Смотри сам.

– Нет-нет, Нина Максимовна, я посмотрю... то есть послушаю.

– Ну и правильно. Где еще таких известных людей близко увидишь! Да еще за их творческой работой. Тем более у нас, в прямом смысле на краю света, в ой-

кумене, так сказать (Нина Максимовна вела уроки географии). Значит и свет погасишь, дверь закроешь.

Окошки – их было два – под кинопроектор в полутора метрах от пола, долго стоять, так ноги деревенеют, поэтому перетащил от окна стол: сидя – глаза прямо в окошко глядят. Так и просидел все полтора часа, что Пахмутова за роялем, а Добронравов на стуле обочь провели на сцене. Она в замедленном темпе перебирала по фразам мелодию, что напомнило Николке разучивание песни на уроках музыки, а Добронравов что-то чиркал в блокноте, произносил неслышимое Николке: от сцены отделял большой актовый зал в длину; капитальная стена с окошками размером в школьную тетрадь и вовсе глушила негромкий голос. Иногда поэт вставал, точнее вскакивал со стула и прошагивал туда-обратно несколько метров сцены, держа в левой руке блокнот на развернутой странице, а правой несколько рассеянно, медленно проводил по своему затылку.

♦ Николка развернулся ухом к окошку так, что вплотную прижался правой стороной головы к проему, и разобрал слова, услышал мелодию – все вместе уже слагалось в песню:

*На пирсе тихо в час ночной,
Тебе известно лишь одной.*

Здесь Александра Николаевна приостановилась, дважды ударила по одной клавише тоном ниже, а затем выше. Добронравов снова чиркнул в блокноте, что-то сказал. Пахмутова продолжила игру, спела продолжение:

*...Когда усталая подлодка
Из глубины идет домой...*

Николка сообразил: поскольку строки про усталую подлодку снова и снова повторялись после других слов и музыкальных фраз, то это припев в песне. И еще он понял, что самым сложным оказалось начало:

*Лодка диким давлением сжата...
Дан приказ – дифферент на корму!*

...И догадался почему: технические слова «давлением сжата» и особенно «дифферент на корму» смотрятся официальными для песенного склада, потому и

ноты под них туговато идут. Тут же, помимо всякого припоминания, всплыла история с конфузом дружка и одноклассника Сашки Белозерова. Тогда Мария Ивановна, еще не директор школы, вела в их классе русский язык и литературу. Как-то проводила разбор сочинений, заданных на дом: кого хвалила, иных поругивала за неграмотность, а когда дошла до Сашкиного, то усмехнулась. Он же настороженно сжался, ибо по этим предметам даже до умеренного троечника не дотягивал. «Саша, – с ощутимым подвохом обратилась учительница к нему, – а кто твоя мама по образованию?» – «Инженер, в Ленинграде Политехнический институт окончила», – пробормотал несчастный тройбанист. «Ага, я так и поняла. Вот что, любезнейший сочинитель, когда в следующий раз мама твоя, кажется, Надеждой Захаровной ее звать? жалеючи своего малоуспешного отпрыска, будет диктовать тебе сочинение или изложение, то пусть попроще слова выбирает, главное, постараются специальных технических терминов избегать. Тройка с минусом! Из уважения к потраченному мамой времени».

Чуть покраснев – щеки потеплели, – из-за неуместности такого сравнения, Николка продолжил слушать и смотреть: ухо к окошку, глаза скосив вправо. И главное понял: всякий творческий труд нелегок и требует времени и напряженной работы. Головой, конечно. А не как он прежде легкомысленно представлял: сел, мол, поэт за стол и, посвистывая, мигом набросал страничку-другую, перекусил наскоро и рысцой к композитору. Трам-там-тарарам! – и... лейся песня на просторе! Правильно отец говорит: «Не зная бродя, не суйся в воду. То есть, Коль, если своими глазами не увидел и ушами не услышал, то мыслям воли не давай!»

...Где-то через полгода Николка, крутя ручку приемника, впрочем бесцельно, отдыхая в воскресенье от недельных трудов праведных школьных, услышал объявление диктора, что в вечерней программе вы, уважаемые радиослушатели, встретитесь с исполнителями новых песен Александры Пахмутовой. С нетерпением ждал он названного часа. А когда ведущий концерта объявил песню «Усталая подлодка», музыка Александры Пахмутовой на слова Добронравова и Гребенникова, то Николка несколько горделиво ощутил себя сопричастным к творче-

ству таких знаменитых людей.* Совсем же недавно, получив по установившейся традиции от профессора Скородумов к некруглой годовщине Октябрьской революции сборник песен о Северном флоте мурманского издания семидесятых годов с штемпелем городской «Буккниги», Николай Андреянович вместе с «Усталой подлодкой» обнаружил текст и ноты песни о катерниках-североморцах, опять же Пахмутовой на стихи Гребенникова и Добронравова. Как понял доцент-ракетчик – все из того же их пребывания в Полярном. Но здесь школьный рояль не при чем: сам Николай Андреянович тому свидетель; раз слышал своими ушами и видел своим глазами в школьные годы.

♦ «От людей не жди блага, а уповай на Господа», – не раз слышал Николка от матери, когда та с досадой вспоминала чью-либо пакость, коснувшуюся в той или иной степени их семейства. Отец же при этом язвительно ухмылялся и добавлял, переиначивая на обратный курс: «На Бога надейся, а сам не плошай!». В редких случаях, когда мать досадовала при Андреяне, которому этот самый бог-господь послал на обед четвертинку, то он, благодушно посмеиваясь, пускался в философское обоснование понятия благо. И так выходило, что благо – понятие сугубо относительное: для пацана младшекласного – это найти под ногами двадцатикопеечную монету и купить кулечек самых дешевых карамелек; для взрослого же мужика... здесь уже мать смеялась: «Проснуться и вспомнить куда заначил год назад последнюю «отпускную» бутылку!». Отец при этих обидных словах – памятью не обижен – непроизвольно сглатывал слюну.

Но почему одиннадцатиклассник Николай, уже по второму году работы в дэкафе, вспомнил эти домашние разговоры отца с матерью, читая староизданную, конца прошлого века, красиво переплетенную книгу Достоевского, что порекомендовала постоянному читателю дэкафовской библиотеки Наталья Зосимовна? Такие книжки почтенная библиотекарьша давала только «своим», доставая их из шкафа в служебной части просторной библиотечной комнаты на первом этаже. В

* Лет с десятков тому назад этот эпизод был опубликован в форме рассказа в одном из литературных журналов, экземпляр которого я передал через московских знакомых, возвращающихся в музыкально-артистических кругах столицы, Александре Николаевне. По словам передававшего журнал, та осталась довольной воспоминаниями о тех далеких годах, о ее пребывании в городе подводников Полярном. – Прим. авт.

общем каталоге для посетителей книги заветного шкафа не числились, а были оприходованы в каких-то толстых канцелярских амбарных тетрадах – сугубо для рабочего пользования. Так сама Наталья Зосимовна поясняла Николаю, вводя его в категорию «своих»: «Книги эти, Коля, в числе других, уже советского издания, привезли в только что построенный в тридцатых годах дэкаф из Ленинграда, как подарок Северному флоту от шефов из Балтфлота. Что было у них в запасниках, то и отправили в Полярный. Когда я сюда пришла работать, то книги уже рассортировали. Что не рекомендовалось – но ведь прямо и не запрещалось? – различными инструкциями по линии наробраза, главлита и других управлений для массового чтения, то и не расставляли на стеллажах нашей библиотеки, а в этот-то шкаф и упрятали от любознательных глаз. Так что, Коля-Николай, никакого нарушения в выдаче книг из шкафа нет, но и пропагандировать их по умолчанию не рекомендуется. Ты же, как я понимаю, человек серьезный, читатель аккуратный, небезынтересно будет тебе познакомиться с русской и зарубежной классикой прошлого и начала нынешнего веков поосновательнее. Вот и Андреян Матвеевич, отец твой, у меня в списке серьезных абонентов...».

И доставая для него из заветного шкафа, весьма поместительного, толстенный томик в изящном тисненном, красно-черном переплете с надписью на обороте *«Библиотека знаменитых писателей. Книга XXXIV 1898 годъ. Издание товарищества М.О. Вольфъ»*, Наталья Зосимовна пояснила: «В те времена почти все книги печатали и продавали в виде брошюр во временных мягких обложках, а покупатели, уже по своему вкусу «одевали» их в переплетных мастерских, коих было множество, даже в небольших уездных городках имелись. А вот издатель Вольф, имевший типографии в Петербурге и Москве, вроде как первым в России начал выпускать книги в фабричных твердых переплетах – вот как эта. Так и стали с двадцатых годов все книги печатать: либо в мягких обложках, а что потолще и посolidнее – в твердых переплетах. А эта книга есть знаменитые «Дневники писателя» Достоевского, то есть его общественно-политическая публицистика». А на вопрос Николая, поблагодарившего за книгу, о причинах неиздания «Дневников» великого русского писателя, Наталья Зосимовна явно не своими, какими-то

казенными словами, скороговоркой объяснила: это Федор Михайлович писал, что называется на злобу дня, для своего времени, а сейчас уже почти век минул, нынешние взгляды у людей другие, словом, прочитаешь – может и свое, личное мнение составишь. «Но вот о внешней политике России в семидесятые годы прошлого века Достоевский замечательно и верно пишет. Так что прочитаешь – и значительно пополнишь свои знания по истории», – заметила библиотечарша, заполняя графу выдачи книг в библиотечной карточке Николая.

♦ Книжку Достоевского издания товарищества М.О. Вольф Николай получил из добродетельных рук Натальи Зосимовны перед самым наступающим шестьдесят шестым годом, но читать «Дневники писателя» начал только со второго января этого самого года, знаменательного (он уже знал о символическом числе Антихриста) не только тремя шестерками, хотя бы одна и перевернутая, но и годом окончания школы. А такого грандиозного события в его жизни еще не случилось. Хотя Зосимовна очень заинтересовала содержанием ранее не то что не читанной, но и не знаемой по названию книги, но руки и глаза Николая в последние три предпраздничные дня полностью были в дэкафе и дома заняты иным, служебным. Что называется, аврал изобретателя.

Еще в прошлый Новый год Николай в паре с отцом переносили огромный, где-то метр на полтора, короб из крепкой многослойной фанеры из их подвальной мастерской в комнатку-предбанник перед обширным бальным залом дэкафа. Так его по старинке именовали старослужащие, те ж Варвара Пантелеевна и Наталья Зосимовна. На новогодние праздничные дни в зале с паркетным полом и пятиметровой высоты потолком с лепниной и выступающими на полдиаметра из стен дорическими колоннами, с двумя ярусными люстрами, дэкафовский плотник с завхозом Пал Никитичем устанавливали роскошную елку, почти под потолок высотой. В совершенно безлесные места эти, то есть в дэкафы Полярного и Североморска, более скромные флотские и гражданские клубы, в школы, елки, по ранжиру их высоты, развозила со стороны Мурманска специально зафрахтованная у Гидроотдела Северного флота баржа. Скорее всего и в мурманский порт их доставляли в товарных вагонах из-под Кандалакши, с которой начиналась еловая

карельская тайга. Так еще бывший начальник дэкафа полковник Зинченко говорил.

...Бережно перенесся короб, отец снимал фанерную крышку. Глазам Николая открывалась картина, чем-то, только в увеличенном масштабе, напоминавшая наглядные пособия к школьным урокам физики: на днище из той же толстенной фанеры в несколько рядов располагались реле различных видов: от слабomощных типа *РКН* до сильноточных неизвестной даже радисту Николаю марки. Присмотревшись поближе и повнимательнее, он и вовсе в восторг пришел: на некоторых реле стояли даты выпусков тридцатых годов; на других и вовсе слова на английском и немецком языках, то есть лендлизовские американские и трофейные фрицевские...

По сложной схеме разводки реле соединялись жгутами разноцветных проводов. Отец подключил выходы устройства к контактам на вделанной в стену распределительной коробке. Реле застрекотали, а сильноточные забухали. В зале же забегали огнями переключаемые коробчатым механизмом (отец закрыл схему крышкой – защита от дурака, что норовит всюду пальцы ткнуть) елочные гирлянды. А четыре установленные на вершинах углов зала прожектора-«пистолеты» диагонально-попарно высвечивали елку с одновременным выключением обеих люстр зала. Вот для исполнения этих сложно чередующихся манипуляций и был создан неким давним умельцем, явно из флотских радистов или электромехаников, этот громоздкий коробчатый аппарат.

– Черт-те что, ворчал отец, окончив объяснения Николаю: что, где и куда включать, – две пары рук для переноски! Того и гляди рассыплется... опять же народ здесь всякий шляется, того и гляди, что на детском утреннике какой-нибудь пацаненок приподнимет крышку и руку вовнутрь засунет! То есть постоянно тебе или мне придется при этом *глюкале* находиться. А кто из электробудки станет свет в смотровом зале включать-выключать? А если спектакль, то и вовсе сценические софиты и прожектора надо переключать – не отойдешь! Конечно, Зинченка не отказывает матроса из патрульной команды при этой штуковине для охраны

приставить, но что с него возьмешь: на девок заглядится, годки с его корабля пойдут... словом, служба идет!

— Так ведь можно в закрытом металлическом корпусе все это разместить на многоэтажном шасси: и схема закрыта от посторонних рук и глаз, и размеры с весом не более — здесь Николай прикидочно сделал паузу, — ...чуть потяжелее, но не больше, а в длину даже меньше чем саквояж, с которым доктора на вызовы ходят.

— Вот и возмись, раз радист уже почти профессиональный. Целый год у тебя впереди, — как-то рассеянно, не задумываясь, ответил отец. Николай сообразил и хмыкнул; только что Андреян жаловался: вместо обычной «премиальной» поллитровки к Новому году за услуги по электрохозяйству Зинка-буфетчица выдала всего лишь четвертинку... Явно не подумавши сказал отец.

Но Николай воспринял поощрение отца всерьез и действительно к следующей декафовской елке «перевел», полностью переработав схему переключений, а задатчик команд и вовсе сделав на транзисторной электронике, громоздкий фанерный короб в аккуратный прибор с дюралевым кожухом и ручками управления переключения на передней панели. В последние же предновогодние дни и вовсе только по необходимости — обслуживать из электробудки освещение зала и сцены — выходил из мастерской. Первого же января, на всякий-який случай, не отходил от *своего* прибора и любовался слаженным переключением гирлянд на елке и подпотолочных прожекторов в бальном зале.

Все же остальные дни каникул, свободные от домашних заданий, в перерывах между дежурным обслуживанием обоих залов, кино-концертного и бального, читал «Дневники писателя» Достоевского, совершенно отличные от ранее прочитанных его книг: обязательного по школьной программе «Преступления и наказания», очень увлекших его «Братьев Карамазовых», с трудом одолевшего «Идиота» и вовсе не понятого «Подростка». Как будто два, совершенно различных писателя!

♦ Тем не менее, у «двух» этих Достоевских неразделимое общее: поначалу читается трудно. И дело совсем не в старой орфографии «Дневников» издательства товарищества М.О. Вольфа: благодаря все той же Наталье Зосимовне, Нико-

лай уже по привычке читать староизданные книги, не запинаясь на ятях, редких фитах, латинских *i* и твердых знаках на окончаниях слов на согласную букву – «слово-ер», так это называется, объяснила ему Варвара Пантелеевна, заставшая обучение в царской школе.

Нет, когда Николай начинал читать Достоевского, то первую четверть часа вроде как пробирался в частоколе неправильно расставленных-разложенных слов. Но затем захватывало, а частокол выравнивался в несколько сложноватый, но хорошо продуманный порядок. Когда «проходили» Достоевского с неизменным Раскольниковым и убитой им старухой-процентщицей, он не удержался и спросил на уроке литературы у все знающей Валентины Николаевны о таком вот частоколе слов. Та с интересом посмотрела на круглого отличника по предмету, похвалила за наблюдательность и, как она изящно выразилась, «за тонкое чувство индивидуального слога писателя». Но поскольку в тот день она ходила по школе необычно веселая, с загадочной полуулыбкой (Сергея Иевлев шепнул ему: «Вчера подлодка ее мужа вернулась в Полярный с трехмесячного дежурства в Средиземном море»), то позволила себе непедagogическим цитированием самого Федора Михайловича объяснить некоторую сложность в чтении написанного им: мол, отвечая на схожие с николаевым вопрос какого-то литератора, Достоевский ответил в том смысле, что нет у него времени и условий, как у того же Льва Толстого с родовой усадьбой Ясной Поляной, чтобы спокойно, не торопясь, тщательно отделять свои произведения, по несколько раз заново переписывая. Приходится же, чтобы заработать на жизнь семейства своего и отдачу долгов за проигрыши в Карлсбаде, прямо из-под пера отправлять исписанные листы в типографский набор. «Примерно так, ребята, и говорил великий наш писатель, – уже педагогично посерьезнела Валентина Николаевна, – хотя, может и несколько преувеличил тот собеседник-литератор. Как бы то ни было, истинный талант не огородишь, Коля, никаким частоколом!».

...Кстати, по старой орфографии^{*}, что сразу бросилось в глаза Николаю, и само имя автора начиналось с пресловутой фиты: *Ф.М. Достоевскій*, а привычное *Ф* раньше называлось фертом. Все та же Валентина Николаевна как-то на уроке заметила. В оглавлении книги значилось «Дневники» за 1877 и 1880-81 года. Как Николай сообразил, в промежуточные года Достоевский их не писал, но в два последних года жизни продолжил их.

Начав читать с «Дневника» семьдесят седьмого года, четыреста с лишним страниц убористого текста которого и составляли без малого весь толстенный томик, что называется, «карманного формата», поначалу Николай не мог сообразить: чем так великий русский писатель провинился перед советской властью, что она вот уже почти полвека запрещает печатать «Дневники»? Действительно, в разделах за первые два зимние месяца пишется о ненависти Европы к России, возросшей многократно во второй половине девятнадцатого века, о русской государственной мечте решения Восточного вопроса взятием Константинополя... Но ведь и на уроках истории им то же самое Белла Нурьевна по учебнику говорила? Правда, у Достоевского это гораздо интереснее и подробнее описывается, с многими примерами, не упоминаемыми в этих учебниках. О Меттернихе австрийском крайне неодобрительно Федор Михайлович говорит, язвительно о Европе: исторический и злонамеренный враг России.

Но вот начал он читать – под отдаленный, из бального зала веселый гомон и грохотанье вечернего новогоднего веселья – мартовский раздел и, сразу после Восточного вопроса и европейских происков, вдруг о евреях сразу три главы^{*}! У Николая даже в ушах словно – хлопок и зазвенело: такого не доводилось ему еще слышать, тем более читать. Собственно и не наблюдал он в своей жизни евреев

^{*} Общепринято считать, что переход в 1918 году на нынешнюю орфографию русского языка есть изобретение советской власти (по-нынешнему «большевистские штучки»). На самом деле таковая реформа была подготовлена Министерством просвещения Российской империи, но введение в обиход нового правописания застопорила Первая (империалистическая) мировая война. – Прим. авт.

^{*} На время нашей учебы в Литературном институте пришлось окончание издания первого (и пока единственного) полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30-ти томах. Оно несколько затормозилось именно на издании «Дневника писателя» за 1877 год, в который входит глава вторая за март месяц с «Еврейским вопросом», «*Pro i contra*» и «*Status in statu*» («Государство в государстве»). По институту ходили слухи, что редакционная комиссия издания все никак не может договориться на их счет с министром культуры Екатериной Фурцевой. – Прим. авт.

как таковых. На маяках их не было, а в Полярном только двух знал: их школьного учителя химии с чудной фамилией Бёрлин, с ударением на первом слоге, и директора несколько лет тому назад построенного городского кинотеатра «Север» Гринбаума, всегда щегольски одетого, с актерскими усиками, единственного в городе носившего летом лаковые туфли. Николай его часто видел на сцене дэкафа – организатор и руководитель команды входящего в моду кавээна. Еще в Полярном улица названа в честь Израиля Ильича Фисановича, прославленного командира-подводника, первого на Северном флоте Героя Советского Союза среди них, подлодку которого в конце войны по ошибке потопил английский бомбардировщик... В отцовой деревне Дворцы их тоже не имелось.

♦ И вообще дома, в школе, в дэкафе говорить о людях этой национальности не было принято. Даже само их название вслух редко произносилось. Еще в пятом классе Николка спросил у отца, почему это можно совершенно обычно произносить слова татарин, заглаза – даже хохол, латыш, братья Седалины, что на маяках Седловатом и Большом Оленьем – лопари, не говоря уже о французах, англичанах, немцах... а вот о евреях говорить не принято. Андреян хмыкнул неопределенно, медленно набил «золотым руном» трубку, раскурил, окутав Николку сладким ароматным дымом. Немного подумал, затем махнул рукой со словами: «Сложно это объяснить пацану. Давай так: вырастешь, поумнееешь, сам для себя и разберешься. Ну-у, евреи! – люди как люди, обычно вежливые, дураков и пьяниц среди них мало. Народ исторический, своей родины давно лишился, поэтому и много им досталось по жизни. Словом, сам, взрослея, многое поймешь. А раз получилось, что не нравится им постоянное упоминание их национальности, так это их дело. Здесь главное, чтобы ни в какую сторону палку не перегибать. Ведь вместе все мы живем – одна страна. С татарами вот триста лет воевали, а уже пять сотен годов вместе проживаем».

...Николай, вспомнив тот давний разговор с отцом, сообразил: для нынешнего времени Достоевский в «Дневниках» явно перегнул ту самую палку. Поэтому в новой орфографии их и не печатают почти полсотни лет. Что написано для одного времени, иногда совершенно не подходил для другого. Так философски

размышлял Николай, дочитав мартовский раздел «Дневника» за семьдесят седьмой год прошлого века. А как же быть с присказкой «что написано пером, того не вырубишь топором»? На этот вопрос, заданный самому себе, он не смог ответить... оставил на потом, на будущую взрослую жизнь. «Жизнь сама всему научит», – как часто наставляла мать, почему-то добавляя загадочное: «Звонок бубен, да страшен игумен». Порой Николка, и даже Николай, не понимал ее архангельский язык.

К окончанию новогодних каникул дочитал томик Достоевского. И именно рассуждения великого писателя о внешней политике России, ее вечном противостоянии с Европой заставляли Николая не раз и не два вспоминать пословицы матери и отца о неблагодарности, постоянной необходимости быть настороже, самому «не плошать». Не только в отношениях между отдельными людьми, но и страны России с Европой. Как бы та Россия не называлась: царством, империей или как сейчас – Советской. В чем причина такой застарелой, почти что с Киевской Руси ненависти европейских людей к русской стране? Вот пишет, к примеру, Федор Михайлович, что Россия судьбой своей и тысячелетней историей в такое положение поставлена, что никак ей нельзя побеждать в Европе. Воевать – пожалуйста, особенно за других, тех же австрияков и пруссаков, против того же Наполеона или извечных турок. Усмехнулся горько Николай: хоть до Парижа или Стамбула-Константинополя в пешем марше доходи, но с непременным условием: после победы русские полки тотчас домой возвратятся. И Достоевский пишет, что если даже и могут победить наши европейцев, то для России это все одно, рано или поздно, обернется невыгодой и опасностью.

Все верно. Николай мысленно пробежал памятью по все значительным войнам России лет за триста – невыгодно и опасно. Достоевский сказал, как сургучной печатью на ворсистой оберточной бумаге, в которой Николай получал бандероли «Товары почтой» с радиодетальями, припечатал. И делал классик русской литературы лишь одно исключение: Европа позволяет России только «домашние» победы навроде завоевания Кавказа... и Средней Азии, подсказал Достоевскому Николай.

Но опять же: прав ли сейчас Федор Михайлович в отношении стран народной демократии в Европе, что Советский Союз... вообще-то говоря *именно завоевал* в сорок пятом году, особенно Восточную Германию, Венгрию, Румынию, хотя та и схитрила в конце войны, союзную Гитлеру Словакию в составе нынешней Чехословакии? Однако насколько надежно это завоевания – условное присоединение к СССР с помощью Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, наконец, прямого размещения советских армий в ГДР, Венгрии и... кажется, в Польше. Перебрав в голове все слышанное на этот счет от отца, понял, что тот сильно сомневается в этих «верных союзниках».

А как же чисто славянские страны? Сомнительны Польша и Чехословакия, но ведь южных-то славян, болгар и более полудесятка народов Югославии, именно Россия в бесконечных войнах освободила от полутысячного турецкого рабства?

И только задумался он об излишней категоричности Достоевского, как из «Дневника» все за тот же семьдесят седьмой гол словно искрой в глаза брызнуло. А они выхватил из текста обличение этих самых друзей-братушек. Дескать, самые лютые ненавистники, прямые враги, клеветники и завистники России есть именно освобожденные ею от турок славянские племена. И такими противороссийскими злыднями они становятся именно тогда, как только Россия освободит их... и Европа снисходительно признает их освобожденными.

Действительно, из школьной истории и прочитанных книг, исторических романов, знал Николай: ни одна из освобожденных русскими войсками южнославянских стран не пожелала поставить во главе монарха из российских великих князей. Еще не знал Достоевский в семьдесят седьмом году, когда Россия насмерть столкнулась с турками в войне за освобождение Болгарии, что она, обретя свободу, изберет царем немецкого принца из рода Гогенцоллернов (!). Даже в Империалистическую мировую войну не выступит против турок, союзников Германии и Австро-Венгрии, а во Вторую мировую хотя и не решится воевать с Советским Союзом, но царь Борис сделает Болгарию верным сателлитом Третье-

го рейха... Истинно: им всегда своя рубашка ближе к телу... желательно, европейского шитья и покроя. Стократно прав Достоевский! – потому и гений.

♦ Итак, настраиваясь на философский лад размышления, как то наблюдал он у отца после второй стопки, Николай приходил к выводу по прочтении «Дневников» Достоевского: не совсем понятно почему, но России почти во все времена приходилось сталкиваться с откровенной, еще хуже – маскируемой, враждебностью Европу, а сейчас и могущественной Америки. И особой надежды на вроде как друзей на Западе и Востоке из соцлагеря не следует питать: исторический опыт, как убежденно писал Достоевский, тому свидетельство более чем очевидное. Но вот славяне, особенно южные? – Николай все еще сомневался в правоте великого писателя.

Вывод же простой: только военное могущество оберегало Россию, а теперь позволяет Советскому Союзу сохранять свою независимость. Мы не Швейцария, не другие нейтральные страны, то есть Финляндия, Швеция и Австрия, чтобы жить в покое без армии и флота. Тем более что вся остальная капиталистическая Европа объединена Америкой в НАТО, созданное именно для противостояния с нашей страной.

...Если раньше он воспринимал само существование Полярного с Екатерининской гаванью, забитой вдоль всего материкового берега подлодками четвертой эскадры и надводными кораблями ОВР'а*, с многотысячным населением, в котором на одного гражданского приходится – даже по мимолетной прикидке – два-три в военной форме, весь Кольский залив и все северное побережье их полуострова от норвежской границы до Терского берега на Беломорье, губы и заливы которого также места базирования кораблей флота... словом, полагал это как нечто данное, так, мол, надо, то теперь начал осознавать причину, а главное необходимость такой данности. А тут еще Серега Иевлев, отец которого, явно метя в адмиралы, недавно закончил, без отрыва от службы, академию, понятно со слов бати,

* То есть флотской службы охраны водных рубежей, корабли оперативно-тактического назначения по охране морских границ в зоне ответственности Северного флота: торпедоносцы, сторожевые катера, малые противолодочные корабли «охотники» и др. – Прим. авт.

щегольнул словами, якобы сказанными царем Александром Третьим: у России только ее армия и флот являются союзниками.

А ведь так и получается в истории страны? Императора Александра Третьего Николай уважал. В его скромной нумизматической коллекции серебряный рублевик с вычеканенным лицом бородатого царя выгодно смотрелся по сравнению с другими рублевыми, полтинными и четвертакowymi монетами, на которых, исключая сына его Николая Второго, императоры либо вовсе не изображались, или же присутствовали царицы восемнадцатого века. Опять же Андреян одобрял царя-мироотворца: «Серьезный мужик был. Полярный раньше Александровском назывался в его честь. Он первым из царей указал на необходимость создания военного флота на Севере, в *наших* местах. И выпить не дурак был. В одной книжке, до войны еще, читал: специально передел всю армию в широкие шаровары, чтобы самому от царицы прятать в кармане бутылку коньяка!»

Слова отца укрепили его мнение о полезности для России правления первого бородатого императора: Андреян полагал непьющих людей хворыми, еще хуже — себе на уме. Те и другие пользы мало приносят, но хлопот и вреда много доставляют, соответственно. Слушая подобные философствования Андреяна, мать непременно в пику добавляла что-то из своего архангельского, навроде «поросенок только на блюде не хрюкает»...

Меж тем заканчивалось школьное учение, а вместе с ним и окончание заполяжной жизни, затянувшейся от рождения его до восемнадцати лет. Уже было окончательно решено: этим летом семейство перебирается на Большую землю, в областной город, немного южнее Москвы, а Николай будет поступать в тамошний политехнический институт.

♦ Месяц выпускных экзаменов, вроде как давно ожидаемых, многожды обдуманных, с приятелями обговоренных, тем не менее обрушился с внезапностью зимнего шторма в маячную бытность пацана Николки. Так оно и случается в жизни: долго к чему-то важному, переломному готовишься... а приходит оно и свершается удивительно буднично.

И вовсе нешуточное это событие, растянувшееся почти на весь первый летний месяц: окончание школы и прощание с Севером, два крутых перелома, каких он давно не испытывал в жизни. Даже окончание маячного *кочевания*, по словам матери, когда та сердилась, и переезд семьи в Полярный в сравнение не идет. Прощай, школа и дэкаф, за тысячи километров останутся под чередующимися полярными днями и ночами Полярный, острова Седловатый и Большой Олений, Екатерининский тож, прощай, минувшее детство, отрочество и вступившая в права юность. Не на пару месяцев в отцову деревню Дворцы на реке Угре отправится он через две недели, но в совершенно новую жизнь на Большой земле.

Примерно так, со слегка щемящей грустью прощания и теплом волнующих надежд на скорое будущее, размышлял Николай, вышедший из дома (работу в дэкафе замещал дембельским отпуском) в один из дней между экзаменами по физике и химии. Даже не в один, но именно накануне последнего. Как официально утвержденный лучший ученик выпускных классов по химии, которую, кстати, воспринимал со скукой, безынтересно, еще сегодняшней светлой ночью для самоконтроля пробежался по экзаменационным вопросам, заснул под утро и проснулся ближе к полудню. Поел и отправился в сторону переймы, для проформы положив в просторный боковой карман белой летней куртки нетолстый учебник прошлых школьных лет по неорганической химии. Об органической вовсе не задумывался: с самых первых уроков по этому предмету как-то само собой уловил ее сходство с математикой, то есть от изначально простого, элементарного ко все более сложному, но по единым в общем-то правилам. Так и в органической химии: понять, что вся она состоит в усложнении числа и связей атомов углерода, водорода и кислорода: от углекислого газа до наконец-то ослабленного сухого закона на Северном флоте, но крепостью не выше двадцати градусов C_2H_5OH , а там и до великого разнообразия мономеров и пластмасс-полимеров.

...А в другой карман, уже не для проформы, но для утоления аппетита, на который он никогда не жаловался, опустил газетный сверток с парой бутербродов – с колбасой и сыром. Непроизвольно мелькнула мыслишка: скоро придется отказаться и от продукта высшего качества – консервированной колбасы с мелким

шпиком и твердого сыра с тмином по-грузински. От подплавовских щедрот за жидкую валюту.

Дорога от дома с номером семь по улице Сивко до переймы столь знакома и привычна, что шел он хотя бы с открытыми глазами, но предоставив ногам самим идти: компас в голове сам выдает им команду на смену текущего курса. Спустился со *своей* сопки с раскиданными финскими домиками улицы имени героического матроса-катериника на стержневую улицу Советскую Старого Полярного, прошел ее прямолинейную длину до треугольника из зданий почты, районной библиотеки и гражданской больницы. За последней поднялся по деревянной лестнице в три пролета на пологую, невысокую сопку. С полкилометра шел по протоптанной в вереске и вороничнике тропинке. Вокруг уже нет строений, только слева, ближе к спуску в подплав, антенное поле дальней коротковолновой связи с кораблями в плавании: между стальными решетчатыми вышками натянуты многопроводные антенны с распорками из трубчатых колец. Уже профессиональному — только что, в мае месяце, состоялись экзамены по производственному обучению, и Алексей Васильевич вручил своим подопечным свидетельства о присвоении разряда радиотелеграфиста и соответствующие значки — радисту Николаю грех и задумываться о типе таких антенн: диполь Надененко, конечно. А в центре антенного поля секционные домики-коробки с радиоаппаратурой. Не торопясь по замечательно теплой и солнечной погоде, около них прохаживаются матросы: вроде как по делам обыденным, но явно с мечтательными мыслями о все приближающемся дембеле; матрос служит, а служба неторопко идет. Во флоте вообще не принято торопиться, времени вволю: не так уж и давно четырехлетнюю службу «чертей полосатых» сократили на год...

Но вот впереди открылся вид на Екатерининский остров. Спускаясь вниз, тропа ведет к перейме, но Николай свернул налево и начал взбираться на крутую сопку — вершину горы Энгельгардта. Завершение его сегодняшнего пути.

♦ Вся дорога от окончания улицы Советской Старого Полярного до вершины горы шла по безлюдному месту, не считая антенного поля, то есть ни души вокруг и вообще каких-либо следов пребывания человека. Опять же не беря во

внимание намеки на тропу к перейме, где между мшастым гранитом сопки встречались вересковые лужайки.

Хотя по времени и немного, но успел почувствовать себя вне городской жизни, как когда-то бродящим без особой цели по безлюдному Екатерининскому или по Седловатому и Большому Оленьему островам, когда невысокая сопка застит малочисленные маячные строения. Потому восторгом преисполнился, увидев внезапно открывшуюся с вершины самой высокой в окрестности Полярного сопки картину, на которой природа-живописец, где крупными мазками, а где тонкой иконописной прописью (спасибо учительнице рисования, из ленинградских художниц за мужем-моряком следовавшей в Заполярье), раскинула в сложно переплетающейся перспективе вид на выход Кольского залива в Баренцево море, на многие мили по всем румбам компаса. – С флотским ударением: компас, рапорт, фланговой и штилевой.

Аж дух захватило попервоначально: все ранее виденное, а местами прожитое, ногами протоптанное, на шлюпках и катерах пройденное, а в совокупности – все владения Северного флота в самом густонаселенном людьми и кораблями его окоеме. Тоже хорошее слово *окоем* – от географички их знаменитой, что еще царскую гимназию окончила, услышанное. Что видишь вокруг, глазами своими охватываешь, то и есть окоем: все, что око твоё охватывает. Так Вера Степановна объясняла еще в седьмом классе. От нее же тогдашний Николка узнал и название высокой западной – по отношению к городу – сопки, круто обрывающейся в воду Екатерининской гавани, в которой на уровне той самой воды еще до войны пробита взрывами искусственная пещера для входа подлодок на случай бомбежек. Что и пригодились пару лет спустя...

Непривычное для здешнего северного, флотского по преимуществу, человека, отдающее чем-то немецким имя Энгельгардта, как объясняла ученикам Вера Степановна, никакого отношения к немцам не имеет. Энгельгардты – давно обрусевшие шведы из числа захваченных Петром Первым в битве под Полтавой и пожалованным в русские дворяне. «Помните, ребята, из поэмы «Полтава»: «Сдается пылкий Шлиппенбах»? Вот и давний потомок Энгельгардт сдался в плен, – пояс-

нила Вера Степановна. – Гора же наша названа, конечно, не в честь того, полтавского, но в память об архангельском губернаторе Энгельгардте, который на рубеже девятнадцатого и нынешнего веков, прибыв из Архангельска в Кандалакшу морским путем, далее пешком – хотя и генерал! – а через озеро на лодках, прошел до Колы, то есть через весь Кольский полуостров, тогда дикий и необжитый...».

Разохотившаяся географичка продолжила рассказ. Энгельгардт не из праздного любопытства протопал четыреста верст, но лично возглавил геодезическую экспедицию по прокладке телеграфной линии в Норвегию – до Кандалакши телеграф с Петербургом уже действовал. Нужна же была связь с Северной Норвегией для архангельских рыбопромысловиков и китоловов в Кольском заливе и Баренцевом море. Здесь уже коммерческий интерес переплетался с государственным: по завету своего отца Николай Второй готовил создание на Кольском севере военно-морской базы. Отсюда и вторая, а вообще-то и главная, необходимость в телеграфной линии. Скорее всего, Энгельгардт, человек доверенный от царя – по знатности их рода*, «попутно» должен был присмотреть возможное место базирования будущей флотилии Ледовитого океана.

Поэтому из Колы архангельский губернатор и двинулся далее на север вдоль Кольского залива. «Поскольку, ребята, сами своими глазами не раз видели с борта рейсового катера до Мурманска, – продолжала Вера Степановна, – что весь правый берег залива, исключая широкую бухту у Североморска, тогда становища Нижняя Ваенга, на всю его восьмидесятикилометровую длину скалистый, обрывистый, всего пара коротких и узких губ навроде Тюва-губы и Большой Волоковой, что почти напротив *нашего* Полярного, то Энгельгардт и отправился по левому берегу залива. Так он дошел до Екатерининской гавани, словно специально выстроенной природой для флотской базы. А своим западным выходом она смыкается на Палагубском мысе (Николка зарделся и горделиво окинул весь класс

* А вот наиболее общественно известный из этого рода, Александр Николаевич Энгельгардт (1832-1893), профессор, выдающийся русский химик, ученый уровня Менделеева и Бутлерова, был выслан из Петербурга в свое имение в Смоленской губернии за поддержку студенческих волнений. За короткий срок он организовал образцовое сельхозпредприятие. Его книгу «Из деревни (12 писем 1872-1887)», выдержавшую семь изданий, часто цитировали Маркс и Ленин, а Сталин рекомендовал ее как настольную для сельхозруководителей. – Прим. авт.

снисходительным взглядом: он-то ведь не один год жил на маяке того мыса!) с большими губами Пала и Оленья, что важно для рассредоточения кораблей по мере увеличения флота. Что впоследствии и сбылось: в Палой губе – судоремонтный завод Северного флота, а в Оленьей тоже сейчас большая стройка разворачивается...».

Все от нее же, от географички Веры Степановны, узнал он, что за год до экспедиции Энгельгардта для принятия окончательного решения Александр Третий, за несколько месяцев до своей кончины, летом 1881 года отправил на Мурман министра финансов Витте, который окончательно и выбрал Екатерининскую гавань для создания там военно-морской базы. Он же убедил императора продлить уже проектируемую – в части топографических изысканий – железную дорогу на участке Кандалакша – Кола до Екатерининской гавани. При планировании будущего города Александровска-на-Мурмане, торжественно открытого в последний год прошлого века, были учтены прикидки Александра Платоновича Энгельгардта: собственно место для строения города на материковом берегу Екатерининской гавани, озеро для водоснабжения (оно и сейчас таковое, рядом с электростанцией), карты топографической съемки местности...

♦ Все исполнилось, кроме продления железной дороги, что была поставлена (война! первый лендлиз стране нужен) построена за полтора года и открыта в 1916 году вместе с ее конечным пунктом: городом Романовым-на-Мурмане. Сооружали ее несколько десятков тысяч мобилизованных в стройбаты среднеазиатов. Поскольку же мусульманское население Средней Азии (и Кавказа тоже) по закону империи не подлежало воинской обязанности, то с этой мобилизацией было связано и единственное в Первую мировую войну восстание в Киргизии – опять союзница-«англичанка» подгадила по своей традиции...

...Солнце на верхушке горы в совершенно безветренный день припекало, поэтому Николай спустился метров на пять ниже, на естественную площадку размером меньше половины школьной классной комнаты. Хотя и удобно с нее рассматривать Полярный со всеми его окрестностями на много миль вокруг, но всякий раз, спустившись на нее, испытывал некоторое неуютное чувство: вроде

сам ни в чем не виноват, но непонятным образом чьи-то несправедливые действия и на него легкой тенью падают. Хотя бы потому, что вот спустился он на площадку горы Энгельгардта, видит на ней разбросанные, позеленевшие от времени и дождей бетонные осколки давно взорванной плиты-стелы в два человеческих роста, с вырубленными буквами слов об основании Северного флота великим Сталиным, заржавленные обрывки цепи, что некогда на железных столбиках опоясывала памятную плиту, и... особо не задумывается: зачем взорвали памятник о таком значимом событии? кто распорядился и что чувствовали работяги-стройбатовцы, закладывая под основание бетонной плиты, выложенной мраморными пластинами, толовые шашки с закрепленными на них детонаторами? Или ничего в рабочей суете не чувствовали... как тот фриц из недавно смотренного фильма, попавший в плен и на допросе одно и то же долбящий: «За нас фюрер думает, а мы только выполняем приказ!». Неужели во всем мире, во все времена, у всех народов фюреры приказывают, а всякие обер-лейтенанты исполняют, не задумываясь?

Николай поморщился: тоже нашел фигуры сравнения. Может Генералиссимус палку перегнул, но ведь и Никите Кукурузнику все эти взрывы и сносы памятников по всей стране, полтора с небольшим года назад ох как аукнулось! – в пенсионеры союзного значения, а это вроде как сто сорок рублей в месяц, перевели. Садился – бодрился, а сел – свалился, как бы по-архангельски сказала мать.

Отогнав невольное неприятное чувство, Николай присел на ранее еще облюбованный большой обломок стелы. Прямо *под ним* широкая заасфальтированная площадка. С одной стороны заканчивается пирсом с пришвартованными в два-три борта подлодками, с другой сужается до выложенной бетонными плитами дороги к различным зданиям подплава. Только с вершины горы Энгельгардта и можно увидеть установленный там памятник подводникам Северного флота работы Веры Мухиной, впрочем с такой высоты смотрится он непритязательно.

А ведь с этой площади-площадки и начинался Полярный, в смысле самый северный тогда город Российской империи Александровск. Все та же учительница географии, почтенная Вера Степановна, сама разохотившись интересом ребят к истории их города, на следующий урок принесла и пустила по рядам две иллю-

страции, от времени пожелтевшие, явно вырезанные из старых журналов, но любовно вставленные под стекло в деревянные рамки. «Вот здесь граф-министр Витте с двумя чиновниками меньшего ранга рассматривает с высоты сопки Екатерининскую гавань. Это иллюстрация с картины художника... к сожалению, мне этот снимок достался без подписи. Пока не выяснила имя автора картины». Когда по их ряду картинка в рамке дошла до Николки, тот даже чуть присвистнул: граф с чиновниками в вицмундирах, полы которых развевал свежий верховой ветер, стояли... именно на том выступе горы Энгельгардта, хорошо ему знакомом, где младшеклассником он издали, от балюстрады Циркульного дома, у постамента не снесенного еще гранитного памятника Сталина, привык видеть памятную плиту в честь его же.

А в другой рамке иллюстрация явно с фотографии. И Вера Степановна подтвердила: «Это из старого, дореволюционного журнала. Фото сделано с торжественного открытия двадцать четвертого июня 1899 года нового города Александровска. Видите, здесь и подпись об освящении гавани и порта Александровска-на-Мурмане. И страница с пояснением к фотографии у меня сохранилась. Журнальный репортер писал, что на открытие свыше сотни гостей прибыли из тогдашней столицы, то есть Петербурга, из Москвы, Архангельска – тогда Кольский полуостров входил в состав Архангельской губернии. Иностранные гости были приглашены – из Норвегии. Очень много жителей Колы присутствовало. А на рейде Екатерининской гавани – на фотографию они не вошли – стояли с десятков пароходов, на которых гости и прибыли из Архангельска, Кандалакши и Колы, русский крейсер «Светлана» и норвежский броненосец «Торденшельд». Почетным гостем церемонии открытия был дядя императора, великий князь Владимир Александрович, значит... брат Александра Третьего, инициатора основания города, в честь него и названного. Видите справа часть деревянного строения? – Это новопостроенная городская церковь, Никольский храм. А архангельский губернатор Энгельгардт зачитал, как тогда было принято говорить, высочайший указ об основании Александровска и переносе в него из Колы уездного центра, то есть

отныне Кольский полуостров становился Александровским уездом Архангельской губернии».

На фотографии Николка увидел ту же заасфальтированную площадь перед нынешним подплавом, что он не раз видел сверху, с вершины горы Энгельгардта. Гости на открытии плотно стояли перед церковью, построенной по эскизам Васнецова, растянувшись от края причала, где сейчас столь же плотно кучкуются подлодки, а причал именуется пирсом. Над головами собравшихся высятся на шестах – не разобрать на фото – то ли портреты, а может и изображения святых: ведь освящение! А по низине гору Энгельгардта опоясывают деревянные мостки с перилами, ведущие к перейме. Она и сама видна, и часть Екатерининского острова с остатками (в конце июня!) снега на склонах сопки. Если присмотреться, то видна песчаная обсушка, то есть в полный отлив тогда можно было всухую перейти на остров. Сейчас этого нет: проход углубили взрывами, чтобы иметь второй, восточный выход кораблям из Екатерининской гавани. С изумлением Николка увидел на фотографии железнодорожную колею, протянувшуюся по площади причала. Как раз и Вера Степановна дошла до нее в своем пояснении: «...Да-да, ребята, вы привыкли думать, что ближайшие железнодорожные рельсы начинаются в Мурманске, а ведь впервые они на Кольском полуострове появились у нас! – для перевозки грузов с судов по причалу. Как в том старом журнале, откуда эта фотография, писал репортер: основан «город в миниатюре»: в одну улицу одноэтажных домов – это где сейчас окончание Советской улицы в Старом Полярном, но зато все в этом городе настоящее и современное: каменная пристань с заасфальтированной площадью и узкоколейной железной дорогой, с городской электростанцией, церковью и даже уездной тюрьмой! И с полным штатом уездного начальства».

♦ Вот сидит он на обломке взорванной памятной плиты, под вершиной горы, а под ним на много миль на север, запад и юг – вид на восток верхушка гранитная закрывает – жизнь на скалах и на море: город не великий, но не такой уж и малый, с крохотными людьми, идущими по улицам – уже не единственной, как в нопостроенном Александровске; на пирсах вдоль всего материкового берега Ека-

терининской гавани, облепленных подлодками и надводными кораблями, деловая суeta; матросы в белых холщовых рабочих робах и яловых сапогах, офицеры в летних рубашках с погонами вдоль и поперек рассекают; со стороны подплава непрерывающийся ровный гул компрессорной станции – закачивают сжатый воздух в огромные баллоны, что наряду с торпедами загружаются на лодки перед боевым (иных не бывает!) выходом в море; а на море, в самой гавани, по всему Кольскому заливу, что виден за Екатерининским островом и родным Большим Оленьим до самого горизонта, где залив смыкается с Баренцевым морем, те же корабли идут в разных направлениях, гулко стучит дизелем на надводной зарядке аккумуляторов подлодка, идущая на траверсе Седловатого. А по заливу, держась правого берега с гарантированной глубиной воды, в сторону Мурманска и обратно на выход в море нескончаемой чередой движутся гражданские суда: торговые под самыми различными государственными флагами, средние и большие морозильные рыболовные траулеры, буксиры и малые каботажные «посудины». Все они время от времени, но с завидной регулярностью, перемеживаются кораблями, базирующимися в Североморске: эсминцами и большими противолодочными. Не редкость и крейсер увидеть, тот же «Киров» (Николай Андреянович на миг перекинулся в своих воспоминаниях на много лет вперед: именно на «Кирове» будет служить его племянник, сын старшего брата Георгия).

Хотя ледоколы, «Ермак», «Красин», «Ленин» и другие, числятся за Мурманским пароходством и экипажи на них гражданские, но кто же проводит военные корабли между Северным и Тихоокеанским флотами? И суда жизнеобеспечения военных гарнизонов по всей советской Арктике. Всякий раз, глядя на движение кораблей и судов по заливу, вспоминал Николай еще в дошкольное детство на Седловатом увиденную на траверсе острова встречу дедушки ледокольного флота «Ермака» и атомного «Ленина», обменивающихся приветственными троекратными гудками корабельных сирен.

Сегодня ледоколов не видно; оно и понятно: их смена с работы в Арктике, возвращения в Мурманск и выхода в море приходится на позднюю весну. А сейчас уже июнь месяц.

Жизнь, всюду размеренная жизнь с преобладанием военной мощи Северного флота – «современного флота», как в той побасенке о флотах Советского Союза.

Николай на несколько минут зажмурил глаза, представляя, что ничего этого вокруг и под ногами еще не создано. А в мыслях: ведь этот пятачок выступа под самой вершиной горы, шесть шагов в длину и не более трех в ширину, самое настоящее историческое место! В разное время здесь побывали известнейшие люди, которые в любых иных местах может и не пересекались во временных дистанциях. И всех их интересовал только отсюда открывающийся сверху полный вид на Екатерининскую гавань, ее материковый и островной берега.

С зажмуренными глазами, четко сохраняя в зрительной памяти абрис береговой линии и подковообразной формы гавани, Николай единым движением мысли вычеркнул с этих берегов и вод все признаки сегодняшней кипучей жизни, постарался представить тех людей, что с этой крохотной площадки, выступа в скале, смотрели вниз, размышляя: вот здесь, в этой гавани и будет создаваться флот на севере страны!

♦ Архангельский губернатор, проделав дальний путь от Кандалакши до Колы и далее по левому берегу залива до Екатерининской гавани, об удобном положении которой он знал со слов архангельских купцов, ведущих торговлю от поморских рыбопромышленников и китобоев, что по осени отплывают на Мурман и Грумант* с их незамерзающим морем, а весной возвращаются, как только Белое море освободится ото льда. И почти полгода добычи китов, трески, сельди и семги становищами они имеют Колу и более удобную Екатерининскую гавань, близкие к ней губы: Палую, Оленью, Сайду и Тюву на правом берегу Кольского залива, благо последняя в высоких скалах, снег и лед на которых и летом не тает, что нужно для хранения рыбы. На лето прибывают с Поморья сменяющие их артели. И так круглый год берега Екатерининской гавани не пустеют.

Но у прибывшего в это место, про которое сложены поморами присказки вовсе неодобрительного характера, Энгельгардта иная задача: уточнить сведения,

* Поморское название Шпицбергена. – Прим. авт.

полученные в правительстве от годом ранее побывавшего здесь министра Витте, провести топографические съемки и все остальные проектные изыскания под постройку будущего города – базы предполагаемой военной Флотилии Ледовитого океана. Уже по установившейся традиции, для прикидочного осмотра местности губернатор с архангельскими чиновниками и техническими служащими Инженерного ведомства Министерства внутренних дел, с пологой материковой стороны взойшли на восточную, самую высокую гору, с которой открывался замечательный вид на Екатерининскую гавань и все близлежащие окрестности.

Чтобы не стоять на юру в довольно-таки свежий ветер с моря, Александр Платонович спустился по короткой естественной, главное не крутой, тропе несколькими метрами ниже на удобный и вполне поместительный для полудюжины человек уступ. Чиновники и инженеры последовали за ним. Николай с закрытыми глазами мысленно «расставлял» пришедших по длине уступа, не на шутку испугался, что ближний к нему чин Инженерного ведомства споткнется о него, от неожиданности неловко отпрянет и полетит с отвесной горы в воду, уродуясь от ударов неровностями этой бугорчатой отвесной скалы... но ощутил лишь легкое прикосновение к щеке мягкого, ворсистого сукна высшего качества – фалды форменного сюртука замыкавшего спуск на выступ того самого чина Инженерного ведомства. Раскрыл глаза, рассмеялся, увидев неосторожно пролетевшую белую, невидную собой бабочку. Эх ее занесло?... впрочем, и здесь, на уступе растительная жизнь к лету проявилась: на вороничном пологе даже несколько ромашек и пара цветков-колокольчиков между замшелыми бетонными осколками взорванной сталинской стелы. Они-то и завлекли на эту высоту скромную собой заполярную бабочку.

Снова зажмурил глаза и мысленно представил министра Витте, за год до архангельского губернатора с этого же уступа внимательно осматривавшего Екатерининскую гавань. Уже по прямому поручению императора Александра Третьего выбирал место для будущей военно-морской базы на Мурмане. Тогда Сергей Юльевич в русской общественной жизни являлся уважаемым государственным деятелем, крестным отцом «стройки века» – Транссибирской железнодорожной

магистрала. Но судьба людей на виду переменчива. Через десять лет за Портсмутский мир с Японией, полагавшийся позорным (а он что – должен был из Портсмута фунт изюма привезти? войну не он начал и не он проиграл!), будучи возведенным в графское достоинство, был с гомерическим хохотом оплеван «передовой русской интеллигенцией», поименовавшей его *графом Витте-Полусахалинским*... той самой интеллигенцией, что во время войны с самураями на своих посиделках желала поражения России и поднимала шампанские тосты за здоровье микадо! (В этом месте ностальгических воспоминаний Николай Андреевич досадливо поморщился, сопоставив события начала прошлого века с нынешними: все та же «передовая» и пр. якобы интеллигенция осаждает аэропорты и пограничные переходы: не хотим в Рашке жить, стыдно нам за нее. Тьфу! Да еще телевизионщики подпевают, дескать, у каждого свой повод уехать...).

♦ Но – вот игра памяти! – будущий граф Полусахалинский предстал его зажмуренным глазам не в деловом сюртуке для рабочих поездок по места и углам империи, но в том одеянии, что Николай увидел на фотографии Витте в словаре Брокгауза и Ефрона, восемьдесят с лишним томов которого, изданные в начале века, Наталья Зосимовна хранила еще в одном «некаталожном» шкафчике комодного вида*. Николай их брал том за томом, по алфавиту, прочитывая от корки до корки.

И читая там на букву *В*, между страниц с биографиями великого князя литовского Витовта, изобретателя электромагнитного телеграфа Чарльза Витстона и министра Витте, обнаружил вложенную, явно прежним владельцев знаменитого словаря, вырезку из дореволюционного журнала (определил по тексту с «ятями» на обратной стороне) с парадным фотопортретом Сергея Юльевича. Вот Николай и представил его на уступе горы Энгельгардта в таком виде: осанистого, со слегка кудлатой бородкой, в расшитом золотыми и серебряными нитями (иллюстрация черно-белая, но так угадывалось) мундире со звездами, орденской лентой через левое плечо и наискосок до пояса. А в лице его Николай обнаружил некоторое

* Девяностые годы, лихие в числе прочего на разгильдяйство и безалаберность, не обошли стороной и флотский город Полярный: в одночасье дотла сгорели интернат, в котором Николка прожил шесть лет, и дэкаф уже Николая. Ушли в небытие и шкафы Натальи Зосимовны... - Прим. авт.

сходство с изобретателем радио Александром Степановичем Поповым. Оно и понятно: какому богу молишься, тот тебе в видениях и является...

Стоит Витте в парадном мундире у самого края уступа, за ним малочисленным полукругом свита. Все, кроме министра, опасливо посматривают на близкую бездну с темно-синей, спокойной в защищенной от ветров гавани, водой. Витте, как финансовый министр, человек государственный, озабоченно – сколько же деньжищ из казны придется ухлопать! – осматривает водную гладь гавани, остров Екатерининский с береговыми скалами, круто уходящими в эту самую гладь, с пролежнями снега, оставшегося от давно ушедшей зимы, на сопках острова. И совсем нахмурился, скосив глаза влево – на всхолмленный голыми гранитными скалами материковый берег: Кавказ в уменьшенном масштабе! Как, из чего, на каких площадках здесь город сооружать? Но ведь удобнее для базирования нового флота места и не сыщешь от Колы до побережья Баренцева моря? Опять же государь недавно, обсуждая с Витте и еще несколькими министрами уже решенный вопрос о строительстве железной дороги через Карелию и Кольский полуостров до порта с выходом в Баренцево море, отметил особо, что таким портом будет уездный городок Кола, но дорога обязательно должна быть продлена по левому берегу залива до будущей военно-морской базы. Кола для этого не годится – мелководье и стратегически ненадежно почти на сотню верст заглублять флот в материковую часть – при относительно нешироком заливе. В таком варианте, размышлял Витте, половина вопросов решается: материалы для строительства сейчас можно везти из Архангельска, прежде всего лесные, частью из Колы; камня и здесь с избытком. С постройкой железной дороги уже действующий к тому времени военно-морской порт и база флота перестанут испытывать какие-либо затруднения, связанные с удаленностью от Центральной России. Дело за корабельными верфями Санкт-Петербурга, но оно императором Александром Александровичем поставлено крепко. С дальнейшей перспективой.

...Через неделю по возвращению в столицу, Сергей Юльевич передал государю всеподданнейший доклад с обоснованием, включая приложение «с цифрами», выбора Екатерининской гавани по левому берегу Кольского залива за десять

с небольшим верст до выхода в Баренцево море в качестве наиболее удобного по всем соображениям и доводам места для базирования военных кораблей различного класса и сооружения города-порта. Доклад был всемилостливейше принят и во многом укрепил императора во мнении конкурентного учреждения флота на Севере и места обустройства его базы.

Из услышанного от Веры Степановны на уроках географии и много чего знающей Варвары Пантелеевны, сторожила дэкафа, прочитанного в томах словаря Брокгауза и Ефрона, книг по истории освоения русского Севера, охотно подыскиваемых для него Натальей Зисимовной, Николай знал, что вроде как внезапная смерть Александра Третьего отсрочила создание военного флота на Севере, хотя Николай Второй и ускорил строительство города в Екатерининской гавани – с неопределенным статусом «коммерческого порта». Николай никак не мог взять в толк: какой-такой коммерческий порт без железнодорожной связи с Большой землей? Истинно, не зря устоялось мнение о недалекости ума последнего царя. Только Империалистическая война поторопила правительство с базированием в Александровске военных кораблей с официальным их названием Флотилией Ледовитого океана.

♦ По всей видимости пара чириков, севшая на верхушку горы, по своему скандальному характеру подралась за ягоды вороничника, росшего на крохотном клочке земли, нанесенной вековой пылью на голый гранит и задержанный от ветров и дождей небольшим углублением в скале, иначе откуда взяться мелкому камешку, что скатился на уступ и остановился, легонько ударившись о ботинок Николая. Но тому во сне наяву, хотя бы и с зажмуренными глазами, привиделись следующие, через четыре десятка лет, посетители уступа. На этот раз вместо обладателей летней обуви и специфической административно-чиновной речи с вершины спускались люди в сапогах, отчего и камешки падали сверху на уступ, а голоса новоприбывших звучали мужественно и громко, а вместо имен-отчеств они обращались друг к другу коротко, с давнишним дружелюбием: Клим, Коба, Мironыч... Когда, спустившись на уступ, они прошеествовали мимо Николая, тот явно ощутил запах сапожного гуталина и более приятный аромат дорогих па-

пирос «Герцеговина Флор» в черно-зеленых коробках с откидной крышкой. Он сам в прошлом году начал баловаться табаком именно с этих папирос за сорок копеек: отец очень их хвалил, правда, по другому поводу. Курение сына он воспитательно не одобрял, часто повторяя присказку о том, что у древних греков пить вино разрешалось только с тридцатипятилетнего возраста^{*}. Николай как-то с умыслом спросил: «А курить у американских индейцев с какого возраста разрешалось?» Отец – после третьей стопки – подвоха не заметил: «Гм-м, да вроде как после первого добытого скальпа».

Тем временем, пока Николай с зажмуренными глазами отвлекся на «Герцеговину Флор», малопьющих древних греков и курящих индейцев, Сталин, нарком военных дел Климент Ефремович Ворошилов, первый секретарь ленинградского обкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров и еще несколько ответработников расположились на уступе, рассматривая открывшуюся им в ближней перспективе Екатерининскую гавань, Екатерининский же остров и материковый берег с небольшим числом раскиданных, где относительная ровность местности позволила, одноэтажных домишек. Но оставшаяся от прежнего Александровска каменная заасфальтированная пристань прямо внизу, под ногами, столбы с электрическими проводами между домами, фигурки людей на пристани и в городской черте, два миноносца класса «Новик» царской постройки и несколько грузовых и рыболовецкий судов на рейде гавани, пара двухэтажных бревенчатых складов на пологом в районе переймы берегу острова – все это благоприятно подействовало на Сталина и сопровождающих его.

Из их разговора и коротких реплик Вождя Николай понял: решение о базировании вновь создаваемого Северного флота СССР в Екатерининской гавани и переустройства поселка (да, такой понижающий статус приобрел Александровск в двадцатые годы) Полярное в город Полярный принято. Веселый по характеру маршал-кавалерист Ворошилов даже присвистнул, вспомнил из школьного: «От-

^{*} Древние греки не дураки были. Еще Гиппократ совершенно верно определил естественную продолжительность человеческой жизни – как и у высших обезьян она составляет 35 лет (кстати, у гуся – сорок...). Все что свыше сейчас, есть успехи цивилизации и медицины. То есть дожил до 35 лет – можешь и пить: жизнь и так удалась! – Прим. авт.

сель грозить мы будем...». Но Сталин осадил его: «Может когда и будем. Сейчас же время сдерживать угрозы нам, – и, обращаясь к Кирову (тогда Кольский край административно относился к Ленинградской области), – твои, Мироныч, топографы и строительные проектировщики и флотские спецы из наркомата должны срочно за дело взяться. Соответствующее постановление от Центрального комитета и Совнаркома не задержится».

Расшалившиеся чирики опять сбросили к ногам Николая мелкий камешек. Значит, судьбоносцы грядущего Северного флота покинули уступ и пошли в обратный путь, поднимаясь по тропе на вершину горы, выбивая каблуками сапог гранитный щебень. Краткость пребывания руководителей страны Николая не удивила. Не из тех они были, про которых мать поминает: «Шуму было много, а вышел болтун». Раскрыв глаза, он как-то по иному, уважительно оглядел город и гавань. Музыкальный слух у него неважнецкий, но здесь накатило волнующее на душу, негромко запел неофициальный гимн Северного флота: «Прощайте, скалистые горы, на подвиг Отчизна зовет! Мы вышли в открытое море в суровый и дальний поход...» – на слова корреспондента флотской газеты времен войны Николая Букина*. Николай еще с младших классов знал, что Букин был первым послевоенным директором их школы – не снимая погон флотского старшего лейтенанта.

А сколько еще известных людей в разные времена стояли на этом маленьком уступе господствующей над нынешним городом и гаванью горы? Адмиралы и великие князья, министры и знаменитые путешественники русского Севера, писатели и художники... Многих собрала эта неровная площадка в несколько квадратных метров с единственной целью: создать здесь русский, затем советский военный флот, ныне самый большой и мощный в стране.

Мда-да, неблагодарность и беспамятство есть выраженные черты характеры человеческого. Мало что варварски взорвали стелу в память Сталина, основателя Северного флота СССР, так еще и оставили здесь помойку: камни и щебенку от

* Был призван на службу в Северном флоте из Сарапула Удмуртской республики, где окончил сельскохозяйственный техникум. Музыку к песне написал североморский композитор Жарковский. – Прим. авт.

бетонной плиты и издевательски – иначе это не назовешь – оставленные обрывки цепи на закрепленных в граните стальных штырях. Брат Толька говорил, что некоторое время спустя после уничтожения памятника на уступе, там пара якорей, на которые замыкалась цепь, лежала. Видно, кому-то приглянулись. Что за пакостная манера после каждой смены власти памятники сносить и города переименовывать – иногда по несколько раз за век?

♦ «Методичность в твоём характере намечается, – говорил порой отец, – это хорошо для ровного течения жизни и того занятия в ней, который выберешь, взрослея». Действительно, к окончанию заполярной жизни Николай много чего по крупицам собрал об истории Полярного, военного флота на Севере, исследований в Арктике, словом обо всем, связанном с дальней и ближней историей родных мест. Где прочитал, что услышал от отца, брата Тольки, Натальи Зосимовны и Варвары Пантелеевны. Не говоря уже об узнанном на уроках географии от Веры Степановны, истории – от Беллы Нурьевны и литературы – от Валентины Николаевны.

Вот и сейчас, разжмурив глаза после мысленного посещения уступа горы губернатором Энгельгардтом, министром Витте и самим Иосифом Виссарионовичем с Ворошиловым и Кировым, Николай рассеянно, не сосредотачиваясь на отдельных предметах, поводил глазами слева, от Корабельной горки с одноэтажными домиками, и до искоса – вправо, до переймы и восточного берега Екатерининского острова. На сердце восторженно потеплело: ведь если годы и даже века условно, как говорит их математичка, сжать в одну временную точку, то кого только он не увидит в пределах окоема? Великий князь Владимир Александрович на открытии города в последний год девятнадцатого века; на три десятка лет раньше его брат, великий же князь Алексей Александрович тоже побывал в Екатерининской гавани: пересаживался с прибывшего из Архангельска корвета «Варяг» (не путать с более поздним героическим крейсером «Варяг»!) на паровой катер, следовавший с царской особой в Колу. Сам же «Варяг» остался дожидаться великого князя в возврат в гавани. Экспедицию возглавлял тоже известный адмирал Посьет. А вот великий князь Владимир Александрович не в первый раз был в

здешних местах, открывая город Александровск; еще за пятнадцать лет до этого, следуя из Архангельска в Колу, конечно же, не миновал Екатерининской гавани.

Припомнил он, что и само название Екатерининских остров и гавань получили в честь супруги Петра Первого, указом которого в последние годы его жизни было учреждено казенное Кольское китоловство, три корабля которого и базировались в гавани. Отсюда и первые дома, склады, пристань и кузнечная мастерская на берегах гавани: островном и материковом. Те единственные два больших двухэтажных дома, сложенные по-архангельски из полуметровых в диаметре бревен, на берегу Екатерининского острова, около переймы, в одном из которых семьи работников метеостанции живут, а в другом матросы из какой-то вспомогательной флотской службы, постройки еще до основания Александровска, разумеется, не времен Петра Первого, но, скорее всего, сооружены по правилу житейскому: «пепелище всегда обжитое место»...

Но все ведь здесь начиналось именно с китов... завершившись флотом России, Советского Союза на Севера, граничном с вечно враждебной Европой: вещие слова Достоевского не покидали памяти Николая. Киты... корабельная и судовая оживленная жизнь давно отогнала китов от кольского побережья. Но ведь еще с полста лет назад они, особенно несмышлениши-малолетки, увлеченные легкой добычей, заплывали в азарте в Кольский залив вслед сельдяным косякам. Не зря же на гербе Колы изображен кит! То есть и до истока залива, до нынешнего Мурманска добегали. Самому ему, увы, видеть их не пришлось: киты и крейсера с подлодками в одном узком заливе явно не совместимы. Но мать и отец рассказывали, как в год рождения Николая, щедрый на сельдяной улов, один такой молодой кит (по размеру было видно) заплыл-таки в Кольский залив и доплыл до Белокаменки. Его, пускающего фонтаны, отец наблюдал в бинокль с поста СНИС'а — еще служил, а мать с мостков тамошнего маяка. И мужики до позднего вечера спорили (тогда еще не было Никиты во власти, не было и сухого закона...): кита звери-касатки в залив загнали или стая селедок за собой увлекла? Окончание дискуссии как-то не отложилось в памяти Андреяна... По словам матери, накануне в поселковую лавку завезли три ящика крепкого албанского коньяка «Скандербег».

Николай, тогда еще слабый практическим разумом Николка, не понимал: что значит крепкий? Ведь про водку так не говорят: водка она и есть водка, сорокаградусная «злодейка с зеленой наклейкой»... И только начав «проглатывать» тома словаря Брокгауза и Ефрона, из числа упрятанных в заветный шкаф сокровищ Натальи Зосимовны, вычитал, что коньяки изготавливаются различной крепости, до шестидесяти градусов и выше. И понятна стала реплика Григория Мелехова из «Тихого Дона», что-де ну и крепок коньяк этот! навроде спирта...

Почувствовав прилив аппетита, развернул сверток с бутербродами, чем привлек внимание дежурного у трапа матроса на пирсе, с ближней тройки номеров пришвартованных подлодок. Что-то он заподозрил, заметив разворачиваемый под верхушкой горы газетный лист. На всякий случай погрозил в сторону Николая кулаком. Тот усмехнулся: салага-первогодок, еще не знает, что пацаны в городе, как это?.. экстерриториальны, вроде их и в природе не существует, могут где угодно ходить-бродить, исключая хозяйство подплава и судоремонтного завода в Пала-губе. На то они и огорожены и охраняются караульными... в тех, конечно, местах, где пройти можно.

♦ Поев, Николай перебрался на клочок вороничника, подстелил под голову свою свернутую куртку, прилег, закулив болгарскую сигарету «Джебл», что недавно появились в магазинах и киосках города. Полуприкрыл глаза, на этот раз от июньского солнца. Оно и в Заполярье светило, хотя бы в полдень июньского дня зенит его невысок. Но продолжал размышлять в прежней тональности.

Все же именно благодаря китам Екатерининская гавань многих известных людей повидала. Хотя бы учрежденное Петром Кольское китоловство и десяти лет не просуществовало ввиду его убыточности, но добыча этих морских гигантов в восемнадцатом веке имела достаточное оживление. И для всех артелей с архангельского поморья, прибывавших на Мурман, оперативной и тактической, как говорят военные, базой служила Екатерининская гавань. И юный Ломоносов, которого для приучки к промыслу отец его, Василий Дорофеевич, брал с собой в свои торговые плавания, бывал здесь. Он чуть опустил глаза: прямо напротив, на Екатерининском острове те два поместительных бревенчатых дома построены на

фундаментах их предшественников, амбаров китоловной компании. К ним и подплывал в летнюю путину гукор^{*} «Чайка» отца Ломоносова, загружался китовым жиром, перевозкой которого в Архангельск оборотистый помор и занимался. Очень живо представил Николай крепкого парня Михаила, будущего ученого-энциклопедиста и поэта, вкатывающего по досчатым мосткам на «Чайку» бочки с китовым жиром. Так что Михаил Васильевич присутствует в Полярном не только на портрете в школьном кабинете химии, но и в невещественной памяти близкого отсюда берега Екатерининского остова с двумя деревянными домами, сложенными в пару этажей из еловых бревен в обхват.

Да и предшественники их, построенные по петровскому указу, не пустовали после упразднения китоловной казенной компании. Много здесь народу промыслового и иного предприимчивого побывало! В самом начале царствования императрицы Елизаветы Петровны полдесятка или поболее кораблей под командой англичанина на русской службе Уильяма Льюиса, поочередно строившихся в Архангельске, два года собирались в Екатерининской гавани в эскадру для дальнейшего следования на Балтику. Опять же мысленно нарисовал Николай на рейде Екатерининской гавани, ближе к островному берегу у переймы и построек китоловной компании, эти большие боевые корабли с убранными надолго парусами. Сначала один, к осени присоединился другой, на следующую весну третий пришел из Архангельска, а к осени все пять или шесть. Готовы к отплытию. В погожие летние дни матросики, по-казарменному проживавшие в домах почившей китоловной компании на острове, разбредались по нему, обедались созревшей, но еще хрустящей на зубах морошкой. Не брезговали и черникой с голубикой. Хозяйственные коки ведрами собирали грибы: для сушки и текущей варки харча. Для тех же целей отряженные команды ловили треску, заводя сети на обсушке переймы в прилив. Чем занимался офицерский состав в эти два с лишком года сбора эскадры? — этого Николай не мог представить, не зная военного быта восемнадцатого века, почти не отображенного в русской классической литературе.

^{*} Поморское промысловое одномачтовое судно.

А двадцатью с небольшим годами спустя, уже при недавно взошедшей на престол Екатерине Алексеевне, в Екатерининской гавани зимовали три корабля секретной экспедиции Чичагова; все в тех же поместительных домах на островном берегу экипажи проживали. По весне корабли ушли с малоизвестной целью на Шпицберген, после чего вернулись в Архангельск.

Итак до окончания века восемнадцатого и весь девятнадцатый редко когда на рейде Екатерининской гавани не виднелось военных кораблей, промысловых и торговых судов. По прежнему команды проживали в островных домах. Материковый берег особо не привлекал; в основном, из тамошних озер доставляли на противоположную сторону гавани питьевую воду. На обширном гористом острове озер не имелось.

♦ Как рассказывала Вера Степановна, в последнее десятилетие прошлого века в Екатерининской гавани появились паровые корабли и суда, начиная с малоомощного парохода «Мурман». И не просто заходили, но подолгу базировались. А с последних лет царствования Александра Третьего и вовсе Екатерининская гавань готовилась стать военно-морской базой на Севере империи. Николай представил стоящие на рейде крейсера и другие, прибывающие с Балтфлота и сменяющие друг друга, корабли. В расцвет фотографии в начале века их снимки на рейде гавани появлялись на страницах газет, журналов, познавательных книг. Вера Степановна пускала по рядам некоторые из них: изображения кораблей «Джигит», «Вестник», и других. Судя по их двухтрубности, только пара трехтрубных, это были корабли класса миноносцев и легких крейсеров.

Но в наступившем вскорости двадцатый век виды кораблей на рейде гавани и новопостроенного города Александровска появились и на почтовых открытках. И такие у их географички имелись. К началу Империалистической Александровск и Екатерининская гавань уже стали главной базой Флотилии Ледовитого океана, а с началом войны ее флагманом стал героический «Варяг», поднятый японцами со дна корейской бухты Чемульпо, введенный в состав флота островной империи, а затем выкупленный царским правительством и отправленный на Кольский Север.

Глядя на гавань, Николай перенес фотографию открытки на видимую им водную гладь: в середине стоит на рейде «Варяг», легко узнаваемый по другим известным фотографиям, хотя бы экономные японцы и уменьшили на одну число его труб, ремонтируя корабль после подъема. А рядом еще несколько кораблей: миноносцев и вспомогательных судов. Словом, если и не полная флотилия, но почти эскадра.

Северный флот России, как вполне здраво рассуждал Николай, в силу особых арктических условий его базирования, а главное действия, во многом состоялся благодаря русским северным экспедициям восемнадцатого, девятнадцатого и начала нынешнего веков. Именно поэтому, оказавшись в Полярном, Каверин задумал и написал свою главную книгу о двух капитанах. А причину того, что все арктические экспедиции отправлялись в плавание из Екатерининской гавани, разъяснила ребятам, еще тогда семиклассникам, Вера Степановна. Как и в случае с кораблями эскадры Уильяма Льюиса, два с лишним года «собиравшимися» здесь перед отплытием на Балтику, все дело в замерзающем Белом море и строительством кораблей на архангельских верфях.

То есть все эти экспедиции, вошедшие в русскую историю преимущественно женскими названиями кораблей и громкими именами их руководителей, планировались загодя в проверенной последовательности. Сами корабли строились или фрахтовались в Архангельске, там же укомплектовывались всем положенным: от набора надежного экипажа и продовольствования на срок полагаемого плавания до научно-исследовательского обеспечения экспедиции. Осенью, до наступления морозов, корабли отплывали из Архангельска и зимовали в Екатерининской гавани, а с началом весны, то есть сезона плавания в арктических морях, уходили в свой нелегкий, тяжелый, часто гибельный путь полярных первооткрывателей...

Попробовал Николай прикинуть: если мысленно собрать все исторические корабли и суда, в веках побывавшие в Екатерининской гавани, уместятся ли они на воде между материковым и островным берегами, от западного до восточного выходов из гавани? Даже если станут на рейде бортом к борту, носом впритык к

корме другого. Как ни прикидочно он сопоставлял размеры кораблей разного класса, их число и примерную «на глазок» площадь гавани, но получалось, что их смело можно ставить в пару-тройку рядов по высоте... А если людей, здесь побывавших и живших, расставить плечо в плечо по территории Полярного? – И с каких времен их считать? Может с того доисторического, от которого на его родном острове Большом Оленьем, что с горы сейчас виден как на отставленной на вытянутой руке ладони, в память остался их погост, в археологической науке именуемый Оленьеостровным могильником третьего тысячелетия до нашей эры..

Поднявшись с вороничника, Николай собрался в обратный путь, напоследок еще раз окинув всю эту величественную картину царства военной цивилизации.

* * *

Военная цивилизация! – Истинно так, завершил свои воспоминания Николай Андреевич. И как ни сурова порой была его жизнь в том заполярном краю, но как же он благодарен судьбе за свое детство, отрочество и начало юности среди бушующего в штормах моря, голых скал и сопок, военных кораблей и гражданских судов, недельных выюг и месячных зимних туманов, пронизываемых звуками *его родных* маяков: глухо ревущей сирены Седловатого, тоненько попискивающего Палагубского, озорно взлаивающего маяка Большого Оленьего. *Para pacem, para bellum!* – хочешь мира, готовься к войне... Мудрость древнеримская на все века для этого вечно беспокойного мира. Вот и сейчас: проклятые америкосы!.. Это как знаменитый генерал Скобелев, в почтенные годы назначенный царем комендантом Петропавловской крепости, входя в холодную воду Невы искупаться, бормотал: «Проклятые немцы!» Впрочем и они сейчас хороши... забыли напрочь, ферфлюхтеры, штурм рейхстага. Всем скопом обложили нас, беспамятные и неблагодарные. Э-э-х! Махнул рукой, отправился на кухню: стопку принять для спокойствия душевного. Такую песню испортили!

Не утерпел, вновь вынес из кладовки заветную бутылку виски «Балантайн» с черной этикеткой, то есть семилетней выдержки. Не из приязни к Западу, но потому, что по матери происходил из шотландских переселенцев в Россию при царе Алексее Михайловиче. Тоже память.

ЭПИЛОГ: «ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ...»

Однако если посмотреть на установления древности, то не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина.

Никколо Макиавелли «О военном искусстве»

Писатель Бурцев, он же издатель и главный редактор провинциального литературного журнала «Срединная Россия», общий приятель Николая Андреяновича и профессора Скородумова, как-то похвастался во время дружеской встречи троицы в забегаловке с подачей «Наливай-ка!» своим новым книжным приобретением: во время очередного визита в городскую «Буккнигу», что в низу проспекта Ленина, недалеко от кремля, обнаружил в углу, где пылилась гора совсем уж не востребуемых народом книг общественно-политической тематики, раритет высшего класса, а именно экземпляр книги, воспроизводящей стенографической отчет последнего перед войной съезда ВКП(б).

Но Николай Андреянович и Игорь Васильевич, увлеченные обсуждением сравнительных достоинств нынешних грузинских и молдавских, в смысле приднестровских, Тираспольского винзавода, коньяков, как-то пропустили это мимо ушей, чем обидели Андрея Матвеевича несказанно.

Вот сейчас, взбудоражив себя воспоминаниями о своем североморском детстве-отрочестве и начале юности, Николай Андреянович заинтересовался библиофильским раритетом писателя Бурцева. Ведь предвоенный съезд партии и создание Северного флота недалеко друг от друга по годам отстояли. Может что найдет в отчетной книге незнаемое им о родном городе и флоте?

Созвонился утром следующего дня с Бурцевым, попросил почитать партийную книгу. Андрей Матвеевич, потеплев голосом, тотчас зазвал его в гости: просимое, мол, заберешь и, несмотря на дообеденное время, распробуем с тобой, Андреяныч, один презанятнейший напиток, бутылочку которого намерен презенто-

вал благодарный автор повестушки, что я опубликовал в своей «Срединной России»...

Словом, уже ввечеру, отдохнув на диванчике после тяжеловатой дегустации (бутылка 0,7 литра!) испанского бренди, Николай Андреянович с неподдельным интересом просматривал основательный том в добротном переплете с тиснением – из тех, что время не берет. Если только гвозди им не забивать и пайковую – в тридцатые и сороковые годы – селедку не разделявать на нем.

Все искал про новосозданный тогда Северный флот, но глаза останавливались на не менее интересных вещах. Особенно в отчетном докладе наркома обороны, героя Гражданской войны Ворошилова. И множество ассоциаций тотчас в голове выскакивало. Вот перечисляет Климент Ефремович постатейно, в цифрах виды и количество вооружений Красной Армии, а в конце списка стоит: «...и один бронепоезд». А в голове тотчас зазвучала известная песня: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Вот это да! такая точность автором слов песни соблюдена, словно сочинял их, предварительно проштудировав отчетный доклад наркома Ворошилова...

Но даже холодок по спине, под рубашкой, пробежал к окончанию чтения доклада. В скобках, то есть от редактора книги, написано, что в заключении своего выступления товарищ Ворошилов, осудив происки японского милитаризма, прочитал частушку. И она самая приводится:

*А товарищ Кокинакки
Долетит до Нагасаки
И покажет всем Эсаки
Где зимуют раки!*

Это надо же так предугадать? – И город тот самый, хотя бы первым была Хиросима, и военный министр Эсаки после атомной бомбардировки первым начал уговаривать императора Хирохито сдаваться американцам, пока Сталин с Трумэном не поделили Острова Восходящего Солнца! Только в летчике создатель легендарной Первой конной армии ошибся: не советский то был пилот с финской

фамилией, но американский с французской... которую Николай Андреянович запомнил.

С сожалением захлопнул внимательно просмотренный том в переплете из твердого картона, обтянутого плотной тканью с тиснением букв: конкретно, кроме упоминания, о Северном флоте ничего нового для себя не нашел. Хотя бы сам нарком со Сталиным и Кировым побывал в Полярном. Рассматривая будущую главную базу нового флота с выступа у вершины горы Энгельгардта...

Вот так и память уходит. Навроде того легендарного бронепоезда, что некогда стоял на запасном пути. Любая цивилизация остается в памяти человечества абрисно или в наиболее значимых эпизодах или лицах: царях и героях. Военная цивилизация здесь не исключение.

Через пару дней, отдавая книгу о довоенном партсъезде Андрею Матвеевичу на нейтральной территории – домой к нему поопасался идти, Бурцев намекнул в телефонном разговоре, что щедрость благодарных авторов не ограничилась одинокой бутылочкой испанского бренди, – то есть в главном городском парке, Николай Андреянович искренне поблагодарил литератора за доставленное удовольствие окунуться в далекую историю. Довольно похихатывая от осознания своей щедрости, особенно если она ничего не стоит, тут же предложил ознакомиться с еще одним раритетом, недавно у него объявившимся: знаменито-скандальной книгой Лаврентия Павловича Берии по истории большевистских организаций в Закавказье. Николай Андреянович благодарил. К Берии он относился скорее положительно: как к организатору советской атомной промышленности, значит и «отцу» атомных подводных лодок и их вооружения.

Назвался груздем, полезай в кузов. Зайдя все же в квартиру Андрея Матвеевича «на минутку, книгу забрать», задержался у гостеприимного хозяина до раннего вечера. Далекий от флотской жизни, писатель Бурцев окрепшим от нескольких стопок сорокапятиградусного американского виски «Макерс марк» из Кентукки баритоном душевно пел в унисон с приятелем: «...Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет!».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора: Электронное письмо на деревню дедушке

Часть первая: Живая история в лицах

Часть вторая: «Отсель грозить мы будем...»

Эпилог: «Прощайте, скалистые горы...»

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

ВОЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Повесть

16+

Место штрих-кода

Редактирование и корректура авторские
Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета
С.В. Никитин

ИЗДАТЕЛЬ: ЦНИТ «АСТЕРИОН»
191015, Санкт-Петербург, а/я 83
Тел./факс. (812)685-73-00, 666-53-92, 970-35-70
E-mail: asterion@asterion.ru

Подписано в печать 01.05.2023
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 12,0
Печать офсетная. Бумага офсетная
Гарнитура «Akademy»
Тираж 300 экз. Заказ № ...
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а
Тел./факс (4872)49-73-73
E-mail: aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru
<http://www.grif-tula.ru>